

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (52)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель председателя проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
заместитель главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, США, Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Самара

- Копелев Д. Н.* доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Мальшева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Алексеев К. А.</i> Иранские племена в волго-уральских степях в бронзовом веке	6
<i>Пенской В. В.</i> Сильный во Израиле: князь Ю. И. Токмаков	18
<i>Курбатов О. А.</i> Словесный портрет Григория Карповича Котошихина: еще раз об обстоятельствах измены московского подьячего	38
<i>Гребенкин А. Н.</i> Институт государственной охраны в политическом пространстве России начала XX в.	48
<i>Стогов Д. И.</i> Участие лидеров правых салонов и кружков в попытках консолидации черносотенного движения (1914 – февраль 1917 гг.).....	57

Новейшая история России

<i>Аманжолова Д. А.</i> Этнополитические движения и партии России начала XX века в постсоветском историографическом пространстве.....	71
<i>Шановал В. В.</i> Репертуарный контроль предвоенной ромской эстрады: от эстетических к идеологическим критериям	89
<i>Бакланов В. И.</i> Становление олигархическо-самодержавно-президентской власти в РФ: декабрь 1993 – лето 1996 г.	100

Всеобщая история

<i>Мамедова С. Д.</i> Общественно-политические процессы в Иране в начале XX в.	109
---	-----

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Скрипкин И. Н.</i> Русь, варяги, учебники истории и национальное самосознание	120
<i>Киприянова Н. В.</i> Рецензия на: Черкасова М. С. Купец Г. М. Фетиев: исследование и архив: монография / Государственный архив Вологодской области, Северное отделение Археографической комиссии РАН. Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с.	134

Теория и методология истории

<i>Косиченко А. Г.</i> Историософия в борьбе за идейное и духовное господство в современном мире	140
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2023, № 4 (52).....

Требования к оформлению статей.....	153
-------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Alekseev K. A.</i> Iranian tribes in the Volga-Ural steppes in the bronze age	6
<i>Penskoy V. V.</i> The most powerful in Israel: prince Yu. I. Tokmakov	18
<i>Kurbatov O. A.</i> A verbal portrait of Grigory Karpovich Kotoshikhin: once again about the circumstances of the betrayal of the Moscow clerk	38
<i>Grebenkin A. N.</i> The institute of state protection in the political space of Russia at the beginning of the XX century	48
<i>Stogov D. I.</i> Participation of leaders of right-wing salons and groups in attempts to consolidate the black hundred movement (1914 – February 1917).....	57

Modern History of Russia

<i>Amanzholova D. A.</i> Ethnopolitical movements and parties of Russia at the beginning of the XX century in the post-soviet historiographical space	71
<i>Shapoval V. V.</i> Repertoire control of pre-war roma pop: from aesthetic to ideological criteria	89
<i>Baklanov V. I.</i> Formation of the oligarch-autocratic-presidential power in the Russian Federation: December 1993 – summer 1996	100

General History

<i>Mammadova S. J.</i> Social and political relations in Iran in the beginning of the XX century.....	109
---	-----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Skripkin I. N.</i> Rus, Varangians, history textbooks and national identity	120
<i>Kipriyanova N. V.</i> Monograph review: Cherkasova M. S. Kupets G. M. Fetiev: research and archive / State Archive of the Vologda Region, Northern Branch of the Archaeological Commission of the Russian Academy of Sciences. Vologda: Antiquities of the North, 2020. 256 p.....	134

Theory and Methodology of History

<i>Kosichenko A. G.</i> Historiosophy in the struggle for ideological and spiritual domination in the modern world.....	140
---	-----

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

2023, № 4 (52).....	150
---------------------	-----

Requirements for the Style of Articles.....	153
---	-----

УДК 94 (3)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.01

Алексеев Константин Александрович

кандидат философских наук, доцент

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Тверь, Россия

alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

ИРАНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЯХ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Аннотация. В статье исследуется процесс миграции носителей иранских диалектов, сформировавших Андроновскую культурно-историческую общность на Урале. В результате применения метода комплексного анализа археологических, антропологических и палеогенетических данных удалось установить хронологический момент появления носителей иранских диалектов на Волге, а также исходные пункты их миграции — низовья Днепра и Подунавье. Специфика погребального обряда (труположение на правом или левом боку) в комплексе с сопровождающей плоскодонной керамикой и средиземноморским антропологическим типом погребенных позволила определить роль иранского этнического компонента в бытовании ямной культуры в Волго-Уральском междуречье, а также в формировании сменяющей ее полтавкинской культуры.

Ключевые слова: индоевропейцы, иранцы, ямная культура, полтавкинская культура.

UDC 94 (3)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.01

Alekseev Konstantin A.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Tver State Agricultural Academy

Tver, Russia

alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

**IRANIAN TRIBES
IN THE VOLGA-URAL STEPPES
IN THE BRONZE AGE**

Abstract. The article examines the process of migration of speakers of Iranian dialects that formed the Andronovo cultural and historical community in the Urals. As a result of applying the method of complex analysis of archaeological, anthropological and paleogenetic data, it was possible to establish the chronological moment of the appearance of speakers of Iranian dialects on the Volga, as well as the starting points of their migration — the lower reaches of the Dnieper and Danube. The specificity of the burial rite (the position of the corpse on the right or left side), in combination with the accompanying flat-bottomed ceramics and the Mediterranean anthropological type of the buried, made it possible to determine the role of the Iranian ethnic component in the existence of the Yamnaya culture in the Volga-Ural interfluvium, as well as in the formation of the Poltavka culture replacing.

Keywords: Indo-Europeans, Iranians, Yamnaya culture, Poltavka culture.

Введение. Благодаря многолетним трудам Елены Ефимовны Кузьминой в настоящее время в рамках индоевропейского дискурса вполне устоялась точка зрения, что андроновская общность была представлена носителями иранской группы диалектов¹. При этом еще в 1967 г. К. В. Сальников выдвинул гипотезу о происхождении алакульской фазы андроновской общности от полтавкинской культуры². В дальнейшем это мнение получило убедительное доказательство в совместной работе К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой. Они доказали также участие абашевцев в формировании Андроново³. Однако тут же возникла вариативность происхождения иранского племени: либо от полтавкинцев, либо от абашевцев. Кузьмина вполне однозначно решила этот вопрос в пользу полтавкинского происхождения⁴, несмотря на существенное противоречие: алакульцы принадлежали к средиземноморской малой расе, тогда как полтавкинцы были носителями

¹ Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 29; Anthony D. The horse, the wheel, and language: How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton, 2007. P. 502.

² Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 307.

³ См.: Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

⁴ Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг. М., 2008. С. 201.

протоевропейского антропологического типа⁵. Данное противоречие заставило нас самих методом исключения выдвинуть гипотезу, что именно абашевцы были носителями иранских диалектов, принесших их в андроновскую общность⁶. При этом мы не обратили внимания на мнение А. Г. Козинцева, отмечавшего «отсутствие (антропологического. — К. А.) сходства между какими-либо андроновскими популяциями и носителями абашевской культуры»⁷.

Со своей стороны, Козинцев, выстраивая маршрут движения узколиких грацильных алакульцев средиземноморского антропологического типа из ареала культуры Тисапольгар через Нижнее Поднепровье (Херсонщина и Запорожье) в Андронов⁸, не привел промежуточных звеньев этой цепочки и оставил без внимания публикации самарского антрополога А. А. Хохлова, обнаружившего гетерогенность антропологического состава ямной и полтавкинской культур Волго-Уральского региона⁹.

Ввиду этих многочисленных противоречий нам представляется необходимым более четко сформулировать модель происхождения иранских племен с точки зрения конвергенции данных археологии, антропологии и палеогенетики.

Ход и результаты исследования. А. А. Хохлов обнаружил в бассейне Самары (Самарская и Оренбургская обл.) популяцию ямной культуры (ЯК), практиковавшую скорченное на боку трупоположение (Пятилетка 5/2, Линеvский одиночный курган, пог. 5, Кардаилово I 9/3 и 15/2) и при этом антропологически отличную от протоевропейского населения остального Поволжья. Обнаруженная популяция характеризовалась как узколикая, долихоцефальная, средиземноморская¹⁰. Сам исследователь связывает эту самаро-уральскую популяцию с ямниками Северо-Западного Причерноморья (буджакской культурой) и Запорожья. С этим мнением соглашается исследовательница буджакской культуры С. В. Иванова¹¹.

Мы полагаем, что выявленная Хохловым популяция ямников Присамарья и Оренбуржья — это искомое промежуточное звено в миграционной цепочке

⁵ Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг. М., 2008. С. 239.

⁶ Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145.

⁷ Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 133.

⁸ Там же. С. 129, 133.

⁹ Хохлов А. А. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: тезисы конференции. Ч. I. М., 2003. С. 193–195.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов между речья Южного Буга и Днестра. Одесса. 2005. С. 126, 129.

иранцев, выстраиваемой Козинцевым: Тисапольгар — ЯК Херсонщины и Запорожья — ЯК Присамарья — андроновская общность (алакульцы).

Палеогенетика исчерпывающим образом подтверждает данную миграционную цепочку: из Тисапольгара (Törökszentmiklós 4/3)¹² в Андроново (Каменный Амбар 5)¹³ транслируется митохондриальная гаплогруппа (MtHg) H1.

Еще дальше на восток (Орак Улус близ Красноярска, федоровский тип Андроново) проникает MtHg U5b2c, ранее обнаруживающаяся в предковой для Тисапольгара культуре Тиса¹⁴.

Наконец, стоит отметить присутствие субклада K1a4b в окуневской культуре (Усть-Бирь IV, пог. 26, 1320 г. до н. э.)¹⁵, что предполагает более раннюю миграцию на восток из культуры Тиса (Pusztataskony-Ledence) носителей предковой митохондриальной гаплогруппы K1a4¹⁶, которая в процессе трансляции до долины Абакана успела мутировать и породить субклады.

Важно понять, что средиземноморцы, о которых идет речь, потомки тисапольгарцев и предки алакульцев, мигрировали, не только сохраняя свой антропологический тип, но также неся устойчивый погребальный ритуал — положение трупа в скорченном виде на правом боку (Н. Л. Моргунова вслед за Н. Я. Мерпертом называет этот ритуал II обрядовой группой — II ОГ). До определенного момента этого комплекса (II ОГ + средиземноморский тип) в Волго-Уральском регионе не существовало. Иными словами, средиземноморцы были пришлым населением во всей восточной половине ямной культурно-исторической области, принесшим с собой II ОГ. Наибольшая концентрация средиземноморцев имела место в Присамарье, тогда как принесенная ими обрядность распространилась как культурное новшество (диффузия идей) по всему Волго-Уральскому варианту ЯК.

По мнению Н. Л. Моргуновой, погребения II ОГ являются относительно поздними, принадлежащими к развитому этапу ЯК, что доказывается отсутствием в этих погребениях типичной для раннего этапа репинской керамики¹⁷.

Радиоуглеродные даты древностей II ОГ указывают на их появление около 2280 ± 150 г. до н. э., такая дата установлена для памятника II ОГ «Скворцовка 7/1». Для Пятилетки 5/2 (для которой установлен средиземноморский антропологический тип погребенного) имеется дата 2190 ± 35 г. до н. э.¹⁸ Для Линевского ОК и Кардаилово радиоуглеродных дат не имеется.

¹² Lipson M. Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers / M. Lipson et al. // Nature. 2017. Vol. 551. Extended data. P. 1–8.

¹³ Narasimhan V. M. The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. № 7487. Supplementary materials. Data S1.

¹⁴ Lipson M. Op. cit.; Narasimhan V. M. Op. cit. Sap. mat. P. 32.

¹⁵ Narasimhan V. M. Op. cit. Sap. mat. P. 32.

¹⁶ Lipson M. Op. cit.

¹⁷ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014. С. 74, 77.

¹⁸ Там же. С. 61, 80.

Однако ряд косвенных данных могут свидетельствовать в пользу чуть более раннего появления II ОГ в Волго-Уральском междуречье. К более архаичным относят медные орудия из погребения Нижняя Павловка V 1/2, Илекский 2/1¹⁹. Н. Л. Моргунова обнаруживает аналогии таким медным орудиям в майкопской культуре ранней бронзы. Однако, учитывая, что в Пятилетке 5/2 (имеющей явно постмайкопскую датировку 2190 ± 35 г. до н. э.) также обнаруживаются майкопские орудия²⁰, вполне можно согласиться с мнением Г. Ф. Коробковой, что все эти орудия могли попасть в Поволжье уже в постмайкопское время²¹.

Тем не менее, если все же считать, что Нижняя Павловка V 1/2 и Илекский 2/1 синхронны Майкопу, то только его финальному (бамутскому) этапу, когда в Поволжье (хутор Степана Разина 1/19) попадает специфический кавказский топор-клевец. В 1974 г. Н. Я. Мерперт еще не мог обнаружить его аналоги²², но в настоящее время для него приводится аналогия из некрополя Аладжи-Хююка в Анатолии²³. Последний датируется ранней бронзой III (2350–2000 гг. до н. э.)²⁴. Соответственно, наиболее ранние (архаические) погребения II ОГ в Волго-Уральском междуречье не могут быть датированы ранее 2350 г. до н. э.

Средиземноморская популяция, сохраняя специфическую обрядность II ОГ (и допустимо предполагать — лингвистическую идентичность) продолжает существовать в рамках полтавкинской культуры (Подлесный I 3/6 — средняя дата 2200 ± 45 г. до н. э.; Скворцовка 6/1 — 2145 ± 100 г. до н. э.; Изобильное I 3/1 — 1970 ± 90 г. до н. э.)²⁵.

Однако отсутствуют достаточные доказательства, что именно средиземноморская правобочная популяция (II ОГ) была той группой полтавкинцев, которая приняла участие в формировании алакульского населения, поскольку основным погребальным ритуалом средиземноморских алакульцев было положение трупа в скорченном виде на левом боку²⁶. Условно назовем этот ритуал IV обрядовой группой (IV ОГ).

Действительно, даже при сохранении ямного устройства могил в полтавкинской культуре преобладает (64 %) левобочное скорченное трупоположение²⁷. Н. Л. Моргунова не выделяет специально IV ОГ, хотя утверждает, что

¹⁹ Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // Советская археология. 1991. № 4. С. 126.

²⁰ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 77.

²¹ Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка. СПб., 2005. С. 83.

²² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974. С. 32.

²³ Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Указ. соч. С. 83.

²⁴ The Oxford handbook of ancient Anatolia. Oxford, 2011. P. 629.

²⁵ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 103, 213–214.

²⁶ Малютина Т. С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей. М., 1994. С. 6–7.

²⁷ Кияшко А. В., Сухорукова В. П. О волго-донском варианте полтавкинской культуры // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2011. Вып. 225. С. 59.

обряд появился довольно рано — в репинское время, примером называется пог. 2 Петровского кургана 1 (2780 г. до н. э.)²⁸. Однако в дальнейшем обряд исчезает на 400 лет, не создавая никакой продолжительной ритуальной традиции, и вновь появляется только в Шумаево I 3/6 (2350 г. до н. э.). Погребение безынвентарное, зато под голову покойника положена специфическая подушка из трав. Безынвентарным является и погребение Скворцовка 5/3 (ск. 2 — 2155 г. до н. э.)²⁹. В силу безынвентарности обоих погребений невозможно однозначно отнести их к той или иной культурной традиции, однако такой атрибут обряда, как травяная подушка, характерен именно для II ОГ (Линевка III 1/1, Болдырево IV 2/5, Шумаево II 3/7 и 4/2). Подушки встречаются и в погребениях II ОГ, имеющих радиоуглеродные датировки: Болдырево I 1/1 — 2260 г. до н. э.; Пятилетка 5/2 — 2190 г. до н. э.; одиночный курган Шумаево — 2130 г. до н. э.; Скворцовка 6/3 — 2000 г. до н. э.)³⁰.

Следовательно, такой атрибут ритуала, как подушка из трав, связывает между собой два обряда: в обоих случаях тело скорчено на боку (левом/правом). Для западной части ямной культурно-исторической области положение на определенном боку принципиального ритуального значения не имеет³¹: во многих культурах они количественно равнозначны. В частности, в живо-тиловской группе на правом боку совершено 52 % погребений, на левом — 44 %³²; в буджакской: на правом боку — 24 %, на левом — 19 %³³.

На наш взгляд, в IV ОГ необходимо включить, помимо безынвентарных погребений из Шумаево I 3/6 (с подушечкой из трав) и Скворцовки 5/3 (ск. 2), еще три: парное из Шумаево II 6/6 (скорченный на левом боку ребенок сопровождает пожилую женщину, скорченную на спине, характерна поздняя датировка погребения — 2125 г. до н. э.)³⁴; из Грачевки I 1/2 (2300 ± 40 г. до н. э.), из Нура I 1/4 (2059 ± 54 г. до н. э.). Оба последних погребения сопровождаются плоскодонными сосудами³⁵, специфическими именно для полтавкинской культуры и, как полагает М. А. Турецкий, связанными с влиянием катакомбных культур³⁶. В любом случае плоскодонность является *беспорной новацией* полтавкинского времени³⁷.

²⁸ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 47, 59.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 61–62, 79–80.

³¹ Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Указ. соч. С. 102, 110.

³² Дергачев В. А. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинев, 2022. С. 160–161.

³³ Иванова С. В. Об истоках формирования буджакской культуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць. Вип. XVI. Запоріжжя, 2012. С. 22.

³⁴ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 46, 48.

³⁵ Там же. С. 214.

³⁶ Мочалов О. Д. Источники и история изучения керамики ямной культуры Среднего Поволжья и Южного Урала // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 261, 266.

³⁷ Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья. С. 128.

Заключение. Из анализа имеющихся данных можно сделать ряд предварительных выводов.

Датировки и сопровождающий инвентарь IV ОГ явно указывают на относительно поздний и пришлый характер ее появления. Более того, плоскодонная (типично полтавкинская) керамика впервые появляется в комплексе именно с левобочными захоронениями IV ОГ, что позволяет говорить о некотором культурном ядре (левый бок + плоскодонность). Наиболее ранняя дата появления полтавкинского культурного ядра — 2300 г. до н. э. (Грачевка I 1/2), что почти синхронно с безынвентарным погребением IV ОГ в Шумаево I 3/6 (2350 г. до н. э.).

В дальнейшем плоскодонная керамика распространяется по Волго-Уральскому региону и появляется в погребениях II ОГ, например в Болдырево I 2/1. Погребение не датировано, но по наличию медного ножа его можно синхронизировать с Тамар-Уткуль VII 8/4³⁸, имеющим радиоуглеродную дату 2195 ± 35 г. до н. э.³⁹

Таким образом, группы с обрядом труположения на боку (неважно каком — левом или правом) синхронно бытуют в Волго-Уральском регионе в период 2350–2000 гг. до н. э. — IV ОГ (с полтавкинской керамикой или без нее, но с подушечками из трав) и II ОГ (с подушечками и единичными случаями полтавкинской керамики). К аналогичному выводу о синхронности лево- и правобочных захоронений для Днепровского региона пришел в свое время Н. Я. Мерперт⁴⁰.

Иными словами, полтавкинская культурная традиция синхронно и чрепослосно сосуществовала на одной территории с ЯК, однако в связи с численным преобладанием ямных древностей II ОГ левобочные захоронения IV ОГ (всего 5 погребений) как будто теряют собственную культурную идентичность и остаются без внимания исследователей.

Однако именно эта «потерянная» левобочная популяция приняла участие в формировании новокумакского (синташтинского) горизонта и стала основой алакульского (иранского) этноса в рамках андроновской общности. Данный вывод нуждается в дополнительной аргументации с точки зрения антропологии.

В своей кандидатской диссертации А. А. Хохлов отмечает, что для относительно поздних полтавкинских захоронений IV ОГ выявлен гипердолихоцефальный, высоколицый и в целом средиземноморский антропологический тип (Николаевка III 3/3 и 5/1, одиночный курган Кряж 1)⁴¹. Для Николаевки III 5/1 имеется радиоуглеродная дата — 1750 г. до н. э.⁴²

³⁸ Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья. С. 124.

³⁹ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 79.

⁴⁰ Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. М., 1968. С. 784.

⁴¹ Хохлов А. А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпоху неолита – бронзы. М., 1998. С. 87, 91.

⁴² Кости животных в Волго-Донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2021. Вып. 263. С. 16.

Учитывая, что не только погребальный обряд, но и физические особенности внешнего облика и строения черепа являются наиболее устойчивыми не только археологическими, но также антропологическими признаками, мы полагаем, что указанный средиземноморский тип (аналогичный выявленному в погребениях II ОГ — Пятилетка, Карадилово, ОК Линеvский) был присущ носителям IV ОГ на всем протяжении их бытования в Волго-Уральском междуречье от момента их появления здесь. Фактически речь идет о существовании единой средиземноморской популяции с инвариантностью лево-/правобочного трупоположения, появляющегося в Волго-Уральских степях около 2350 г. до н. э. Однако именно те средиземноморцы, которые практиковали левобочное трупоположение, очевидно, продвинулись много далее на восток и приняли участие в формировании андроновской общности.

На единство происхождения насельников Андроново, и конкретно левобочных полтавкинских средиземноморцев, указывает палеогенетика: у погребенного в Николаевке III 5/1 выявлена MtHg H13a1a⁴³, аналогичная выявленной в синташтинском Каменном Амбаре 5 (могильник бытовал в 1620–1510 гг. до н. э.)⁴⁴. С точки зрения датировок можно предполагать перманентную инфильтрацию полтавкинского населения в андроновскую среду. С другой стороны, поскольку Каменный Амбар принадлежит к синташтинскому типу памятников⁴⁵, его датировки указывают на пережиточный характер, поскольку алакульский тип древностей уже сформировался (1660–1410 гг. до н. э.)⁴⁶. Соответственно, правильней говорить о более раннем заносе митохондриальной группы H13a1a из полтавкинской в андроновскую среду.

Теперь осталось лишь уточнить, откуда в Волго-Уральские степи приходит эта средиземноморская долихоцефальная и узколицая популяция. По совокупности антропологических и палеогенетических данных миграции явно шли с Нижнего Днепра, а еще ранее — из Тисапольгара. Мы не беремся анализировать происхождение полтавкинской плоскодонности и утверждать, что она приходит из Михайловки III, где плоскодонность действительно имела место, но формы и орнаментации сосудов были совершенно иными. Гораздо более продуктивно, на наш взгляд, проанализировать судьбу медного молотка из Петрово-Свистуново (Запорожская обл.), обнаруживающегося в погребении II ОГ Увак 12/4⁴⁷. По данным автора раскопок О. В. Бодянского, этот молоток не связан с двумя энеолитическими погребениями, но имеет аналоги в раннем бронзовом веке Дагестана⁴⁸.

⁴³ Mathieson I. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians / I. Mathieson et al. // Nature. 2015. Vol. 528. P. 499–503. Sap. inf. s. 1.

⁴⁴ Narasimhan V. M. Op. cit. Sap. mat. P. 12–18.

⁴⁵ Narasimhan V. M. Op. cit.; Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии // Вестник Древней истории. 1997. № 2. С. 87.

⁴⁶ Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг. С. 455.

⁴⁷ Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников... С. 77.

⁴⁸ Бодянский О. В. Енеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунове // Археологія. 1968. Т. XXI. С. 124.

Самая общая датировка, а также место находки позволяет нам предположить ее проникновение в Запорожье синхронно с новосвободненским копьем, обнаруженным в Новой Каховке Херсонской обл., т. е. на этапе Триполье СII (Животиловка, Гординешты)⁴⁹. Памятники гординештского типа достаточно хорошо датированы в пределах 2560–2365 гг. до н. э.⁵⁰ В указанный период увакский медный молоток бытовал в Нижнем Поднепровье (Петрово-Свистуново), а потом, около 2350 г. до н. э., вместе с волной миграции средиземноморцев II/IV ОГ проник за Волгу — в Самарскую обл. и Оренбуржье.

Литература

1. Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145
2. Бодянский О. В. Енеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунове // Археологія. 1968. Т. XXI. С. 117–125.
3. Дергачев В. А. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинев: СЕР USM, 2022. 676 с.
4. Иванова С. В. Об истоках формирования буджакской культуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць. Вип. XVI. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2012. С. 18–62.
5. Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / отв. ред. В. В. Отрощенко; Институт Археологии НАН Украины. Одесса: Изд-во КП ОГТ, 2005. 207 с.
6. Кияшко А. В., Сухорукова В. П. О волго-донском варианте полтавкинской культуры // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2011. Вып. 225. С. 54–69.
7. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
8. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.
9. Кузьмина Е. Е. Арии: путь на юг / Российский ин-т культурологии. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 557 с.
10. Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник Древней истории. 1997. № 2. С. 81–94.
11. Малютина Т. С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 24 с.
12. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 1250 с.
13. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 167 с.

⁴⁹ Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка. С. 83.

⁵⁰ Дергачев В. А. Указ. соч. С. 628.

14. Мимоход Р. А. Кости животных в волго-донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2021. Вып. 263. С. 7–24. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620/263/7-24
15. Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 348 с.
16. Моргунова Н. Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // Советская археология. 1991. № 4. С. 132–131.
17. Мочалов О. Д. Источники и история изучения керамики ямной культуры Среднего Поволжья и Южного Урала // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 260–267.
18. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник Древней истории. 2002. № 2. С. 20–31.
19. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 404 с.
20. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 176 с.
21. Хохлов А. А. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: тезисы конференции. Ч. I. М.: Государственный Исторический музей, 2003. С. 193–195.
22. Хохлов А. А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпоху неолита – бронзы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 170 с.
23. Anthony D. The horse, the wheel, and language: How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton: University Press, 2007. XII + 553 p.
24. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians / I. Mathieson et al. // Nature. 2015. Vol. 528. P. 499–503. DOI: 10.1038/nature16152
25. Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers / M. Lipson et al. // Nature. 2017. Vol. 551. P. 368–372. DOI: 10.1101/114488
26. The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // Science. 2019. Vol. 365. № 7487. P. 981–995. Supplementary materials. Data S1. DOI: 10.1101/292581
27. The genomic history of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. Vol. 555. P. 197–203. DOI: 10.1101/135616
28. The Oxford handbook of ancient Anatolia (10 000–323 B. C. E.) / edited by Sh. R. Steadman, G. McMahon. Oxford: University Press, 2011. XVIII + 1174 p.

References

1. Alekseev K. A. Areal'no-dialektnaia divergentsiia vostochnoi vetvi indoeuropeiskoi sem'i (integral'nyi obzor) [The areal-dialect divergence of the eastern branch of the Indo-European family (an integrative review)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki. 2021. № 3. P. 131–145. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145 (In Russ.).
2. Bodians'kii O. V. Eneolitichnii mogil'nik bilia s. Petro-Svistunove // [Eneolithic burial ground of village Petro-Svistunovo] // Arkheologija. Kiev, 1968. Vol. XXI. P. 117–125. (In Ukrainian).

3. Dergachev V. A. Pozdnee Tripol'e – Maikop (s katalogom pogrebal'nykh kompleksov pozdnego Tripol'ia) [Late Tripolye – Maykop (with the catalogue of burial assemblages of the late Tripolye communities)]. Kishinev: CEP USM, 2022. 676 p. (In Russ.).
4. Ivanova S. V. Ob istokakh formirovaniia budzhakskoi kul'tury [Regarding the origin of the Bugeac culture] // Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ia i Krimu: zbirnik naukovikh prats'. Issue XVI. Zaporizhzhia: Zaporiz'kii natsional'nii universitet, 2012. P. 18–62. (In Russ.).
5. Ivanova S. V., Petrenko V. G., Vetchinnikova N. E. Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra [Mounds of ancient cattle breeders between the Southern Bug and Dniester rivers] / otv. red. V. V. Otroshchenko; Institut Arkheologii NAN Ukrainy. Odessa: Izd-vo KP OGT, 2005. 207 p. (In Russ.).
6. Kiiashko A. V., Sukhorukova V. P. O volgo-donskom variante poltavkinskoi kul'tury [About the Volga-Don version of the Poltavka culture About the Volga-Don version of the Poltavka culture] // Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN. 2011. Issue 225. P. 54–69. (In Russ.).
7. Kozintsev A. G. O rannikh migratsiiakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nuiu Aziyu (v sviazi s indoevropskoi problemoi) [About the early migrations of Caucasians to Siberia and Central Asia] // Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii. 2009. № 4 (40). P. 125–136. (In Russ.).
8. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. Poselenie Mikhailovka — etalonnii pamiatnik drevneiarnoi kul'tury (ekologiya, zhilishcha, orudiia truda, sistemy zhizneobespecheniia, proizvodstvennaia struktura) [The settlement of Mikhailovka is a standard monument of the ancient Yamnaya culture (ecology, housing, tools, life support systems, production structure)]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2005. 316 p. (In Russ.).
9. Kuz'mina E. E. Arii: put' na iug [Arias: the path to the south] / Rossiiskii in-t kul'turologii. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad, 2008. 557 p. (In Russ.).
10. Kuz'mina E. E. Ekologiya stepei Evrazii i problema proiskhozhdeniia nomadizma [Ecology of the Eurasian steppes and the problem of the origin of nomadism] // Vestnik Drevnei istorii. 1997. № 2. P. 81–94. (In Russ.).
11. Maliutina T. S. Fedorovskaia kul'tura Uralo-Kazakhstanskikh stepei: aftoref. dis. ... kand. ist. nauk [Fedorov culture of the Ural-Kazakh steppes: abstract of the dissertation]. Moscow, 1994. 24 p. (In Russ.).
12. Merpert N. Ia. Drevneishaia istoriia naseleniia stepnoi polosy Vostochnoi Evropy (III – nachalo II tys. do n. e.): dis. ... d-ra ist. nauk [The earliest history of the population of the steppe zone of Eastern Europe (III – early II millennium BC): dissertation]. Moscow, 1968. 1250 p. (In Russ.).
13. Merpert N. Ia. Drevneishie skotovody Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia [The most ancient cattle breeders of the Volga-Ural interfluve]. Moscow: Nauka, 1974. 167 p. (In Russ.).
14. Mimokhod R.A. Kosti zhivotnykh v volgo-donskikh babinskikh pogrebeniakh kak kul'turno-khronologicheskie indikatory i markery khoziaistvennoi modeli [Animal bones in the Volga-Don Babino graves as cultural and chronological indicators and markers of the economic model] // Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN. 2021. Issue 263. P. 7–24. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620/263/7-24 (In Russ.).
15. Morgunova N. L. Priural'skaia gruppa pamiatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta iarnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti: monografiia [The Urals group of monuments

in the system of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural-historical region]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2014. 348 p. (In Russ.).

16. Morgunova N. L. K voprosu o poltavkinskoi kul'ture Priural'ia [On the issue of the Poltavka culture of the Urals] // *Sovetskaia arkheologiia*. 1991. № 4. P. 132–131. (In Russ.).

17. Mochalov O. D. Istochniki i istoriia izucheniia keramiki iamnoi kul'tury Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala [The sources and history of the study of the Middle Volga and South Ural pit grave culture ceramic] // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2010. T. 12. № 2. P. 260–267. (In Russ.).

18. Renfrii K. Indoevropiskaia problema i osvoenie Evraziiskikh stepei: voprosy khronologii [The Indo-European problem and the development of the Eurasian steppes: issues of chronology] // *Vestnik Drevnei istorii*. 2002. № 2. P. 20–31. (In Russ.).

19. Sal'nikov K. V. Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala [Essays on the ancient history of the South Urals]. Moscow: Nauka, 1967. 404 p. (In Russ.).

20. Smirnov K. F., Kuz'mina E. E. Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries]. Moscow: Nauka, 1977. 176 p. (In Russ.).

21. Khokhlov A. A. O spetsifike antropologicheskogo tipa naseleniia Iuzhnogo Priural'ia v epokhu rannei i srednei bronzy [On the specifics of the anthropological type of the population of the South Urals in the Early and Middle Bronze Ages] // *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti V. A. Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: tezisy konferentsii*. Ch. I. Moscow: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 2003. P. 193–195. (In Russ.).

22. Khokhlov A. A. Paleoantropologiia pogranch'ia lesostepi i stepi Volgo-Ural'ia v epokhu neolita – bronzy: dis. ... kand. ist. nauk [Paleoanthropology of the borderland of the Forest-Steppe and the Volga-Ural steppe in the Neolithic – Bronze Age: dissertation]. Moscow, 1998. 170 p. (In Russ.).

23. Anthony D. The horse, the wheel, and language: How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton: University Press, 2007. XII + 553 p.

24. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians / I. Mathieson et al. // *Nature*. 2015. Vol. 528. P. 499–503. DOI: 10.1038/nature16152

25. Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers / M. Lipson et al. // *Nature*. 2017. Vol. 551. P. 368–372. DOI: 10.1101/114488

26. The genomic formation of South and Central Asia / V. M. Narasimhan et al. // *Science*. 2019. Vol. 365. № 7487. P. 981–995. Supplementary materials. Data S1. DOI: 10.1101/292581

27. The genomic history of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // *Nature*. 2018. Vol. 555. P. 197–203. DOI: 10.1101/135616

28. The Oxford handbook of ancient Anatolia (10 000–323 B. C. E.) / edited by Sh. R. Steadman, G. McMahon. Oxford: University Press, 2011. XVIII + 1174 p.

УДК 929.733

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.02

Пенской Виталий Викторович

доктор исторических наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия

penskoy@bsu.edu.ru; ORCID: 0000-0002-4092-8992

СИЛЬНЫЙ ВО ИЗРАИЛЕ: КНЯЗЬ Ю. И. ТОКМАКОВ

Аннотация. Короля делает свита — это известное выражение в определенном смысле характеризует отношения между монархом и его окружением, наглядно демонстрируя степень вовлеченности представителей правящей элиты в государственные дела и зависимость монарха от них при решении политических и иных вопросов, возникающих в процессе государственной деятельности. Естественным представляется интерес историков к личностям, окружавшим монарха, и к их взаимоотношениям. Правда, этот интерес редко выходит за пределы узкого круга приближенных государя, хотя не менее интересным представляется изучение «периферийной» элиты, которая, собственно, и выступает главным действующим лицом политики: ее руками реализуются решения, которые принимаются монархом и его ближним кругом. Изучение ее роли и значения в реализации политических и иных решений, принимаемых верховной властью по согласованию с верхним эшелонem правящей элиты, к настоящему времени продвинулось не столь далеко. Развитие этих исследований представляется перспективным, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается исследователь, вступивший на этот путь. В статье предлагается реконструкция на основе сохранившихся немногочисленных документов и материалов биографии одного из таких второстепенных военных деятелей эпохи Ивана Грозного — воеводы, князя Ю. И. Токмакова, — пик карьеры которого пришелся на Полоцкую войну 1562–1572 гг. Его биография представляет собой любопытный пример карьеры, сделанной благодаря личным талантам и способностям, которые позволили князю Токмакову войти со временем в ближний круг доверенных лиц царя Ивана Грозного, несмотря на то что он явно не обладал должной «дородностью».

Ключевые слова: раннее Новое время, военное дело, Русское государство, Иван Грозный, Ю. И. Токмаков, политическая и военная элита.

UDK 929.733

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.02

Penskoy Vitaly V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

penskoj@bsu.edu.ru; ORCID: 0000-0002-4092-8992

**THE MOST POWERFUL IN ISRAEL:
PRINCE YU. I. TOKMAKOV**

Abstract. “The retinue makes the king” is a well-known expression in a certain sense characterizes the relationship between the monarch and his entourage, clearly demonstrating the degree of involvement of the representatives of the ruling elite in state affairs and the dependence of the monarch on them in solving political and other issues arising in the course of state activity. It seems natural that historians are interested in the personalities surrounding the monarch and in their relationships. True, this interest rarely goes beyond the inner circle of the sovereign’s inner circle, although it is no less interesting to study the “peripheral” elite, which, in fact, is the main character in politics — the decisions that are made by the monarch and his inner circle are implemented through her hands. The study of its role and significance in the implementation of political and other decisions taken by the supreme power in agreement with the upper echelon of the ruling elite has not progressed so far to date. The development of these studies seems promising, despite all the difficulties that a researcher who has embarked on this path faces. The article proposes a reconstruction, based on the few documents and materials that have survived, of the biography of one of such minor military figures of the era of Ivan the Terrible — voivode Prince Yu. I. Tokmakov, whose career peaked in the Polotsk War of 1562–1572. His biography is a curious example of a career made thanks to personal talents and abilities that allowed Prince Tokmakov to enter, over time, into the inner circle of confidants of Tsar Ivan the Terrible, despite the fact that he clearly did not have the proper “corpority”.

Keywords: Early modern times, military affairs, Russian state, Ivan the Terrible, Yu. I. Tokmakov, political and military elite.

Введение. В знаменитой переписке Ивана Грозного с его бывшим «собинным другом», ставшим злейшим врагом, князем Андреем Курбским, есть один эпизод, который, собственно, и послужил началом нашей истории. В своем первом послании князь-диссидент обвинил царя в том, что он де «силных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти на враги твоя, различными смертями расторгли еси и победоносную святую кровь их во церквах божиих иролял еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси...»¹. Удивленный этой филиппикой, Иван ответил Курбскому так: «А еже писал еси: почто есмя сильных во Израили побили

¹ Первое послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 7.

и воевод, от Бога данных нам на враги наша, различными смертми разторгли есмь... то еси писал и глаголал ложно», ибо земля Русская сильна не «ипаты и стратиги», но «божиим милосердием, и пречистые Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением». Что же до воевод, продолжал Иван, то воевод своих различными смертми я не наказывал, и «з Божию помощию имеем у себя воевод множество, и опричь вас, изменников»².

В самом деле, один только костяк воеводского корпуса времен Ивана Грозного, по подсчетам Д. М. Володихина, насчитывал порядка 200 человек, не считая тех, кто эпизодически занимал незначительные посты в командной иерархии русского войска того времени³. Однако при этом, продолжал далее исследователь, для большинства из них сохранившиеся источники позволяют начертить их биографию лишь пунктиром и только немногие могут похвастать тем, что их судьба и карьера нашли более или менее полноценное отражение на страницах летописей, разрядных книг и актовых материалов⁴. Этим значимых (во всех отношениях) воевод Д. М. Володихин разделил на два эшелона. В первый вошли представители знатнейших, по преимуществу княжеских, фамилий, общим числом 35 человек. Имена этих больших воевод, обывкших ходить «под своим набатом», на слуху, о них знают и о них пишут. А вот что до воевод второго эшелона, в который вошли 57 человек⁵, то их имена и их деяния известны в подавляющем большинстве своем лишь немногим знатокам русской военной истории и русского военного дела раннемодерной эпохи, хотя они внесли немалый, а порой и решающий вклад в военные успехи Русского государства.

Среди этих малоизвестных и практически забытых воевод есть одна примечательная историческая персона, талант которой раскрылся в годы напряженной русско-литовской Полоцкой войны 1562–1570 гг. Речь идет о князе Юрии Ивановиче Токмакове.

Ход и результаты исследования. Начало истории Ю. И. Токмакова может быть отнесено к первому десятилетию XV в. Великий князь московский и владимирский Василий Дмитриевич воевал тогда со своим тестем великим князем литовским Витовтом. И вот в ходе этой войны, летом 1408 г., на службу к Василию неожиданно отъехал двоюродный брат Витовта князь Свидригайло. Позднее русский летописец писал об этом событии, что «того же лета (6916 г. — *В. П.*), месяца июля в 26 день, прииде к великому князю Василию Дмитриевичу на Москву из Брянска князь литовский Съшвитригайло Олгердович служити»⁶.

² Первое послание Курбскому // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 29–30.

³ Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 63–64.

⁴ Там же. С. 64–65.

⁵ Там же. С. 64–66.

⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 204.

Свидригайло, отношения которого с Витовтом с давних пор были весьма напряженными, отъехал в Москву не один, но, как и полагается владетельной персоне, в сопровождении блестящей свиты. «С нимъже и владыка брянский Исакий, — продолжал далее русский книжник, — да с нимъже князь Патрекей Звенигородский, да князь Александр Звенигородцкий из Путимля, да князь Феодор Александрович, да князь Семен Перемышльский, да князь Михайло Хотенский, да князь Уруста Менский и бояре Черниговстии и Брянстии и Стародубстии и Ярославские»⁷.

Надо полагать, Василий I, уже третий год без особых успехов воевавший с Витовтом, был немало обрадован такому подарку судьбы и щедро одарил Свидригайло: «дал ему град Володимерь со всеми волостми, и с пошлинами, из селы, и с хлебы земляными и стоячими, також и Переяславль со всем потому ж, такоже и Юрьев Полский со всем потому же, такоже и Волок Ламский со всеми потому же, и Ржеву, и половину Коломны»⁸. Однако радость московского князя была недолгой: Витовт, обеспокоенный тем, что его старый враг и соперник обосновался в Москве, выставил одним из условий мира с Василием выдачу ему Свидригайлы. Поразмыслив, Василий согласился с таким предложением, однако не стал препятствовать Свидригайле бежать к татарам.

Бежал ли вместе с ним князь Александр Звенигородский, доподлинно неизвестно, однако позднейшие московские родословцы дружно называют его прародителем княжеского дома Звенигородских⁹. О судьбе самого князя Александра, праправнука князя Михаила Всеволодича Черниговского, ни летописи, ни родословцы ничего не сообщают. Однако, судя по тому, что его средний сын Иван Большой был боярином и воеводой Василия II, князь Александр сделал правильный выбор и остался на службе Василия I, а потом встал на сторону его сына Василия II, обеспечив тем самым карьеру своих сыновей при московском дворе. Знаток русской раннемодечной истории А. А. Зимин отмечал в своем исследовании, посвященном московской знати, что «судьба Звенигородских весьма примечательна», ибо «она показывает, как младшие ветви княжеских фамилий (лишенные родовых земель) переходили на великокняжескую службу и достигали значительно больших успехов, чем их старшие родичи, служившие в уделах»¹⁰.

Благодаря отцовским заслугам второй сын Ивана Большого Василий Ноздроватый сделал неплохую карьеру при дворе Ивана III и его сына Василия, отличившись в первую очередь на дипломатическом поприще, однако боярства он так и не получил, оставшись в чине окольничего. Вообще, как отмечал тот же Зимин, несмотря на прочные позиции при дворе, потомки Александра Звенигородского

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 75.

¹⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 57–58.

оставались на вторых ролях, «особой корпорации не образовывали, несли службу с “города”»¹¹. Иван Токмак, старший сын Василия Ноздроватого, воеводство-вал при Василии III и наместничал на Двине, но ни боярства, ни окольниковства достать не сумел. Умер он еще до 1550 г., поскольку ни в Дворовую тетрадь, ни в Тысячную книгу, составленные примерно в это время, вписан не был.

Однако вне зависимости от того, считать ли карьеру Ивана Токмака успешной или нет, он сумел создать неплохие стартовые позиции для своих сыновей Юрия и Василия, вписанных в Дворовую тетрадь как дети боярские коломенские, служившие по Кашире (правда, судя по тому, что их сестра была выдана отцом замуж за князя Андрея Дашкова¹², захудалого потомка смоленских князей, братья родились хоть и не с деревянной ложкой во рту, но уж точно не с серебряной и тем более не с золотой). Вписаны были оба сына Ивана Токмака как дети боярские «другой статьи» (не первые, но и не последние) и в Тысячную книгу¹³, оказавшись тем самым в числе избранных детей боярских, «лучших слуг», которые составили своего рода царский «кадровый резерв» для замещения командного состава в армии и высших административных должностей. Правда, на первых порах карьера у старшего Токмакова, похоже, не заладилась: младший брат опередил старшего на этом поприще. Эта задержка была, видимо, следствием темного дела с тяжбой о половине села Гравороново в Коломенском уезде, которое заложил И. В. Шереметеву Большому двоюродный брат Юрия и Василия, князь А. П. Ноздроватый. В ходе тяжбы братья были обвинены в подделке деловых бумаг, так что председательствовавший в суде царь Иван Васильевич присудил «на князе на Юрье да князе на Василье на княж Ивановых детех Токмакова с вынятые кабалы с полутретья ста ж рублей пошлины и убытки на них взяти»¹⁴.

Кстати, тот факт, что в 1547 г. Юрий Токмаков участвует в тяжбе, причем, судя по материалам дела, играя ведущую роль в ней со стороны ответчиков, свидетельствует в пользу предположения, что к этому времени он был уже вполне взрослым, состоявшимся человеком, возможно, что и женатым. Следовательно, он должен был появиться на свет не позднее 20-х гг. XVI в., а быть может, даже и несколько раньше. В 1557 г. князь Юрий, разменявший к тому времени четвертый десяток лет, впервые появляется на страницах разрядных книг в роли второго воеводы небольшого пограничного городка Дедилов. Отсюда он на Петров день (29 июня ст. ст.) 1558 г. был переведен в Тулу под начало первого тульского воеводы, князя А. М. Курбского¹⁵. Так состоялась первая «именная» служба нашего героя, хотя, вне всякого сомнения, за его плечами были как минимум три казанских

¹¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 58.

¹² Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб., 1857. Стб. 199, 213.

¹³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 59, 158.

¹⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Стб. 214.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 23, 38.

похода в составе двора царя Ивана Васильевича, да и выходы государя со своим двором на «берег» для «встречи» крымского «царя» с его воинством, как это было в том 1546 г., явно не обошлись без участия нашего героя. И тот факт, что князь Юрий в 1557/58 гг. «годовал» пусть и вторым, но все же воеводой, в пограничном городке, позволяет предположить, что в 1552 г. он уже был сотенным головой в одном из полков (вероятно, в государственном) в последнем казанском походе Ивана Васильевича.

Воеводство в Дедилове и в Туле стало первым шагом по карьерной лестнице для нашего героя. Шагом, правда, неспешным — следующая его «именная» служба относится к 7068 (1559/60) г. Теперь князь воевествует в Шацке — еще одном пограничном городке на крымской «украине». При этом, согласно разрядным росписям, шацкий воевода со своими людьми должен был явиться на сбор в большой полк береговой рати под начало большого воеводы, князя И. Д. Бельского в качестве сотенного головы (что косвенно свидетельствует о немногочисленности вверенного ему гарнизона Шацка). Когда же выяснилось, что большого вторжения не будет, князь Юрий вернулся к своим обязанностям шацкого воеводы¹⁶.

Воеводство в небольших пограничных крепостцах, на первый взгляд, как будто незначительное, тем не менее при более пристальном и внимательном отношении к делу становилось для начинающего воеводы хорошей школой. Достаточно обратиться к тем наказам, которые получали из Разрядного приказа воеводы, отправляясь на «годование»: в них прописывался широчайший круг обязанностей городского воеводы, «дела земские и городовое строенье, и всякие городовые и острожные крепости, и тамги, и села, и о банех о устрое, и о всяких земских и ратных делах...»¹⁷. Следует обратить внимание на такую любопытную подробность, которая содержится в этих наказах: воеводам предписывалось, действуя согласно присланным из Москвы наказам, все-таки проявлять разумную инициативу и предприимчивость, «посмотря по тамошнему делу, как будет пригоже»¹⁸. Одним словом, при ответственном, неформальном отношении к порученным обязанностям начинающий стратиг получал уникальную возможность набраться реального военного и административного опыта, стать специалистом в «малой» войне, в организации разведывательной и контрразведывательной службы, отточить навыки фортификатора и артиллериста — в общем, стать

¹⁶ Там же. С. 67, 71, 75.

¹⁷ См., например, наказ Мисюрю Соловцову, назначенному воеводой в городок Ядрин: Акты служилых землевладельцев. Т. 3. М., 2002. С. 328–329; см. также: Наказ боярину князю Петру Ивановичу Шуйскому // Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / публ. и авт. вступ. ст. К. В. Баранов. М., 2004. С. 144–147 (Русский дипломатический. Вып. 10); Наказ от боярина и воеводы кн. Дм. Тим. Трубецкого рязьскому воеводе Родиону Федорову // Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898. С. 332–333 и др.

¹⁸ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 147.

мастером на все руки. И, как показали дальнейшие события, князь Юрий сполна воспользовался представившейся ему возможностью.

После длившейся несколько лет службы в пограничных городках-крепостях карьера князя Юрия постепенно начала выправляться. Очевидно, что его рвение и ответственное отношение к своим служебным обязанностям было замечено и оценено, и в 7070 (1561/62) г. князь Ю. И. Токмаков появляется на страницах разрядных книг уже в ином качестве: теперь он второй воевода в полку левой руки в Серпухове в береговом разряде¹⁹. Конечно, второй воевода полка левой руки — не самая значимая должность в иерархии полковых воевод, она находилась в нижней части служебной пирамиды. Однако это все лучше, чем сотенный голова, и лучше, чем воевода в небольшом «украинном» городе, где под твоим началом ходит та же самая сотня детей боярских.

В кампанию 1562 г. береговому разряду, который по устоявшейся к тому времени традиции разворачивался вдоль Оки с наступлением весны в ожидании возможного вторжения крымцев, отводилась особая роль. С началом очередной русско-литовской войны главные силы русского войска были направлены на литовский фронт, а полки на берегу должны были противодействовать попыткам крымского «царя» Девлет-Гирея атаковать государеву «украину». Хан тем временем готовился к реваншу за перенесенные им унижения в ходе русского наступления на Крым в предыдущие годы, тем более что обстановка в низовьях Днепра и в Таврических степях благоприятствовала его планам. Союзники Ивана Грозного — ногаи — прекратили свои набеги на крымские кочевья, а служивший Ивану IV князь Д. Вишневецкий, изрядно беспокоивший со своими казаками крымские улусы, перешел на сторону Сигизмунда II, короля польского и великого князя литовского.

В начале лета 1562 г. Девлет-Гирей во главе немногочисленной рати (русские летописцы оценивали ее численность в 15 тыс. чел.) объявился под Мценском и распустил своих воинов грабить и опустошать окрестности городка. Гарнизон городка сел в осаду, а полки береговой рати во главе с воеводой, князем М. И. Воротынским двинулись на помощь осажденным²⁰. Однако настичь «царя» воеводам не удалось, он сумел уйти в степь безнаказанным. Иван Грозный, пребывавший тогда в Можайске в готовности выступить против своего недруга, великого князя литовского Сигизмунда II²¹, из-за вторжения крымцев был вынужден отложить свой поход, и промедление Воротынского стало причиной его опалы. На князе же Юрии царский гнев на большого воеводу никак не сказался. Можно предположить, что он, как один из младших воевод, действовал в авангарде русской рати и поучаствовал в серии стычек с татарами, своей активностью и удачливостью обратив на себя внимание

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 97–98.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 341.

государя. Во всяком случае князь Юрий после мценского похода покидает крымскую «украину» и отправляется на северо-запад. Леса и болота Бело-руссии и Ливонии надолго стали местом приложения его талантов воеводы и администратора.

Очередная, шестая по счету русско-литовская война, которую по главной ее цели — взятие города Полоцка — можно смело назвать Полоцкой, началась в 1562 г. (хотя де-факто — годом ранее, когда литовцы атаковали ливонский замок Тарваст, занятый русским гарнизоном, и взяли его). Первая кампания не привела к сколько-нибудь серьезным подвижкам, в том числе и потому, что союзник великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II крымский «царь» Девлет-Гирей I совершил, как уже было отмечено выше, набег на Мценск. Однако неопределенный исход первого года войны только укрепил желание Ивана Грозного нанести по его недругу удар такой силы, чтобы сразу расставить все точки над «и». Вскоре после возвращения царя в столицу началась подготовка нового государева похода.

Полоцкая экспедиция 1562/63 г. стала, пожалуй, крупнейшим военным предприятием Ивана Грозного. В нем приняло участие около 40–50 тыс. ратных людей (без учета обозной прислуги и посошных людей), разделенных на семь полков, и многочисленный «большой», «средней» и «лехкой» артиллерийский «наряд». Среди них был и князь Юрий, назначенный сотенным головой в государевом полку. Под его началом, согласно «Записной книге Полоцкого похода», были «стряпчей 1 ч., жилцов 3 ч., выборных 10 ч., дворовых 7 ч., городских мещан 133 ч.; и всего 150 ч.» (с учетом послужильцев детей боярских сотня князя насчитывала около или даже больше 200 всадников). Обращает на себя внимание, что в росписи сотен и их голов Юрий Токмаков стоит тринадцатым из тридцати сотен и сотников²².

В составе государева полка князь Юрий и его сотня проделали весь долгий и тяжелый путь из Москвы до Можайска, оттуда — в Великие Луки и затем — через Невель к Полоцку. 15 января 1563 г. он и князь Иван Охлябинин были посланы царем «к заторам» наводить порядок в обозе и «проталкивать» вперед сани с грузами ратников государева полка²³. Спустя две недели, 30 января 1563 г., уже под самым Полоцком («от Полотца города за пять верст») Иван Грозный послал заставу, в состав которой была включена сотня Токмакова, занять монастырь св. Бориса и Глеба за Двиной на другом берегу реки. Здесь, в монастыре, князь Юрий со своими людьми простоял сутки до следующего дня, пока в него не прибыл сам царь²⁴.

Новое появление князя Юрия и его сотни на страницах «Записной книги» состоялось 9 февраля, когда он со своими людьми был послан под город переменить сотенных голов И. Воронцова и В. Карпова из состава государева

²² Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 133.

²³ Там же. С. 136.

²⁴ Там же. С. 138.

полка. Выход сотни Токмакова на позиции совпал по времени с эвакуацией «большого» полоцкого острога и начавшимся в нем пожаром (видимо, литовцы и наемные польские жолнеры подожгли острог) и его штурмом, который предприняли стрельцы и казаки по своей инициативе. На помощь им были присланы Иваном Грозным сотни его полка, но князь Юрий со своими людьми в этом штурме не участвовал, оберегая от случайностей осадные работы и позиции наряда, и принимал выбежавших из горящего острога полочан, «черных людей мужиков и жен их и детей всякого человека».

На следующий день сотня князя Юрия была сменена на передовых позициях и ушла в лагерь, вернувшись после трехдневного отдыха в первую линию 15 февраля, в день сдачи города, чтобы охранять взятых в плен польских жолнеров и шляхтичей, служивших в полоцком гарнизоне²⁵.

Нетрудно заметить, что отличиться в «прямом деле» с литовцами и поляками князю Юрию и его людям под Полоцком не довелось: пушкари наряда и стрельцы с казаками вместе с посошными людьми сделали всю грязную работу и создали все необходимые условия для того, чтобы полоцкий гарнизон, не выдержав мощной бомбардировки, не дожидаясь штурма, решил капитулировать. Тем не менее служба князя была замечена царем, и на обратном пути в Москву Иван Грозный оставил Токмакова первым воеводой в Невеле — важном городе на подступах к Полоцку²⁶. Так закончилась для нашего героя «полоцкая служба», позволившая ему сделать еще один шаг вверх по карьерной лестнице.

Годование в Невеле подошло к концу, и князь Юрий получил из Разрядного приказа предписание присоединиться со своими людьми к рати князя П. И. Шуйского, которая должна была совершить большую набеговую операцию в литовские земли²⁷. Перед Шуйским была поставлена задача, выступив из Полоцка, соединиться под Оршей с другой ратью, ведомой воеводами, князьями В. С. и П. С. Серебряными, совершить опустошительный рейд во владения Сигизмунда II и тем самым дать московским дипломатам хорошие козыри на переговорах о заключении перемирия. Однако этот поход завершился неудачей. Князь Шуйский, один из опытнейших полководцев Ивана Грозного, на этот раз совершил ставшую роковой и для него, и для его воинства ошибку. Недооценив неприятеля, он не предпринял необходимых мер предосторожности и на р. Ула, под местечком Чашники, был неожиданно атакован литовцами, которыми руководил наивысший гетман Н. Радзивилл Рыжий и потерпел поражение. Сам большой воевода погиб во время беспорядочного отступления, в плен попало несколько воевод и голов, многие дети боярские и стрельцы погибли или попали в плен.

Князь Юрий, который в этом походе снова был сотенным головой (возможно, в большом полку), уцелел и сумел не попасть в литовский полон. А еще

²⁵ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 140, 142, 148.

²⁶ Там же. С. 150.

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 149.

он получил очень важный урок, который, как показали дальнейшие события, пошел ему впрок, — нельзя пренебрегать организацией боевого охранения и разведкой, тем более недооценивать противника, если хочешь уберечь себя от знатных неприятностей.

После неудачного зимнего похода 1564 г. наш герой вернулся в Невель, где продолжил выполнять обязанности первого городского воеводы, но эта его служба продолжалась недолго. В Москве после обидной неудачи на р. Ула решили взять реванш. С этой целью в Калуге, Великих Луках и Вязьме были собраны три рати под началом больших воевод, князей В. М. Глинского, И. Ф. Мстиславского и И. Д. Бельского. В Вязьме же и во Ржеве собраны были также и служилые татары под началом бывшего казанского «царя» Шигалея (Шах-Али). Всего же на западной и юго-западной границах было собрано до 25–30 тыс. сабель и пищалей. Князь Ю. И. Токмаков получил назначение вторым воеводой передового полка в великолуцкую рать²⁸.

Собрав на западной и юго-западной границах внушительную по тем временам группировку сил, Иван Грозный и его бояре тем не менее решили придерживаться оборонительной стратегии. На крымской «украине» было беспокойно, и в Москве решили удерживать Полоцк, отвечая короткими контр-ударами на выпады литовцев, рассчитывая подловить их так, как это сделал Радзивилл с Шуйским. Одновременно царь и бояре рассчитывали постепенно расширить свою сферу влияния на Полочанщине, отмечая свое продвижение постройкой новых крепостей на оспариваемых территориях.

В рамках этой новой стратегии летом – осенью 1564 г. развернулись упорные бои вокруг литовской пограничной крепости Озерици. Касаясь значения той небольшой крепости, польский историк М. Плевшинский писал: «Замок этот лежал примерно в 17 км от дороги, соединявшей Великие Луки с Полоцком, и тем самым парализовал важнейшую коммуникацию, связывавшую две этих крепости»²⁹. После того как переговоры о перемирии не задались, убрать этот литовский форпост, опираясь на который литовцы могли препятствовать снабжению Полоцка, становилось насущной необходимостью для русского командования. В ходе этой кампании и отличился наш герой, впервые выступив в качестве большого воеводы со «своим набатом», т. е. командуя пусть и небольшой, но вполне самостоятельной ратью.

Князь Токмаков приступил к активным действиям летом 1564 г. Вот как об этом писал неизвестный русский книжник, составляя официальную летопись: «Месяца Июля в 22 день царев и великого князя воевода князь Юрьи Иванович Токмаков ходил с Невля к Литовьскому городку к Озерицу с конными людьми и с пешими да и с судовыми людьми, а людей с собою имал в насадех и наряд с собою имал лехкой»³⁰.

²⁸ Там же. С. 156–158.

²⁹ *Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze, 2012. S. 183.*

³⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 384.

О том, как развивались события дальше, есть две версии — русская и литовская. Согласно первой, воевода, подступив к Озерищам, выгрузил на берег из насадов артиллерию, стрельцов с казаками и посоху и начал вести осадные работы. На всякий случай, вдруг литовцы попробуют помочь осажденным, он приказал устроить засеки на дорогах, которые вели к Озерищам³¹. Эта предосторожность оказалась совсем не лишней. Спустя четыре дня после начала осады князь Юрий получил известие от сторожей, что к крепости выдвигается большая рать, насчитывающая ни много ни мало, а целых 12 тыс. конных и пеших воинов. Не дожидаясь, пока неприятель подступит к его позициям, Токмаков приказал погрузить наряд обратно в насады вместе с частью пехоты и посохой, а сам во главе конницы и отборной пехоты пошел навстречу неприятелю. Атаковав неприятельский авангард, расчищавший засеки, Токмаков побил его и взял полсотни языков, но затем к месту боя подошли главные силы литовцев, после чего воевода приказал перебить пленных и «пришел на Невль здорово»³².

Литовская версия, которую сообщает польский хронист М. Стрыйковский, в корне отличается от русской. По его словам, узнав о том о том, что 13 тыс. московитов (заметим, что в служебной переписке наивысшего гетмана Н. Радзивилла Рыжего с двоюродным братом Н. Радвизиллом Черным, литовским канцлером, размер войска Токмакова оценивался в 6 тыс.³³) подступили к Озерищам, наместник Витебска Стефан Пац во главе двухтысячного отряда из местной шляхты, казаков и наемных жолнеров немедленно поспешил на помощь к осажденным, изгоном напал на неприятеля и наголову побил его, положив на месте 5 тыс. московитов, взял весь обоз и артиллерию, а главный русский воевода был ранен, но сумел скрыться³⁴.

Какой из этих версий отдать предпочтение? Судя по дальнейшему развитию событий, русская выглядит достовернее. За столь эпичный разгром и утрату всего обоза с артиллерией такой воевода не самого высокого полета, как Токмаков, в лучшем случае отделался бы опалой, а в худшем мог бы поплатиться и головой — царь Иван был горяч и скор на расправу. Вместо этого князь Юрий участвует в осеннем походе того же года на Озерищи в качестве первого воеводы при наряде³⁵. Действия наряда под его руководством оказались успешными: после короткой осады и штурма Озерищи 6 ноября пали. При этом, отписывали в Москву царю воеводы, «город и до основания выгорел,

³¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 384.

³² Там же. С. 385.

³³ *Piawski K.* Niedoszła wypraw t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (Rok 1567–68) // *Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniu przeszłości ziem W. X. Litewskiego.* R. IV. Z. 13. Wilno, 1927. S. 263.

³⁴ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 415. Ср.: *Gwagnin A.* Kronika Sárnácycy Europskiej. Krakow, 1611. S. 127–128. Гваньини оценивает число убитых московитов в 8 тыс.

³⁵ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 167–169.

а дворы господские и посадские и острожные все выжгли», и «никаков человек из города не утек», а «державу озеричкого пана Мартина Островицкого со многими королевскими дворяны и Ляхов и дрябей и земских людей многих поимали»³⁶.

Касаясь значения этого успеха русского войска, которое в очередной раз показало, что в Восточной Европе у него нет равного соперника в искусстве взятия крепостей, белорусский историк А. Н. Янушкевич отмечал, что «захват Озерич был особенно досаден на фоне блестящей победы под Улой в начале года» и это событие «зафиксировало оцепеневшее состояние оборонительной системы [Литовского] княжества, ее неспособность оперативно реагировать на внезапные действия противника...»³⁷. Узнав о падении Озерич, литовские радные паны запаниковали и предложили Сигизмунду II оставить и другие крепости на Полочанщине — Дриссу, Дубровно, Сураж и Радомль — и поспешить заключить с Иваном IV перемирие³⁸. Правда, Сигизмунд на этот раз проявил недюжинную выдержку и силу воли и настоял на продолжении войны, однако сам факт такого предложения говорит сам за себя и в том, что такая ситуация сложилась, есть и немалая заслуга нашего героя.

После взятия Озерич Токмаков был оставлен воеводой в городке³⁹. Перед ним встала сложная задача — восстановить крепость, обустроить ее, привести в порядок и подготовить к обороне на тот случай, если литовцы попробуют отбить ее. Тот факт, что князь Юрий был оставлен воеводой этой стратегически важной крепости, косвенно свидетельствует в пользу того, что Иван Грозный доверял ему и летнее отступление от Озерич вовсе не было той катастрофой, какая вырисовывается из польских источников. И воевода справился со своей задачей, больше того, по приказу князя и при его участии был составлен «список Озеричского рубежа», который хранился в царском архиве в ящике за № 220⁴⁰. Параллельно воевода не давал покоя неприятелю: Сигизмунд II жаловался Ивану Грозному, что де озеричский воевода посылал своих людей грабить села в Витебской округе и Усвятскую волость, поэтому не мог бы его брат в качестве жеста доброй воли отправить грамоту с запретом тревожить литовское порубежье с московской стороны?⁴¹

Закончив свое годованье в Озеричах и пережив благополучно мор, который поразил в это время гарнизон крепости (а потом пошел дальше, положив начало эпидемии, терзавшей Русское государство еще несколько лет), князь

³⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 391.

³⁷ Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013. С. 104.

³⁸ *Listy oryginalne Zygmunta Augusta do Mikołaja Radziwiłła Czarnego, wojewody wileńskiego marszałka I kanclerza* W. X. L. Wilno, 1842. S. 228, 244.

³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 168.

⁴⁰ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 42.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571. СПб., 1892. С. 325–327 (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 71).

очень скоро получил новое назначение. В разрядной росписи 7075 (1566/67) г. князь Юрий числится воеводой передового полка малой трехполковой рати, собранной в Великих Луках для усиления, буде на то возникнет необходимость, Полоцкого гарнизона⁴². Однако планы «московской ставки» вскоре переменялись, и перед Токмаковым была поставлена новая задача. Некий Игнат Иванович, литовский полоняник, выбежавший в Витебск из московского плена, сообщил тамошнему наместнику Станиславу Пацу, что московский воевода Юрий Токмаков, имея в своем распоряжении 700 стрельцов и 70 пушек, «горлом подказал» выгнать литовцев из небольшой пограничной крепости Сорицы⁴³. Однако целью Токмакова была не Сорица.

«Повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть в его государеве вотчине в Полотцком повете за Двиною-рекою, к Виленскому рубежу, на озере на Суше на острове город». Эту крепость, названную Копьем, и ставил наш герой. По словам русского книжника, князь Юрий «пришел на то место безвестно, и сел на острове со всеми людьми, и наряд и лес городовый и запасы свои перепровадил на остров; и город поставил вскоре городовыми людьми, которыми тут годовати, и посошными людьми, и по государьскому приказу укрепил»⁴⁴.

Этот шаг русских для литовцев оказался неожиданным: они рассчитывали на нападение на Сорицу, а вместо этого отряд Токмакова совершил быстрый марш в другом, южном направлении и ошанцевался на острове посреди озера Суша. Пока князь и его люди поспешно возводили укрепления на острове, двое других воевод, князь П. Серебряный и В. Палецкий, присланные оберегать Токмакова и его людей во время строительства⁴⁵, позасекли дороги, ведущие с литовской стороны к Суше, однако вновь допустили ставшую стандартной для многих московских воевод ошибку — не обеспечили охранение и дозоры на подступах к своему лагерю. Этим воспользовался выполнявший обязанности дворного гетмана литовский князь Р. Сангушко, толковый и предприимчивый полевой командир, мастер малой войны. Собрав небольшой отряд (почти 1,5 тыс. конницы с 0,5 тыс. пехоты и небольшим нарядом), гетман стремительным маршем выдвинулся к Суше и утром 25 июля внезапно атаковал не ожидавших его удара русских воевод. Псковский летописец писал потом, что «которые люди московския присланы на блюдение делавцов, князь Петр Серебряных да князь Василей Дмитриевич Палицкого, и литовския люди пригнав изгоном, на зори, да многих прибили, и князя Василья Палицких убили, а князь Петр Серебряных убегл в Полоцко»⁴⁶.

Литовцы одержали очередную победу, которую не преминули раздуть до размеров генерального сражения, решившего исход кампании: польские хронисты М. Бельский и М. Стрыйковский расписали в красках, как 2 тыс. литвинов

⁴² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 214–215.

⁴³ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Т. 7. Lwów, 1910. S. 158.

⁴⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 408.

⁴⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 219.

⁴⁶ Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 249.

наголову разбили то ли восьми-, то ли семнадцатитысячное войско московитов, взяли обоз, массу всякой амуниции, пленных и т. п. Один из воевод русских бежал, другой был ранен, взят в плен и умер там от ран, а сам Токмаков бежал на остров по наскоро устроенному мосту, при этом целая тысяча московитов утонула в озере⁴⁷. Однако реальность была весьма далека от победных реляций и записей в хрониках. Да, Серебряный и Палецкий были разбиты, но отряд Токмакова — нет. Он завершил работу. Больше того, он и его люди не только отбили все попытки литовцев выбить их с острова, но и, пользуясь тем, что у Сангушко было мало людей и блокада вокруг Копья была дырявой, как решето, беспрепятственно совершали вылазки с острова за строительными материалами на литовскую территорию и довели начатое дело до конца, не говоря уже о том, что своими вылазками и набегами на литовскую территорию, сопровождавшимися захватом языков, гарнизон Копья стал предметом постоянной головной боли у литовских властей и командования⁴⁸. Активность Токмакова в Копье этим не ограничивалась: в служебной переписке литовских воевод осенью 1567 г. есть сведения, что Токмаков собирается поставить еще одну крепость под Сушей⁴⁹.

Однако этим его планам не суждено было сбыться: у Ивана Грозного были свои замыслы относительно того, что делать дальше. Провал очередной «дипломатической сессии» привел к тому, что царь решил на время отложить возведение новых крепостей и активизировать боевые действия, предприняв большой поход против Сигизмунда. Токмаков же, отбыв очередной срок на воеводстве в пограничной крепости, был отозван из Копья.

Без дела князь Юрий пребывал недолго. В служебной переписке князя Р. Сангушко с его подчиненными есть любопытное сообщение неких доброхотов, которые доводили до сведения литовского командования, что де в Москве готовят операцию по освобождению взятой литовцами «изгоном» крепости Ула и для этого в Опочке собирается войско под началом тамошнего воеводы. Среди воевод, которые должны были участвовать в этом походе, был, по сообщению литовских «щпегков», и князь Ю. Токмаков, который якобы пообещал Ивану Грозному вернуть Улу. Увы, поход этот не имел успеха: из-за эпидемии чумы, продолжавшей терзать Русскую землю, войско, отряженное для возвращения Улы, было вынуждено вернуться с дороги из-под Полоцка⁵⁰.

В следующий раз в разрядных записях князь Юрий появляется зимой 1569 г. Незадолго до этого литовцы «искрадом» захватили пограничный псковский

⁴⁷ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 174, 175; *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. T. 2. S. 416; *Kronika Marcina Bielskiego.* T. 2. Sanok, 1856. S. 1164.

⁴⁸ См.: Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. Т. 2. М.; Варшава, 1997. С. 256; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 184, 188–189.

⁴⁹ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 207.

⁵⁰ Ibid. S. 296.

«пригород» Изборск. Этот демарш вызвал немедленную ответную реакцию Москвы и для освобождения Изборска была сформирована большая земская и опричная рать, в которой наш герой командовал нарядом⁵¹. Операция по возвращению города под власть московского государя была осуществлена молниеносно: на все про все у русского командования ушло две недели. Земские и опричные воеводы, «к Изборску пришед город Изборск осадили и из наряду по городу били; и Божиим милосердием Изборск у литовских людей взяли», а взятая сотня пленников была отправлена в Москву как символ одержанной победы⁵². Довольный успехом, Иван Грозный щедро наградил воевод и начальных людей своего войска, отправив к ним своего гонца, сына боярского Романа Бутурлина, с золотыми⁵³. Свой знак отличия получил и Ю. Токмаков.

Однако не только наградным золотым был отмечен князь Юрий после изборской оказии. Вскоре он получает новое назначение — в Псков, воеводой. И назначение это было, судя по всему, непростым. В описи архива Посольского приказа, датированной 1626 г., сохранилось упоминание о «столпе», «а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78-го году на новгородцкого архиепискупа на Пимина, и на новгородцких дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном ево с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с печатником с Иваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да з дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хотел и злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича...»⁵⁴.

Печальную судьбу новгородцев, заподозренных в измене, могли повторить и псковичи: в том же архиве Посольского приказа хранилось и донельзя ветхое сыскное дело на псковичей, с пометкой «извет про пскович, всяких чинов людей, что они ссылалися с литовским королем Жигимонтом»⁵⁵. Однако Псков избежал новгородской участи. Традиция приписывает спасение Пскова от царского гнева Николе Салосу, однако, на наш взгляд, главную роль в этом сыграл псковский воевода. Можно предположить, что его посылка во Псков была связана с полученным Иваном Грозным сообщением о намерении псковичей отложиться от Москвы, и князь Токмаков, помимо всего прочего, должен был произвести соответствующий розыск. Воевода, произведя соответствующие

⁵¹ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 240.

⁵² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. С. 585.

⁵³ Там же. С. 241.

⁵⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 257.

⁵⁵ Там же. Ч. 2. С. 6.

следственные действия, установил, что донос на псковичей, положенный на стол Ивану, был «изветом», т. е. подлогом, клеветой, и царь пощадил Псков, который, в отличие от Новгорода, отделался легким испугом.

Из Пскова Токмаков отправляется под Ревель. Старый ганзейский город с самого начала войны за Ливонское наследство стал яблоком раздора между главными участниками этого конфликта — Россией, Швецией и Польско-Литовским государством. Зимой 1570/71 г. Иван Грозный, поверив обещаниям своего «подручника», ливонского «королька», датского принца Магнуса, которого он сам и сделал правителем части Ливонии, решил попытать счастья и взять Ревель под свою высокую руку. Однако его попытка уговорить ревельцев перейти под его покровительство успеха не имела, равно как последовавшая за этим попытка взять город осадой. Русский наряд, которым руководил Токмаков, хотя и произвел внушительное впечатление на осажденных (ливонский хронист Ф. Ниенштедт писал, что русские обстреливали Ревель из пушек, метавших каменные ядра весом в 16 и 25 фунтов⁵⁶), но этого оказалось мало — горожане держались, а вскоре в русском лагере началась чума и осаду пришлось снять. Выделенных сил оказалось явно недостаточно: немецкий авантюрист А. Шлихтинг (попавший в плен во время взятия Озерищ, но сумевший бежать) сообщал, что русские имели под Ревелем всего лишь 7 тыс. человек (в том числе Токмаков — 3 тыс.⁵⁷), да и осадный парк артиллерии существенно уступал в численности и в мощи тому, который был направлен девятью годами раньше на Полоцк.

Неудача ревельского «взятия» никак не сказалась на карьере нашего героя. Иван Грозный по-прежнему сохранял к нему свое расположение. Зимой 7080 (1571/72) г. Князь Юрий исполняет роль первого воеводы при наряде в составе рати, во главе которой Иван Грозный намеревался отправиться «чинить недружбу» шведскому королю Юхану III⁵⁸. Поход, правда, не состоялся, потому «что били челом государю свийские немцы послы Павел бискуп абовской с товарищи», и Иван ограничился тем, что послал на Выборг «лехкую рать» во главе с татарским «царем» Саин-Булатом Бекбулатовичем⁵⁹.

Князю Токмакову не удалось применить свои навыки специалиста по применению артиллерии против шведов, но не прошло и полугода, как у него появился шанс показать себя как мастера-фортификатора. В мае 1571 г. в ходе вторжения крымского «царя» Девлет-Гирея I русские войска потерпели неудачу в битве с татарами под стенами столицы, а сама Москва дотла сгорела в грандиозном пожаре, который начался во время сражения. Попытки хана продиктовать

⁵⁶ Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 4. Рига, 1883. С. 41.

⁵⁷ Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тираннии государя Ивана // Записки о Московской войне (1578–1582) / Рейнгольд Гейденштейн. Новое известие о России времени Ивана Грозного / Альберт Шлихтинг. О Москве Ивана Грозного / Генрих Штаден. Рязань, 2005. С. 376.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 293.

⁵⁹ Там же. С. 293–294.

Ивану Грозному условия мира с позиций силы не имели успеха, поэтому новый поход «царя» был неизбежен, и, понимая это, в русской столице интенсивно готовились к отражению вторжения всю осень, зиму и весну 1571/72 г. В росписи воевод на кампанию 1572 г., составленной в Разрядной книге, указано, что князь Ю. И. Токмаков назначен «на Москве быть для осады»⁶⁰. Исполняя де-факто обязанности московского наместника⁶¹, князь отвечал за подготовку столицы к отпору: задача более чем серьезная и сложная, принимая во внимание плачевное состояние московских фортификаций и самого города после упомянутого майского пожара 1571 г. К счастью, проверить, насколько успешно Токмаков выполнил возложенные на него обязанности, не довелось, ибо государевы ратные люди во главе с большим воеводой, князем М. И. Воротынским в многодневном сражении на берегах Оки и при Молодях разбили неприятеля и вынудили хана отступить со срамом в Крым.

Любопытная подробность: под занавес «стояния» при Молодях, если верить известию позднейшего Пискаревского летописца, в руки татарских сторожей попался гонец, посланный из Москвы князем Токмаковым к князю Воротынскому. При гонце была грамота, в которой московский осадный воевода писал Воротынскому, чтобы тот «сидел» в лагере «безстрашно», ибо идет де к нему и его товарищам, полковым воеводам, на помощь «рать наугородцкая многая». Гонец же на допросе под пыткой показал, что якобы ратью этой командует сам Иван Грозный, а в авангарде его полков в Москву прибыл боярин И. Ф. Мстиславский с 40 тыс. воинов и что он сам был очевидцем прихода этого войска⁶². Эта хитроумная стратагема князя Токмакова сыграла немаловажную роль: хан и его думные люди, удрученные большими потерями и пленением «царской думы», его правой руки и лучшего военачальника Дивей-мурзы, порешили прекратить попытки взять штурмом русский укрепленный лагерь, в котором засел Воротынский со своими людьми, и отступить.

Иван Грозный остался доволен службой князя Юрия, которую можно оценивать как высшую точку в его карьере и как признание со стороны царя военных и административных талантов Токмакова: фактическим наместником в Москву в этот трудный час был назначен именно он, далеко не самый «дородный» и сановитый и стоявший в местнической иерархии намного ниже, чем другие московские аристократы. В росписи зимнего похода 1572/73 г. против шведов князь Юрий снова исполняет обязанности первого воеводы

⁶⁰ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. 306.

⁶¹ Гонец Ф. Зенков, приехавший в Москву с известием для Ивана Грозного о том, что король Польши и великий князь литовский Сигизмунд II скончался, именовал Токмакова в грамоте от имени польских и литовских панов рады «боярином и намесником и воеводою Московским», что вызвало отповедь со стороны принимавших гонца бояр: именуя Токмакова боярином, наместником и воеводой, паны рады поступают «негораздо», ибо князь и не боярин, и не наместник (см.: Выписка из посольских книг... С. 272, 274.).

⁶² Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192; Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 225.

при наряде, при этом в росписи поименован окольным⁶³. Очевидно, что он был пожалован в этот думный чин за свои прежние заслуги и успешную службу в качестве московского осадного воеводы (отметим также, что, судя по всему, в 1572–1574 гг. князь Юрий в чине дворецкого руководил приказом Большого дворца, сменив на этом посту впавшего в немилость боярина Л. А. Салтыкова-Морозова. Этот приказ, отмечали авторы справочника «Приказы Московского государства», «являлся основным судебно-административным органом в дворцовых вотчинах, контролировал поставки сельскохозяйственной продукции на нужды двора, строительство и ремонт дворцов и усадеб»⁶⁴. В ходе осады занятого шведами ливонского городка-крепости Пайда (Вейссенштейн) русские пушкари под руководством князя Юрия пробили брешь в стене и 1 января 1573 г. Пайда после короткого, но яростного штурма пала (в ходе этого штурма был убит шедший в первых рядах штурмующих и знаменитый опричник Малюта Скуратов).

Из-под Пайды Иван Грозный повернул с главными силами своей рати в Новгород, а своего зятя, ливонского «короля» Магнуса послал с русской «помощной» ратью на ливонский замок Каркус (кстати, князь Юрий был в числе приглашенных на свадьбу Магнуса и племянницы Ивана Грозного княгини Марии Старицкой в апреле 1573 г.⁶⁵). Нарядом в этой рати снова командовал наш герой⁶⁶, и опять успешно: крепость была взята, а в ней оставлен русский гарнизон.

Спустя два года, в январе 1575 г., Иван Грозный снова отправляет рать воевать захваченные шведами земли в западной Ливонии — «от Ракобора х Кольвани колыванские места» (т. е. от бывшего орденского замка Везенберга, нынешнего эстонского Раквере до окрестностей Ревеля-Таллина). Князь Юрий в этом походе снова командует нарядом⁶⁷. Летом того же года он опять выступает в роли нарядного воеводы в рати, посланной Иваном Грозным к эстляндскому приморскому городу-порту Пернову, который был взят 9 июля 1575 г.⁶⁸ и, очевидно, не без активного участия князя Юрия и его пушкарей.

В следующем, 7084 (1575/76) г. «послал государь царь и великий князь в зимней поход воевать ливонских немец воевод своих на три полки с нарядом». Трехполковой ратью малого разряда командовал юрьевский (дерптский) наместник, князь А. П. Шейдяков, а нарядом при большом полку рати снова руководил наш герой. При этом в одной из разрядных книг князь поименован боярином⁶⁹. В ходе этого похода русские взяли ливонские городки Гапсаль (Апсаль —

⁶³ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 319, 321.

⁶⁴ *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 37, 40.

⁶⁵ См.: Древняя российская вивлиофика / изд. Николаем Новиковым. Т. 13. М., 1790. С. 98.

⁶⁶ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 326.

⁶⁷ Там же. С. 373–374.

⁶⁸ Там же. С. 380–381.

⁶⁹ Там же. С. 393–394.

под таким названием он проходил в русских документах того времени), Лоде (Коловерь), Падис (Падца) и Леаль (Лиговерь), и во время осады и взятия Гапсаля наш герой скончался. О причине его смерти разрядные книги умалчивают, но так как в них не сказано, что он был убит, скорее, всего, он умер от какой-то болезни. Правда, в принадлежавшем семейству Шереметевых росписи пожалований и убытия бояр, окольных, дворецких и некоторых других придворных чинов было отмечено, что окольный князь Юрий Токмаков умер в 1578 г.⁷⁰, однако мы склоняемся к тому, что сведения разрядных книг более точны, чем информация из этого списка, тем более что ливонский хронист Б. Рюссов сообщал своим читателям, что русский воевода Юрий Токмаков умер вскоре после того, как 12 февраля 1576 г. Гапсаль сдался русским⁷¹. Вкладная книга Псково-Печерского Успенского монастыря дает нам точную дату смерти князя Юрия — 15 февраля⁷².

Заключение. Так, 15 февраля 1576 г. на шестом десятке лет закончился жизненный путь одного из лучших воевод Ивана Грозного, князя Юрия Ивановича Токмакова, толкового артиллериста и администратора, карьера которого складывалась трудно, но, в конце концов — вполне успешно. Его звезда возшла в годы Полоцкой войны 1562–1570 гг., а пик ее пришелся на самое начало 70-х гг. XVI в., когда князь вошел в число приближенных Ивана Грозного и пользовался его доверием и расположением.

Литература

1. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 296 с.
2. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / публ. и авт. вступ. ст. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2004. С. 119–154. (Русский дипломатий. Вып. 10).
3. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
4. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
5. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
6. Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М.: Квадрига, 2013. 381 с.
7. Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze: Inforteditions, 2012. 424 s.

⁷⁰ Древняя российская вивлиофика. Т. XX. М., 1791. С. 56.

⁷¹ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 248.

⁷² Анухтин В. Р. Краткие исторические сведения о Псково-Печерском Успенском мужском монастыре и описание хранящейся в нем кормовой (вкладной) книги 1558 г. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Год десятый. Вып. 1 и 2. М., 1914. С. 34.

References

1. Volodikhin D. M. Sotsial'nyi sostav russkogo vovodskogo korpusa pri Ivane IV [The social composition of the Russian voivodship corps under Ivan IV]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. 296 p. (In Russ.).
2. Zapisnaia kniga Polotskogo pokhoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] / publ. i avt. vstup. st. K. V. Baranov. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. P. 119–154. (Russkii diplomatarii. Vyp. 10). (In Russ.).
3. Zimin A. A. Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XVth – the first third of the XVIth century]. Moscow: Nauka, 1988. 350 p.
4. Liseitsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Iu. M. Priказы` Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Prikazes of the Muscovite state of the XVI–XVII centuries]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 303 p. (In Russ.).
5. Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Thousandth book of 1550 and the Household notebook of the 50s of the XVIth century]/ podgot. k pečati A. A. Zimin. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. 456 p. (In Russ.).
6. Ianushkevich A. N. Livonskaia voina. Vil'no protiv Moskvy: 1558–1570 [Livonian war. Vilna against Moscow: 1558–1570]. Moscow: Kvadriga, 2013. 381 p. (In Russ.).
7. Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze: Inforteditions, 2012. 424 s. (In Polish).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.03

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук

Российский государственный архив древних актов

Москва, Россия

olegkurbatov@yandex.ru

**СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ
ГРИГОРИЯ КАРПОВИЧА КОТОШИХИНА:
ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ИЗМЕНЫ
МОСКОВСКОГО ПОДЪЯЧЕГО**

Аннотация. Статья написана в связи с публикацией вновь обнаруженного известия о бегстве подьячего Котошихина в Литву в 1664 г. Рассматривается военно-исторический контекст этого события в виде очерка летней кампании 1664 г. на верхнем Днепре, которая сопровождала очередной раунд мирных переговоров между Россией и Речью Посполитой. Высказано предположение о противостоянии двух составов царских воевод, связанных с боярами князем Я. К. Черкасским и князем Ю. А. Долгоруковым, что во многом подтверждает и уточняет версию о причинах измены, которая записана со слов самого Котошихина. В приложении приводится текст допроса черкашенина Филиппа Жерницкого со словесным описанием внешнего вида и поведения подьячего.

Ключевые слова: Котошихин, Русское государство XVII в., военная история, Русско-польская война 1654–1667 гг., Медный бунт.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.03

Kurbatov Oleg A.

Candidate of Historical Sciences

Russian State Archive of Ancient Acts

Moscow, Russia

olegkurbatov@yandex.ru

**A VERBAL PORTRAIT
OF GRIGORY KARPOVICH KOTOSHIKHIN:
ONCE AGAIN ABOUT THE CIRCUMSTANCES
OF THE BETRAYAL OF THE MOSCOW CLERK**

Abstract. This article is written in connection with the publication of a newly discovered source about the flight of the podyachy Kotoshikhin to Lithuania in 1664. The military-historical context of this event is considered — in the form of an essay of the summer campaign of 1664 on the upper Dnieper, which accompanied the next round of peace negotiations

between Russia and the Commonwealth. The assumption is made about the confrontation of two teams of tsarist voivodes — associated with the boyars of Prince Ya. K. Cherkassky and with Prince Yu. A. Dolgorukov, which largely confirms and clarifies the version about the reasons for treason, which is recorded from the words of Kotoshikhin himself. The appendix also contains the text of the interrogation of the Ukrainian Cossack Philip Zhornitsky with a verbal description of the appearance and behavior of the clerk.

Keywords: Kotoshikhin, the Russian state of the XVIIth century, military history, the Russian-Polish War of 1654–1667, Copper Coin Riot.

Введение. Обстоятельства жизни автора одного из уникальных сочинений о России XVII столетия время от времени подвергаются уточнению в свете новооткрытых документов. Напомним, что первые биографические сведения о себе самом были сообщены Котошихиным в письмах разным высокопоставленным лицам Речи Посполитой и Швеции¹. Итоги современных архивных изысканий об обстоятельствах жизни и службы московского подьячего представлены в статье Андрея Васильевича Белякова «Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа)»²

Обзор событий в Литве весной – летом 1664 г. Автор данного сообщения обнаружил новый документ (см. Приложение к статье) при исследовании боевых действий русской армии во время летней кампании 1664 г. в Великом княжестве Литовском. Один из столбцов приказного стола содержит в числе прочего отрывки делопроизводства воеводского полка боярина князя Я. К. Черкасского за июль – август 1664 г., в том числе «расспросные речи» перебежчиков и «выходцев» на государево имя из польско-литовской армии; в ходе допроса черкашенина Филиппа Жерницкого и были получены неожиданно яркие, красочные сведения о только что перебежавшем в Шклов московском подьячем.

В целом и этот, и несколько иных документов столбца сообщали о своеобразной оперативной обстановке, которая сложилась в верхнем течении Днепра в период русско-польских мирных переговоров в Дуровичах. Глава литовской армии, гетман Михаил Пац в августе 1664 г. занял оборонительные позиции по внешнему кольцу укреплений Могилева, поместив фактически в осадное положение всю свою армию; мощные гарнизоны обеспечили также защиту Шклова и Копыси.

Командующим русской армией еще с лета 1663 г. являлся царский ближний боярин князь Яков Куденетович Черкасский, а его товарищами (помощниками воеводы) — боярин князь Иван Васильевич Прозоровский и окольный князь Юрий Никитич Барятинский. В начале 1664 г., когда соединенные силы

¹ Подробнее см.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. I–XXXVI.

² *Беляков А. В.* Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа) // *Русский книжник – 2014: сборник Российской государственной библиотеки / сост. А. В. Кузьмин.* М., 2015. С. 64–86.

Речи Посполитой и крымских татар во главе с королем Яном Казимиром вторглись в Россию, действуя вдоль течения Десны, боярин двинулся против них со стороны Калуги. Медленное приближение его войск вкупе с гораздо более активными действиями других воевод вынудило поляков и татар отказаться от идеи расположиться за Десной на зимних квартирах и поспешно отступить. Движение царской армии было остановлено весенней распутицей под Брянском, и в бой с противником успели вступить лишь передовые воеводы (князья Прозоровский и Барятинский). С окончанием распутицы, в мае – июне 1664 г., брянская группировка перешла в Смоленск, а оттуда была направлена против литовских войск гетмана Паца. При этом князю Черкасскому запретили вести боевые действия вдоль так называемой посольской дороги от Смоленска к Шклову, поскольку там начались «посольские съезды» — мирные переговоры между русскими и польско-литовскими дипломатами. Как раз в начале второго похода, в конце марта – начале апреля 1664 г., подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин был направлен в штаб князя Черкасского для ведения полковых дел и связи с посольством в Зверовичах и Дуровичах.

Армия князя Черкасского 1 июля двинулась от Смоленска на юг, где провела практически в бездействии еще три недели. Воевода не озаботился тем, чтобы отправить на противника хотя бы конные рейды, и лишь выяснял, где находятся пределы той территории, где запрещено воевать («договорные версты»). Он был крайне недоволен тем, что «все жилые места написаны в договорных верстах», а его поход к Чаусам лежит по разоренной местности³. Считается, что именно эта медлительность стала причиной отзыва князя Черкасского в Москву и замены его князем Юрием Алексеевичем Долгоруким. А данная смена главнокомандующих и связанные с ней обстоятельства и явились, по словам Котошихина, основной причиной его бегства к литовцам.

Впрочем, наиболее решительные действия летней кампании на верхнем Днепре все же успел осуществить князь Черкасский. 11 июля русско-польские переговоры были прерваны, что упразднило необычные условия перемирия вокруг посольской дороги: «война» запрещалась теперь лишь в радиусе 25 верст вокруг Толочина. У боярина теперь были развязаны руки, и 22 июля его войска приступили к переправе через Днепр прямо под Шкловом, ввиду главных сил Паца. Мощная канонада отогнала противника от берега, а в ночь на 24 число царская пехота навела понтонный мост севернее крепости, переправилась на западный берег и окопалась земляными шанцами. Следует отметить, что войсками здесь командовали опытные генералы Томас Далиэль, Николай Бауман и Вилим Дромонд, каждый из которых имел в своем распоряжении отдельные соединения — генеральские полки⁴. Гетман Пац

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Стб. 1664 г. № 16. Л. 28, 43.

⁴ Курбатов О. А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654–1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск IV. Смоленские

не решился атаковать русские позиции, а вместо этого в ночь на 25 августа покинул укрепленный лагерь под Шкловом и увел армию под защиту валов Могилева; часть литовской пехоты и артиллерии была распределена по гарнизонам Шклова и Копыси.

Войска князя Черкасского немедленно заняли брошенный литовский лагерь и приступили к правильной осаде Шклова, обрушив на него огонь всей артиллерии. В то же время конница под началом князя Ю. Н. Бярятинского преследовала противника до Могилева, под валами которого уже после полудня 25 июля закипели конные схватки. Однако Пац не дал выманить себя на полевой бой. Вскоре князь Черкасский получил известие о своем отзыве: согласно публикуемому ниже документу, он уже накануне 1 августа отбыл в Москву, сдав командование князьям Прозоровскому и Бярятинскому⁵. Примерно в это же время, по польским данным, царские войска вернулись на левый берег Днепра, продолжая обстрел Шклова; впрочем, где находился их главный обоз 3 августа, еще не вполне ясно. Но очень похоже, что суматоха и неразбериха, обычные при свертывании осадного лагеря, поспособствовали Котошихину в его предприятии.

Только 9 августа команду над полками принял боярин князь Ю. А. Долгоруков⁶: по словам П. Гордона, он 26 июля «выступил из Москвы с воинской торжественностью»⁷. Отметим, что смена командования его прибытием не ограничилась: князь Иван Прозоровский, чья сестра Евдокия была замужем за Яковом Куденетовичем, вскоре также уехал в Москву; туда же последовал и боярин князь Иван Андреевич Хованский, главный воевода полка Новгородского разряда: на смену ему к Витебску и Полоцку двигался брат князя Юрия окольничий Петр Алексеевич Долгоруков.

Долгоруков против Черкасского. Рассуждая о причинах, точнее о непосредственном поводе, который привел Григория Карповича Котошихина к измене, историки обычно ограничиваются версией самого подьячего. По его словам, в разгар боев под Шкловом «еще прежними воеводами был отправлен из армии в посольство под Смоленск для переговоров, и князь Юрий писал ко мне с другим подьячим, Мишкою Прокофьевым, улаживая меня, чтобы я согласился написать к нему, что князь Яков Куденетович сгубил войско царское, дал возможность королю скрыться в Польшу, и таким образом выпустил его из рук, не дав полякам битвы, тогда как весьма легко то сделать и проч.»⁸ За такое пособство и услугу князь Юрий обещал мне исходатайствовать повышение и клятвенно обязывался помочь делу отца моего в Москве. Не веря

войны XV–XVII вв. Ч. 2. С. 304–327. URL: http://www.milhist.info/2017/07/25/kyrbatov_8 (дата обращения: 25.07.2017).

⁵ Из Смоленска в Москву он выехал 3 августа (Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2002. С. 147).

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Стб. 1664 г. № 16. Л. 155; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 77, 78.

⁷ *Гордон П.* Указ. соч. С. 147.

⁸ Здесь имеется в виду общий итог зимней кампании 1663–1664 гг.

искренности сладких посулов князя Юрия и не имея ни малейшей причины безвинно оклеветать князя Якова, я не хотел против совести писать к первому и быть ему пособником в деле неправом, а еще менее мог решиться ехать обратно к нему в войско. Быв в таком затруднительном положении, сожалея о том, что не возвратился в Москву с князем Яковым, а еще более горя о худой удаче мне на службе царской, в которой за верность и усердие награжден был при безвинном поругании моего отца лишением дома и всего моего благосостояния, и, принимая во внимание, что если бы я вернулся к Долгорукову в армию, то меня по всей вероятности ожидали бы там его злоба, истязания и пытки за неисполнение мною его желания повредить князю Якову, я решил-ся покинуть мое отечество, где не оставалось для меня никакой надежды». Как выясняется из вновь открытого дела, Котошихин все же вернулся в армию под Шклов, причем задолго до прибытия к ней князя Долгорукова, — и уже 1 августа «перебег из обозу бояр и воивод» в город, имея при себе какие-то грамоты. Что же можно сказать о мотивах подьячего: действительно ли имела место столь опасная для его жизни вражда двух воевод?

При обзоре воеводских назначений периода 1654–1667 гг. обращает на себя внимание факт необычного «возвращения» князя Я. К. Черкасского на должность главнокомандующего после весьма длительного перерыва. Последний раз немолодой уже боярин фигурирует в качестве воеводы большого полка в Рижском походе царя Алексея Михайловича летом – осенью 1656 г. Потом некоторое время роль номинального главнокомандующего отводится князю Алексею Никитичу Трубецкому, автору самого значительного успеха шведской кампании 1656 г. — взятия Дерпта. Однако после поражения под Коноптом в 1659 г. боярин Трубецкой также сходит с военно-политической сцены, уступив место своему бывшему подчиненному — князю Юрию Алексеевичу Долгорукову.

Карьера Долгорукова как самостоятельного командующего начинается в 1658 г. также с весьма громкой победы: в битве под Верками он разгромил литовскую армию, захватив в плен самого польного гетмана В. К. Госевского. В 1660 г. в боях на реке Басе, под Могилевом, он остановил триумфальное шествие к Смоленску польско-литовских войск. Через год, 26 августа 1661 г., было решено вновь направить князя Юрия в Смоленск с большой армией «по литовским вестям», и лишь уход противника за Западную Двину снял опасность городу и привел к отмене всего похода⁹. И вот, менее чем через два года, в июне 1663 г., при первых известиях о новой угрозе от польско-литовских войск главнокомандующим неожиданно назначается не князь Юрий, а князь Яков Куденетович Черкасский; отправка князя Дмитрия Алексеевича Долгорукова на Опочку отменяется (вместо него главой Новгородского разряда и товарищем князя Черкасского назначен князь И. А. Хованский)¹⁰; осенью отзывается

⁹ РГАДА. Ф. 210. Записные книги Московского стола. № 11. Л. 292–296.

¹⁰ Записная книга Московского стола 1662 года (1662, октябрь – 1663, август) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10: Записные

из Смоленска и князь Петр Алексеевич Долгоруков. Налицо слом отлаженной воеводской системы и последовательное замещение Долгоруковых другой «обоймой» воевод.

Косвенно указание на причину таких событий содержат среди прочего записки самого Г. К. Котошихина — в разделе, где описывается Медный бунт 1662 г. В целом же исследователям известно, что князь Я. К. Черкасский был фактически отстранен от власти Морозовым накануне Соляного бунта 1648 г., и симпатии народа во время тех событий были целиком на стороне князя Якова. Летом 1662 г. мишенью заговорщиков, распространивших по Москве подметные письма с обвинениями в измене, оказалось все то же ближайшее окружение царя: двое Милославских (креатуры Морозова), Ф. М. Ртищев и Б. М. Хитрово¹¹. Пятый обвиняемый, гость Василий Шорин, укрылся в Кремле во дворе князя Я. К. Черкасского, будучи уверен, что здесь его искать и трогать точно не будут. Несмотря на разгром самого мятежа, обстановка в стране и позже оставалась тревожной: летом 1663 г. очевидцы писали о повсеместном ропоте в связи с новыми налогами; выборные солдаты полка Матвея Кровкова, подавлявшие восстание башкир, выражали готовность «побить» на Москве бояр и отомстить московским стрельцам-«мясникам» — главным карателям мятежников.

В этих условиях симпатии населения и служилых людей должны были обратиться в сторону известных оппонентов, мнимых «царских изменников». Уже 25 июля 1662 г. уговаривать народ разойтись был послан в Москву князь Иван Андреевич Хованский, никак не связанный с упомянутыми людьми. Боярину князю Я. К. Черкасскому во время традиционного шествия на осляти на Вербное воскресенье 1663 г. впервые было доверено вести под уздцы коня Крутицкого митрополита; князь И. С. Прозоровский оставался при этом в Кремле¹². Между тем Долгоруковы были теснейшим образом связаны с кругом Морозовых – Милославских: старший, князь Юрий, еще в 1630 г. был женат на Елене Васильевне Морозовой, а средний, князь Дмитрий, сочетался с Ириной Ильичной Милославской (первым браком, в 1637–1645 гг.). Таким образом, отстранение Долгоруковых от командования войсками накануне решающей схватки с войсками самого короля Яна Казимира можно считать вполне осознанным и ясным сигналом. Царь, несмотря на свои симпатии и родственные чувства, предпочел вручить командование наиболее популярным на тот момент воеводам — тем, которые еще пользовались доверием масс служилых людей. Легко представить, что к тому времени имя князя Черкасского прочно связывалось с апофеозом российских военных успехов семнадцатого столетия — походами на Смоленск, Вильну и в Ливонию (1654–1656).

книги Московского стола. 1636–1663 гг. СПб., 1886. С. 531, 539–545, 550, 551; *Гордон П.* Указ. соч. С. 133, 134.

¹¹ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 108, 112, 116.

¹² Дополнения к тому III дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 373. Несколько лет перед этим ослытия водил князь А. Н. Трубецкой.

Деятельность князя Якова в процессе его последних двух кампаний еще предстоит во всех подробностях изучить. Следует лишь отметить, что в пресловутой медлительности воеводы невозможно обнаружить какой-то злой умысел. Его армия, как и армия его противников, поначалу столкнулась с невероятными логистическими проблемами в условиях зимней распутицы, неразвитой дорожной сети и малонаселенной местности. По давнему обычаю, князь Яков целиком окунулся в организационную работу по снабжению войск, сбору подвод и т. п., доверив проведение стремительных и довольно успешных рейдов своим товарищам-воеводам. Летом 1664 г. видимая нерешительность Черкасского в условиях мирных переговоров также была во многом вызвана неясностью боевой задачи: как только обстановка прояснилась, его войска провели блестящую переправу через Днепр и в целом показали себя неплохо.

Заключение. Таким образом, отставка князя Черкасского от командования действительно могла произойти в результате активной кампании дискредитации боярина со стороны князя Ю. А. Долгорукова, который был включен в состав русской делегации на переговорах и активно участвовал в обсуждении военных замыслов¹³. Однако внешне все выглядело весьма почетно: Алексей Михайлович вызывал князя Якова будто бы на пост дворового воеводы (главы государева полка) в предстоящем царском походе¹⁴. В свете того что Долгоруков уже фактически добился своего и вернул себе должность главнокомандующего, порочащие Черкасского сведения, которых он стал добиваться у Котошихина, могли понадобиться ему для продолжения придворной интриги и борьбы за авторитет среди служилых людей: последние весьма болезненно относились к воинским неудачам, будучи готовы во всем видеть измену царских воевод.

Несомненно, в данном вопросе нужны новые доказательства, более веские, чем самостоятельная апологетика бежавшего за границу царского подьячего. Вновь открытый документ обнаруживает неточность версии Котошихина «Самрицкого» в последовательности событий; однако он же подтверждает, что измена его стала спонтанным поступком, принятым в состоянии стресса, а не хладнокровным, хорошо просчитанным решением приказного дельца: «А как-де комендант того переезщика спрашивал, и он-де все время плакал».

* * *

Данное известие, как уже отмечалось, было обнаружено при изучении дел Разрядного приказа, относящихся к ходу летней кампании 1664 г. в Литве. Внимание автора привлекли ясно читаемые слова «родиною москвитин, подьячей, и за кафтаном-де у него письма». Однако в остальном состоянии документа оказалось весьма плачевным: по ветхости оказались утрачены

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. VI. С. 160, 161.

¹⁴ Черкасский Яков Куденетович // Русский биографический словарь А. А. Половцова. СПб., 1905. Т. 22: Чаадаев – Швитков. С. 220–224.

небольшие части столбца, а значительные куски текста выцвели от сырости. Кроме того, нумерация оказалась перебитой и отрывок со словами «А как-де комендант того переезщика расспрашивал, и он-де все время плакал» получил неверный номер. Чтобы прочесть преамбулу расспросных речей и большую часть сведений о «московском подьячем», пришлось применить ультрафиолетовую подсветку бумаги — и все же целиком текст «расспросных речей» Ф. М. Жерницкого восстановить не удалось.

Литература

1. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 120 с.
2. Беляков А. В. Жизнь Григория Котошихина: (по материалам Архива Посольского приказа) // Русский книжник – 2014: сборник Российской государственной библиотеки / сост. А. В. Кузьмин. М.: Пашков дом, 2015. С. 64–86.
3. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 540 с.

References

1. Bazilevich K. V. Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu [The monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 120 p. (In Russ.).
2. Beliakov A. V. Zhizn' Grigoriia Kotoshikhina: (po materialam Arkhiva Posol'skogo prikaza) [The life of Grigory Kotoshikhin: (based on the materials of the Archive of the Ambassadorial Prikaz)] // Russkii knizhnik – 2014: sbornik Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki / sost. A. V. Kuz'min. Moscow: Pashkov dom, 2015. P. 64–86. (In Russ.).
3. Floria B. N. Vneshnepoliticheskaia programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniia [A. L. Ordin-Nashchokin's foreign policy program and attempts to implement it]. Moscow: Indrik, 2013. 540 p. (In Russ.).

1664, августа 3 — Отписка воевод кн. И. С. Прозоровского и кн. Ю. Н. Бярятинского с известием о «выходе из полона» украинского казака Филиппа Михайловича Жерницкого

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холопи твои, Ивашка Прозоровской, Юшка Бярятинской челом бьют.

Августа, Государь, в 3 день вышел ¹ к нам, холопом твоим, под Шклов в обоз ¹ ис полону из Могилева ис Пацова войска Лукомской черкашенин Филька Жерницкой. А в роспросе нам, холопом твоим, он, Филька, ¹ сказал ¹: взят-де он, Филька, в полон в черкасских городех под местечком Чуд[...] ¹ в прошлом во 169-м году ¹ [...] бою боярина и воивод Василья Борисовича Шереметева с товарищи и всех великого государя ратных людей польские люди и татарове [...] //

Такова ж отписка дана выходцу.

Примечания: ¹⁻¹ слова написаны над строкой

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 360. Л. 155, 156.

1664, августа 3 — Распросные речи украинского казака Филиппа Михайловича Жерницкого со сведениями о бегстве в Шклов подьячего Г. К. Котошихина

172-го августа в 3 день под Шкловым в обоз боярина и воивод князя Ивана Семёновича Прозоровского да окольничего князя Юрья Никитича Бярятинского вышел ис Шклова иноземец. И тот выходец роспрашиван, а в роспросе сказался лукомской черкашенин Филип Михайлов сын Жерницкий.

Как-де в прошлом во 169-м году боярин и воиводы Василей Борисович Шереметев с товарищи были на службе великого государя в черкасских городех, и меж Чудново и Пяток с [...] султан с татары и гетман Потоцкий с товарищи, и с войском боярина и воевод Василья Борисовича Шереметева обоз розобрали [...] боярина и воевод Василья Борисовича [...] // [...] государя ратных людей в полон. А он-де, Филип, в то время был в Лубенском полку у черкаского полковника Шамрицкого. И иво-де, Филипа, в то ж время ляхи взяли по[...]ным в полон.

И с тех мест служил в королевском полку под хо//рунгою полковника Самойла Оскерки казацкую службу. А та-де Оскиркина хорунга ныне з гетманом с Михаилом Пацом в Могилеве.

А ныне-де тому 4-й день гетман Пац послал из Могилева литовских людей х Копоси с полтараста человек, чтоб в тех местех ис полков бояр и воивод где взять языка. А он-де, Филип, с теми литовскими людьми из Могилева послан же, и от тех литовских людей поехал [...]ков, что ему [...] // Филип ушел.

А вестей сказал.

Гетман-де Пац ныне стоит в Могилеве, а войска-де с ним езды и пехоты 10000 ч.// Да в Могилеве ж тутошних жилецких мещан з 2000 ч.

Да збежи Могилевского уезду и из ыных из розных мест мужиков с 1000 ч.

А стоит-де гетман Пац в Могилеве для того: ожидает к себе на посилок с Украины Чернецкого. И послал-де к нему от себя другой лист с посланцы своими в то время, как боярин и воиводы, князь Яков Куденетович Черкаской [...] великою [...] //

А слышел-де он, что с Чернецким на Украине войска ево, польских и литовских людей, езды и пехоты з 10000 ч.

Да крымских татар с мурзою с 5000 ч. //

А слышел де он, Филип, про Чернецкого, что он будет к гетману Паце вскоре, и что с Чернецким польских и литовских людей и крымских татар столько, от гетмана Пацы самого.

Де и всем-де войска своего литовским людем гетман Пац те речи рассказывает и обнадеживает, чтоб они из войска в [...] никуда не розбежались. А литовские люди для [...] говорят все, что Чернецкого [...] литовские люди [...] Черне//цкого не чают.

А король-де в Оршаве, а при нем людей казацких, рейтарских, татарских, волошских, шведских драгунских людей з 20 хорунг.

А в Вильне-де ныне гетман Павел Сапега да писарь Полубенской, да воевода Мстиславской Тихоновецкой, а людей с ними небольшое. //

И Полубенского-де гетман Пац ожидает к себе в Могилеве вскоре, а везут-де с Полубенским к Пацу войска иво литовским людем в Могилев на прошлые годы на 10 лет за службуную заплату. И слышел-де он в Пацове войске от литовских людей, что Полубенской з заплатою приехал из Вильны в Могилев, и будет в Могилеве нынешнего дня вскоре.

А в Шклове-де ныне камендант [...]ринт немчин, да [от Полу]бенского прислан урядник // шляхтич Хрыковский.

А людей-де в Шклове Пацова войска драгунов и пехоты с 3000 ч., и в том-де числе 2 хорунги драгунов Синявского, да мещан ¹в Шклове ж ⁻¹ тутошних жильцов с 500 ч.

Да збежи Шкловского уезду и из ыных из розных место мужиков с 500 ж ч. //

[...] литовских ж людей по б, а у иных и по 10 и больши, ядят-де и пьют те литовские люди мещанское.

Да в Шклове ж-де от тесноты и от духоты падут лошади и животины, и от смраду-де тех падежных лошадей и животины в городе всяким людем великая нужда. //

А наряду-де в Шклове больших 20 пушек, средних 10 пушек, мелких на башнях и по стенам кругом города против бойниц 100 пушек.

[...] зелья и свинцу много [...]

[...] -де от тех литовских драгунов и пеших [...] //

А слышел-де он в розговorex в Шклове от мещан: только б-де драгунов и пехоты литовских людей в Шклове не было, а были б в Шклове они одни, и они б-де великому государю добибли челом и город здали.

Да августа-де в 1 день нынешнего 172-го году в понедельник после полудень перебег из обозу бояр и воивод в Ш[клов] // человек, ростом в[ысок?], [...] лет, в лице бел, волосом иссветла рус, борода невелика, чермна, а знать-де, что наперед сего бороду он бривал.

А платья-де на нем: епанча темно-лимонная, с нашивкою золотною, а под епанчою кафтан зелен, а какой, того не ведает. Сопоги желтые, сафьянные, поношеные.

А в роспросе-де тот перебежшич в Шклове каменданту сказался: родиною москвитин, подьячей, и за кафтаном-де у него письма //

А как-де комендант того переезшика роспрашивал, и он-де всё время плакал.

Да он же в роспросе сказывал, что боярин и воивода князь Яков Куденетович Черкасской пошел из-под Шклова к великому [государю к Мос]кве, а в обозе-де // остался боярин и воивода князь Иван Семенович Прозоровской да окольныхчей князь Юрь Никитич Борятинский.

И того ж-де дня на вечере шкловской комендант перебешика подьячего послал ис Шклова в Могилев к Пацу.

Примечания: ¹⁻¹ слова написаны над строкой.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 360. Л. 157–168, 170, 171, 169, 172.

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.04

Гребенкин Алексей Николаевич

доктор исторических наук, доцент

Академия ФСО Российской Федерации

Орел, Россия

angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Аннотация. В статье дана характеристика места института государственной охраны в политическом пространстве Российской империи начала XX в. Автор акцентирует внимание на том, что начало эсеровского террора заставило принять серьезные меры, направленные на обеспечение безопасности Николая II и членов его семьи. Они невольно заставляли императора и его близких чувствовать себя пленниками в собственной стране, поэтому усиление охраны следовало осуществлять в максимально деликатной форме, чтобы не вызвать гнев высочайших особ. Повышенное внимание приходилось уделять охранному сопровождению масштабных юбилейных мероприятий. Агентурная и постовая работа не должны были лишить праздника народного характера, подчеркнуть дистанцию между монархом и подданными. Наконец, охране приходилось выполнять и изначально несвойственные ей функции, например пытаться устранить из царского окружения «старца» — Г. Е. Распутина.

Ключевые слова: Российская империя, Николай II, институт государственной охраны, терроризм, дворцовый комендант, охранная агентура.

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.04

Grebenkin Alexey N.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation

Orel, Russia

angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

THE INSTITUTE OF STATE PROTECTION IN THE POLITICAL SPACE OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article describes the place of the institute of state protection in the political space of the Russian Empire at the beginning of the XX century. The author focuses on the fact that the beginning of the Socialist-Revolutionary terror forced to take serious measures aimed at ensuring the safety of Nicholas II and his family members. They unwittingly

made the emperor and his family feel like prisoners in their own country. Therefore, the strengthening of security should be carried out in the most delicate form, so as not to provoke the wrath of the highest personages. Special attention had to be paid to the security support of large-scale anniversary events. The secret service and post work were not supposed to deprive the festivities of a national character, to emphasize the distance between the monarch and his subjects. Finally, the guards had to perform functions that were initially uncharacteristic of her — for example, to try to eliminate the “elder” G. E. Rasputin from the royal entourage.

Keywords: Russian Empire, Nicholas II, institute of state security, terrorism, palace commandant, security agents.

Введение. Эскалация террористической угрозы, пришедшаяся на первые годы XX в., и начало Первой русской революции способствовали усилению роли института государственной охраны в политическом пространстве России. Не только торжественные церемонии, участниками которых являлись последний российский император и его близкие, но и их повседневная жизнь должны были быть сопряжены с серьезными мерами, направленными на нейтрализацию действий потенциальных злоумышленников. При этом нужно было не перейти грань, отделявшую разумную заботу от излишних ограничительных мер, негативно воспринимавшихся не только самими охраняемыми лицами, но и обществом. Николай II, желая сохранить свой статус хозяина земли Русской, стремился к тому, чтобы забота об охране его жизни и здоровья не оказала негативного воздействия на его политический имидж. Поэтому нужно было не только реализовать в полном объеме комплекс охранных мероприятий на территории императорских резиденций, в местах временного пребывания царя и членов его семьи и на путях их передвижения, но и сделать это так, чтобы высочайшие особы не ощущали себя пленниками в собственной стране.

Ход и результаты исследования. Когда началась Первая русская революция, Николай II был вынужден покинуть Санкт-Петербург и обосноваться в пригородных резиденциях — сначала на Нижней даче в Александрии, а затем в Александровском дворце в Царском Селе. Точно так же поступил его отец в 1881 г., сразу же после своего вступления на престол: оставаться в столице, в центре которой был убит Александр II, было небезопасно, поэтому Александр III переехал в Гатчину. Царь-миротворец без энтузиазма воспринимал свой статус «гатчинского затворника» и постоянно напоминал руководителям охранных структур, что его безопасность следует обеспечивать по возможности незаметно от окружающих. Николай II, в годы Первой русской революции фактически запертый в Александрии, так же тяжело переживал свое заточение и бурно реагировал на все, что было связано с мерами предосторожности. Он писал председателю Совета министров П. А. Столыпину о том, что расценивает «свое невольное заключение в Александрии не только обидным, не просто позорным», а «вящим скандалом перед всем миром»¹.

¹ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 752.

Ситуация усугублялась и тем, что далеко не все руководители, принимавшие участие в обеспечении безопасности Николая II, понимали, каким образом следует это делать. Так, когда император приезжал в столицу, то петербургский градоначальник В. А. Дедюлин (будущий дворцовый комендант) задействовал все находившиеся в его распоряжении средства. Это приводило к обратному эффекту: «Усиленные наряды полиции устанавливались на всем пути следования царя с вокзала во дворец, и тогда уже внешний, бросающийся всем в глаза вид улиц делал для всех понятным, что царь находится в Петербурге»².

Отношение императора к охране не изменилось и после окончания революции. Еще летом 1905 г. вокруг Александровского парка был сооружен забор. Через четыре года ввиду несанкционированных проникновений в парк местных жителей ограда была увенчана сложной конструкцией из железных уголков и заостренных пик, которая была густо оплетена колючей проволокой. Гулять в парке стало безопаснее, однако вскоре царь узнал о том, что в одном из иностранных журналов была напечатана карикатура, на которой он был изображен сидящим в клетке. Не желая быть объектом насмешек, Николай II велел привести забор в прежнее состояние. Во время царских прогулок на маршруте располагались переодетые сотрудники дворцовой полиции и охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. При приближении императора они делали вид, что не замечают его, а изучают окружающую местность. За это Николай II и члены его семьи называли их «ботаниками». Царь, забавляясь, часто менял маршруты своего движения и с восторгом наблюдал за тем, как сотрудники охраны поспешно переходили на другие места.

В апреле 1906 г. начала свою работу Государственная дума первого созыва, сразу же вставшая в жесткую оппозицию по отношению к монарху. Поскольку во время церемонии открытия парламента могли произойти провокационные акции со стороны оппозиционных депутатов, следовало принять особые меры предосторожности. Таким образом, «при произнесении Николаем II тронной речи перед Государственной думой и Государственным советом в комнате рядом с залом стоял караул лейб-гвардии Преображенского полка под командой поручика Дена, призванный защитить царя от возможных выходов со стороны депутатов Думы»³.

Полковник А. В. Герасимов вскоре после своего назначения на должность начальника Санкт-Петербургского охранного отделения изменил систему охраны императора в столице. Используя в качестве информатора Е. Ф. Азефа, он располагал подробными и актуальными сведениями о том, кто из революционеров находился в Санкт-Петербурге и тем самым оказывал большое содействие дворцовому коменданту В. А. Дедюлину. Если какой-либо видный террорист был в городе, А. В. Герасимов через дворцового коменданта советовал императору воздержаться от поездки, и обычно Николай II следовал

² Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 114.

³ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Указ. соч. С. 747.

его рекомендации. Когда начальник Охранного отделения приходил к выводу, что царь может приехать в Санкт-Петербург, он уведомлял о предстоящей поездке только главу правительства П. А. Столыпина. Градоначальник и наружная полиция с согласия председателя Совета министров не ставились в известность. Итак, охрана императора превращалась из компонента театрализованного политического действия в скрытый от посторонних глаз, но неизмеримо более эффективный с практической точки зрения механизм.

Многочисленные юбилейные мероприятия (двухсотлетие со дня Полтавского сражения, столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, трехсотлетие дома Романовых), в которых император и его близкие не могли не принять участия, стали для охранных структур серьезным экзаменом. Требовалось успешно решить ряд взаимосвязанных масштабных задач, со многими из которых приходилось сталкиваться впервые. Кроме того, нужно было принимать в расчет и политический контекст. Присутствие царской семьи на юбилейных торжествах носило сакральный характер: в частности, «дорога из Костромы в Москву, которую в 1613 г. прошел основатель царской династии Романовых Михаил Федорович, осознавалась как “священный путь призвания на царство”»⁴. Следовательно, меры, направленные на обеспечение безопасности царя и его близких, не должны были придавать торжествам полицейско-официозный оттенок. Празднества были призваны подтвердить народный характер монархической власти, обеспечить «восстановление личного самодержавия»⁵, поэтому в отношении обычной публики не следовало принимать каких-либо ограничительных мер, которые могли вызвать раздражение и злость, несовместимые с искренними верноподданническими чувствами.

К началу XX в. система обеспечения безопасности императора и членов его семьи выстраивалась с учетом накопленного опыта и актуальных угроз. Ядром охраны царя во время юбилейных мероприятий выступала охранная агентура, подведомственная дворцовому коменданту. Она была главным подразделением, выполняющим задачи по обеспечению безопасности Николая II и членов его семьи. Помощь охранной агентуре оказывали такие подразделения, как дворцовая полиция, Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк, Собственный Его Императорского Величества конвой, чины жандармских управлений (в том числе жандармско-полицейских управлений железных дорог), охранная команда Санкт-Петербургского охранного отделения и полиция.

Особо следует отметить привлечение к обеспечению безопасности императора тех институтов гражданского общества, которые в силу своей монархической направленности могли стать хорошей опорой для воинских и полицейских

⁴ Виденева А. Е. Церемониал пребывания в Ростове императорской семьи в мае 1913 года // История и культура Ростовской земли, 2013: материалы научной конференции, проведенной в ГМЗ «Ростовский кремль» 8–10 ноября 2013 г. Ростов Великий, 2014. С. 135.

⁵ Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2013. № 1 (25). С. 5.

структур. Так, при проведении торжественных мероприятий в Москве важное место в охране трасс проезда императора и мест его временного пребывания занимала добровольная охрана, комплектовавшаяся за счет верноподданнычески настроенных жителей Москвы, Московской губернии и губернских городов. Деятельность Общества добровольной охраны отличалась большим размахом: в праздничных мероприятиях в Москве и на Бородинском поле летом 1912 г. было задействовано порядка 40 тысяч человек. Добровольные охранники обеспечивали охрану мест пребывания императора и его семьи, образуя между императором и основной массой зрителей непреодолимый рубеж. Кроме того, занимая первые ряды в толпе публики, добровольцы, любовь которых к монарху была неподдельной, были призваны служить олицетворением народного характера торжеств, единения царя и его подданных и должны были продемонстрировать Николаю II, насколько крепкими являются узы между самодержцем и его подданными. Участие в охране было действительно добровольным, член общества, по каким-либо причинам не имевший возможности принять участие в охранных мероприятиях, мог отказаться от несения постовой службы, заблаговременно уведомив своего десятника.

Привлечение к участию в охранных мероприятиях самых надежных представителей населения не только придавало торжествам народный характер, но и создавало дополнительные гарантии обеспечения безопасности царя. Генерал от инфантерии В. Г. Глазов, возглавлявший комиссию по подготовке торжеств, посвященных столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года, писал начальнику канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанту А. А. Мосолову, что «присутствие волостных и сельских представителей является крайне желательным... и в интересах охраны»⁶.

Далеко не всегда применявшиеся меры были соразмерны степени угроз, так как руководители охраны желали иметь определенный запас прочности. Ввиду наличия большого количества сообщений из различных источников, в которых содержалась информация о подготовке покушений на императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича и других членов царской семьи, руководителям охранных структур постоянно приходилось перестраховываться и запрашивать подкрепление. Это происходило вследствие того, что агентурная информация без какой-либо обработки и проверки напрямую передавалась дворцовому коменданту В. А. Дедюлину или заведующему охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, А. И. Спиридовичу. Ни тот ни другой не имели в своем распоряжении сил и средств, необходимых для надлежащей проверки информации и ее достоверности. Соответственно, они были вынуждены во избежание совершения терактов сознательно идти на многократное

⁶ Бочков Е. А. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 15.

усиление постовой охраны, что и обуславливало несоразмерность использованных мер реальным угрозам. Однако ввиду отсутствия какой-либо техники, позволяющей экономить людские ресурсы, это был единственно возможный выход из положения.

Степень согласованности действий должностных лиц и подразделений можно оценить следующим образом. На высшем уровне должностные лица обеспечивали достаточно высокую степень согласованности, легко приходили к общим решениям, помогали друг другу усилением наиболее важных участков охраны, однако руководители низшего звена и рядовые сотрудники часто конфликтовали между собой. Так, 28 августа 1912 г. обходной агент охранной агентуры, который находился на Тверской улице, обратился к полицейскому надзирателю 2-го Якиманского участка Московской столичной полиции Петрову, стоявшему на углу возле Городской думы, с просьбой принять прошение у двух женщин. Однако Петров в грубой форме отказался выполнить просьбу, ссылаясь на то, что он не знал обходного. Эти стычки, разумеется, негативно влияли на имидж охраны и губительно влияли на авторитет монарха.

Корректировка плана охранных мероприятий в процессе его выполнения в основной части не проводилась, так как были заранее предусмотрены все возможные варианты смены маршрутов или мест посещения Николая II. Однако император иногда мог неожиданно поменять маршрут и поехать через деревню, по неблагоустроенным дорогам, активно общаясь с крестьянами, что, безусловно, могло иметь для него неблагоприятные последствия.

Одной из главных ошибок было то, что у Николая II не было постоянной личной охраны. Это создавало потенциальную возможность прорыва через охранные рубежи. Так, 6 сентября 1912 г. во время высочайшего объезда войск на Ходынском поле рядовой 2-го пехотного Софийского императора Александра III полка Г. Бахурин выбежал из строя для подачи прошения императору «с винтовкой в одной руке и с прошением в другой, для того, чтобы лично представить Государю Императору это прошение, заключающее в себе ходатайство об освобождении его от военной службы ввиду его семейного положения»⁷. Военный министр В. А. Сухомлинов, желая задержать солдата, схватил его за рубашку, но он вырвался и побежал дальше, по направлению к императору. Генерал-адъютант Г. А. Скалон также попытался остановить его и, схватив за руку, приказал отдать прошение, однако солдат сумел освободиться и подбежал с прошением к Николаю II. Безусловно, прорыв к царю солдата, вооруженного винтовкой, свидетельствовал о серьезном просчете в организации охраны. Прямые начальники провинившегося солдата понесли суровое наказание, однако допущенные ошибки не были исправлены. 24 мая 1913 г. во время торжественного въезда императора в Москву «сквозь ряды стоявшего шпалерами 8-го гренадерского Московского великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полка

⁷ Приказ по войскам Московского военного округа от 3 октября 1912 г. № 420 // Приказы по войскам Московского военного округа. 1912 год. М., 1912.

удалось прорваться женщине, с целью подать прошение Е. И. Вел., вопреки отданному мною (командующим войсками Московского военного округа генералом от кавалерии П. А. Плеве. — *А. Г.*) приказанию, чтобы сквозь шпалеры войск во время проезда отнюдь никого не пропускать»⁸.

Определенные сложности возникали и при организации пропускного режима. Так, в Нижнем Новгороде в 1912 г. была введена чересчур сложная процедура получения билетов на право входа в места проведения торжеств, из-за чего многие желающие не смогли увидеть царя. Сам монарх не мог не обратить внимания на то, что публика была немногочисленна. Произведенное разбирательство позволило сделать вывод, что строгости были совершенно излишни, «все же досаднее было то, что только этого и не надобно было, пришедших в день встречи пропускали свободно, но таких было немного, большинство напугалось разных разговоров о невозможности видеть Государя без билета...»⁹ Непродуманная схема выдачи билетов испортила настроение как тем, кто не смог попасть на праздник, так и тем, кто получил пропуск после нескольких часов стояния в очереди. Один из участников торжеств, председатель Совета министров В. Н. Коковцов, писал в своих воспоминаниях: «... везде у меня было одно впечатление — отсутствие настоящего энтузиазма и сравнительно небольшое скопление народа»¹⁰. Запутанная бюрократическая процедура вызвала резко негативную реакцию и у самого царя: «... Государь остался очень недовольным, узнав о фильтрации народа. С этим недовольством он приехал и в собор»¹¹.

Любопытной сюжетной линией, связанной с охраной, является отношение ее руководителей к «старцу» — Г. Е. Распутину. Дворцовый комендант В. А. Дедюлин с подозрением относился к Распутину, впервые появившемуся при дворе в 1908 г., полагая, что он мог быть связан с революционерами и даже являться террористом, желавшим получить доступ в императорские резиденции. Глава столичной охраны А. В. Герасимов, который по просьбе В. А. Дедюлина навел справки о «старце», пришел к выводу, что Распутин был глубоко безнравственным человеком, замешанным во множестве преступлений, и что его «нельзя и на пушечный выстрел подпускать к царскому дворцу»¹². А. В. Герасимов предложил П. А. Столыпину осуществить высылку «старца» на его родину, в Сибирь, в административном порядке, и премьер-министр принял соответствующее

⁸ Приказ по войскам Московского военного округа от 25 мая 1913 г. № 181 // Приказы по войскам Московского военного округа. 1913 год. М., 1913.

⁹ *Митрофанов В. В.* Пребывание императора Николая II в Нижнем Новгороде во время романовских дней в 1913 г. по «Дневниковым записям» А. Я. Садовского // Пятнадцатые Романовские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 334.

¹⁰ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919 гг. Т. 2. Париж, 1933. С. 169.

¹¹ *Митрофанов В. В.* Пребывание императора Николая II в Нижнем Новгороде во время романовских дней в 1913 г. по «Дневниковым записям» А. Я. Садовского // Пятнадцатые Романовские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 334.

¹² *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 162.

решение, однако из-за помощи, оказанной Г. Е. Распутину несколькими высокопоставленными особами (подругой царицы А. А. Вырубовой, великой княгиней Милицей Николаевной), осуществить его так и не смогли.

Заключение. Таким образом, в начале XX в. институт государственной охраны являлся важным компонентом политического пространства России. Руководители и сотрудники подразделений охраны сумели найти баланс между необходимыми мерами предосторожности и сохранением имиджа «народного монарха», столь необходимого Николаю II в ситуации постепенного нарастания кризиса властных структур. Однако ряда просчетов и ошибок при этом избежать не удалось.

Литература

1. Бочков Е. А. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 6–25.
2. Виденеева А. Е. Церемониал пребывания в Ростове императорской семьи в мае 1913 года // История и культура Ростовской земли. 2013: материалы научной конференции, проведенной в ГМЗ «Ростовский кремль» 8–10 ноября 2013 г. Ростов Великий: ГМЗ «Ростовский кремль», 2014. С. 135–146.
3. Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 851 с.
4. Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2013. № 1 (25). С. 5–10.
5. Митрофанов В. В. Пребывание императора Николая II в Нижнем Новгороде во время романовских дней в 1913 г. по «Дневниковым записям» А. Я. Садовского // Пятнадцатые Романовские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург: Квадрат, 2015. С. 325–338.

References

1. Bochkov E. A. «Pridat' iubileiu Otechestvennoi voiny znachenie vsenarodnogo torzhestva»: deiatel'nost' vysshikh i tsentral'nykh organov vlasti i upravleniia Rossiiskoi imperii po organizatsii prazdnichnykh meropriatii, posviashchennykh 100-letiiu Otechestvennoi voiny 1812 g. [“Attach the value of the national celebration to a jubilee of the Patriotic War of 1812: Activities of the Russian Empire central authorities in organization of the Patriotic War of 1812 100th anniversary] // Noveishaia istoriia Rossii. 2012. № 3. P. 6–25. (In Russ.).
2. Videneeva A. E. Tseremonial prebyvaniia v Rostove imperatorskoi sem'i v mae 1913 goda [Ceremonial stay in Rostov of the imperial family in May 1913] // Istoriiia i kul'tura Rostovskoi zemli. 2013: materialy nauchnoi konferentsii, provedennoi v GMZ «Rostovskii kreml'» 8–10 noiabria 2013 g. Rostov Velikii: GMZ «Rostovskii kreml'», 2014. P. 135–146. (In Russ.).
3. Grigor'ev B. N., Kolokolov B. G. Povsednevnaia zhizn' rossiiskikh zhandarmov [Everyday life of Russian gendarmes]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007. 851 p. (In Russ.).

4. Karnishin V. Iu. 300-letie doma Romanovykh: za fasadom ofitsial'nogo prazdnovaniia [The 300th anniversary of Romanov dynasty: behind the scenes of official celebration] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istoriiia. 2013. № 1 (25). P. 5–10. (In Russ.).

5. Mitrofanov V. V. Prebyvanie imperatora Nikolaia II v Nizhnem Novgorode vo vremia romanovskikh dnei v 1913 g. po «Dnevnikovym zapisiam» A. Ia. Sadovskogo [Emperor Nicholas II's stay in Nizhny Novgorod during the Romanov Days in 1913 according to A. Ya. Sadovsky's *Diary entries*] // Piatnadsatye Romanovskie chteniia. Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia: materialy. Ekaterinburg: Kvadrat, 2015. P. 325–338. (In Russ.).

УДК 94(47).083.76

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.05

Стогов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный

электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина)

Санкт-Петербург, Россия

bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

**УЧАСТИЕ ЛИДЕРОВ ПРАВЫХ САЛОНОВ И КРУЖКОВ
В ПОПЫТКАХ КОНСОЛИДАЦИИ ЧЕРНОСОТЕННОГО
ДВИЖЕНИЯ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)**

Аннотация. В период Первой мировой войны, в условиях усилившегося экономического и социально-политического кризиса в Российской империи разрозненные монархические (черносотенные) организации осуществляли попытки объединиться. С этой целью в 1915 г. в Нижнем Новгороде и Петрограде состоялись совещания монархистов. В их работе принимали участие лидеры и некоторые представители петроградских правых салонов и кружков (А. А. Римский-Корсаков, Н. Е. Марков, Н. А. Маклаков, Г. Г. Замысловский, И. Г. Щегловитов). На Петроградском совещании монархистов, в работе которого участвовали в том числе члены правого кружка А. А. Римского-Корсакова, салона Б. В. Штюрмера, кружка графа С. Д. Шереметева, был создан Совет монархических съездов (СМС), в состав которого также вошли некоторые лидеры и представители правых салонов и кружков (А. А. Римский-Корсаков, И. Г. Щегловитов, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский и др.). Лидеры и участники кружка А. А. Римского-Корсакова и салона Б. В. Штюрмера, считая себя в некотором роде консервативной элитой, пытались устранить противоречия, существовавшие между членами Всероссийского дубровинского союза русского народа и «обновленческого» Союза русского народа во главе с Н. Е. Марковым. Тем не менее СМС фактически ограничивался многочисленными заседаниями, посвященными необходимости консолидации черносотенцев, а также обращениями в различные инстанции. Существовавшие между монархистами противоречия так и не были преодолены. Так, Совет выступил против лидера Отечественного патриотического союза В. Г. Орлова, намеревавшегося созвать в Москве в октябре 1916 г. собственный съезд. На фоне демарша думской оппозиции в конце 1916 г. деятельность СМС фактически прекратилась. Объединенный съезд монархических организаций, планировавшийся на ноябрь 1916 г., так и не состоялся. Лидеры и участники правых салонов и кружков не смогли консолидировать разрозненное монархическое движение.

Ключевые слова: Российская империя, правые, монархисты, черносотенцы, салон, кружок, Союз русского народа.

UDC 94(47).083.76

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.05

Stogov Dmitry I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Saint Petersburg Electrotechnical University

St. Petersburg, Russia

bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

**PARTICIPATION OF LEADERS OF RIGHT-WING SALONS
AND GROUPS IN ATTEMPTS TO CONSOLIDATE
THE BLACK HUNDRED MOVEMENT
(1914 – FEBRUARY 1917)**

Abstract. During the First World War, in the conditions of the intensified economic and socio-political crisis in the Russian Empire, disparate monarchist (black Hundred) organizations made attempts to unite. To this end, in 1915, meetings of monarchists were held in Nizhny Novgorod and Petrograd. The leaders and some participants of the Petrograd right-wing salons and groups took part in their work (A. A. Rimsky-Korsakov, N. E. Markov, N. A. Maklakov, G. G. Zamyslovsky, I. G. Shcheglovitov). At the Petrograd meeting of the monarchists, which was attended, among others, by members of the A. A. Rimsky-Korsakov right group, salon of B. V. Shturmer, group of Count S. D. Sheremetev, the Council of Monarchical Congresses was created, which also included some leaders and participants of right-wing salons and groups (A. A. Rimsky-Korsakov, I. G. Shcheglovitov, N. E. Markov, G. G. Zamyslovsky, etc.). Russian leaders and members of Rimsky-Korsakov's group and B. V. Shturmer's salon, considering themselves to be somewhat of a conservative elite, tried to eliminate the contradictions that existed between the members of the All-Russian Dubrovinsky Union of the Russian People and the "Renovationist" Union of the Russian People headed by N. E. Markov. Nevertheless, the Council of Monarchical Congresses was actually limited to numerous meetings devoted to the need to consolidate the Black Hundreds, as well as appeals. The contradictions that existed between the monarchists were never overcome. Thus, the Council of Monarchical Congresses opposed the leader of the Patriotic Union of Russia V. G. Orlov, who intended to convene his own congress in Moscow in October 1916. Against the background of the demarche of the Duma opposition at the end of 1916, the activities of the Council of Monarchical Congresses virtually ceased. The Joint Congress of monarchist Organizations, planned for November of 1916, never took place. The leaders and participants of the right-wing salons and groups were unable to consolidate the disparate monarchist movement.

Keywords: Russian Empire, right, monarchists, Black Hundreds, salon, group, Union of the Russian people.

Введение. Актуальность исследуемой проблемы объясняется в первую очередь следующими обстоятельствами. В настоящее время, в условиях обращения власти и значительной части российского общества к идеям консерватизма и традиционных ценностей представляется важным и необходимым изучение деятельности русских консерваторов

на переломном этапе отечественной истории, в начале XX в., когда правоконсервативное движение не смогло противостоять вызовам со стороны либеральных и левых политических движений. В итоге Россия оказалась ввергнутой в революционный кризис, а русские консерваторы (монархисты) исчезли с политической сцены. Во-вторых, представляется важным детальное изучение событий и исторических фактов, непосредственно связанных с причинами революционного взрыва в 1917 г. Отсюда — особое внимание современных исследователей к событиям периода Первой мировой войны (до февраля 1917 г.), которые непосредственно предшествовали Февральской революции 1917 г.

В правоконсервативном политическом спектре, помимо официальных правых (монархических) партий и союзов, существовало значительное количество неофициальных структур (салонов, кружков), которые, не имея статуса юридического лица, тем не менее пытались влиять на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи.

Правый кружок — это неофициальная структура, участники которой, разделяя правоконсервативные (монархические) политические убеждения, под председательством руководителя (основателя) обсуждали актуальные проблемы внутренней и внешней политики, вырабатывали политические предложения, которые затем направлялись в различные инстанции, в том числе и непосредственно императору. В условиях незрелости политической системы России начала XX в., которая с 1905 г. переживала стадию зарождения легальных политических партий, правые кружки являлись в некотором роде связующим звеном между правоконсервативными союзами и организациями и властными структурами Российской империи. Многие из участников правых кружков были не только руководителями и членами официальных монархических организаций, но и высшими чиновниками Российской империи. Отсюда становится понятной важность роли правых кружков не только в формировании идеологии Российской империи, но и в оказании политического влияния на императора и его правительство.

Понятие «салон» французского происхождения; согласно Большой советской энциклопедии, это «литературно-художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме»¹. Из этого определения следует, что салон является одной из разновидностей кружков. В отличие от кружков в широком смысле этого слова участники салонов собирались в строго определенное время и в строго определенных местах, у хозяина салона. Таким образом, деятельность салона предполагает большую регламентацию, чем деятельность всех остальных кружков. Вместе с тем в современной историографии получила распространение точка зрения, согласно которой существенной разницы между салонами и кружками не существует. Тем не менее, так как эта разница изначально существовала, мы вслед за организаторами и участниками самих салонов и кружков будем различать эти два понятия.

¹ Салон // Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. Т. 22. М., 1975. С. 514.

Деятельности правоконсервативных организаций России начала XX в. посвящено значительное количество работ современных исследователей. Среди них монографии С. А. Степанова², А. А. Иванова³, И. В. Омелянчука⁴, М. Л. Размолодина⁵ и других авторов. В последние десятилетия появились и некоторые труды, посвященные правым салонам и кружкам⁶. Рассматривая организационную структуру, состав участников, круг обсуждавшихся в правых салонах и кружках вопросов, а также степень их влияния на политику Российской империи, современные исследователи практически не изучали вопросы, связанные с попытками правых салонов и кружков объединить, консолидировать разрозненное монархическое движение. Следует отметить, что сами попытки этой консолидации изучены в современной историографии на должном уровне⁷, однако в исследовательских работах не содержится и не анализируется информация, касающаяся участия лидеров и рядовых членов правых салонов и кружков в процессе консолидации монархистов. Настоящая статья призвана восполнить этот существенный пробел.

Ход и результаты исследования. Правоконсервативное движение в период после 1910 г. испытывало глубокий кризис. Одновременно существовало несколько крупных монархических организаций: «Русское собрание» (РС),

² *Степанов С. А.* Черная сотня: что они сделали для величия России. М., 2013.

³ *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

⁴ *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): монография. Киев, 2007.

⁵ *Размолодин М. Л.* Русский вопрос в идеологии черной сотни: монография / ред. Ю. Ю. Иерусалимский. 2-е изд., доп. и перераб. Ярославль, 2013.

⁶ *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века. СПб., 2007; *Леонов М. М.* Российские салоны второй половины XIX – начала XX веков: патронат и протектирование: монография. Самара, 2010; *Друзин М. В.* Е. В. Богданович: делец и общественный деятель пореформенного времени // *Российская история.* 2020. № 1. С. 91–101; *Гайда Ф. А.* «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // *Российская история.* 2020. № 1. С. 75–90; *Котов А. Э.* «Ненадежный друг»: А. С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // *Российская история.* 2020. № 1. С. 107–114; *Мамонов А. В.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // *Российская история.* 2020. № 1. С. 101–107; *Шруба М.* К типологии литературных объединений в дореволюционной России // *Рема. Rhema.* 2020. № 4. С. 23–48; *Стогов Д. И.* Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (1914 – февраль 1917). СПб., 2020 и др.

⁷ *Степанов А. Д.* Нижегородское совещание // *Святая Русь: большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм.* М., 2003. С. 488–490; *Его же.* Петроградское совещание // Там же. С. 570–572; *Иванов А. А., Стогов Д. И.* Петроградское совещание монархистов и участие в нем правых парламентских групп (1915 год) // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2010. № 11. С. 17–23; *Омелянчук И. В.* Попытки консолидации монархического движения (1906–1917 гг.) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* 2011. № 3. С. 25–30; *Стогов Д. И.* Нижегородское совещание монархистов (1915 г.) и проблема консолидации русских правых // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 3-1 (9). С. 178–183.

Союз русского народа (СРН), который к 1912 г. распался на две организации⁸, одна из которых сохранила прежнее название (во главе с членом Государственной думы Н. Е. Марковым), а вторая получила наименование по имени основателя и первого председателя главного совета СРН доктора А. И. Дубровина — Всероссийский дубровинский союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА), Русская монархическая партия, Союз русских людей и др. Взаимоотношения между лидерами и членами этих и других организаций нередко оставались напряженными, если не сказать враждебными, как вследствие личных амбиций лидеров, так и вследствие разнообразия подходов к решению ряда политических вопросов (например, отношения к Государственной думе).

Параллельно с официальными правоконсервативными структурами в Петербурге (с 1914 г. — Петроград) действовали неофициальные организации — кружки и салоны. Крупнейшими из них до 1914 г. оставались салоны редактора-издателя газеты-журнала «Гражданин» князя В. П. Мещерского и генерала от инфантерии, старосты Исаакиевского собора Е. В. Богдановича. Однако в связи с кончиной обоих лидеров эти салоны прекратили свою деятельность. К концу 1914 г. крупнейшими правыми кружками Петрограда являлись кружок сенатора, члена Государственного совета (правая группа) А. А. Римского-Корсакова и салон известного государственного деятеля, в 1916 г. являвшегося председателем Совета министров, а также последовательно министром внутренних и иностранных дел, Б. В. Штюрмера; кружок члена Государственного совета (правая группа) графа С. Д. Шереметева, кружок «духовного сына» и наследника князя В. П. Мещерского шталмейстера Н. Ф. Бурдукова, кружок тибетского врача, крестника императора Александра III П. А. Бадмаева, салоны сверхштатного чиновника особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода князя М. М. Андроникова, графини С. С. Игнатъевой (вдовы киевского и иркутского генерал-губернатора генерала А. П. Игнатъева), графини М. Э. Клейнмихель и др.

Источники свидетельствуют, что, по крайней мере, лидеры члены правого кружка А. А. Римского-Корсакова, салона Б. В. Штюрмера и кружка графа С. Д. Шереметева пытались принимать участие в процессе консолидации разрозненного монархического движения.

В период Первой мировой войны, в условиях нарастания экономического и социально-политического напряжения в Российской империи разрозненные монархические (черносотенные) организации осуществили попытки объединиться. С этой целью в конце 1915 г. в Петрограде и Нижнем Новгороде состоялись совещания монархистов. В работе Петроградского совещания принимали участие лидеры и некоторые представители петроградских правых салонов и кружков: А. А. Римский-Корсаков, Н. Е. Марков, Н. А. Маклаков, Г. Г. Замысловский, И. Г. Щегловитов, — а в работе Нижегородского совещания —

⁸ См.: *Омельяничук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // *Российская история.* 2021. № 1. С. 124–139.

Н. Е. Марков. Перечисленные лица входили в кружок А. А. Римского-Корсакова и в салон Б. В. Штюмера.

На Петроградском совещании монархистов, прошедшем в столице Российской империи 21–23 ноября 1915 г. и в работе которого участвовали в том числе члены правого кружка А. А. Римского-Корсакова, салона Б. В. Штюмера, кружка графа С. Д. Шереметева, А. А. Римский-Корсаков вместе с членом Государственной думы (фракция правых) С. В. Левашевым был избран товарищем (заместителем) председателя совещания, а затем и товарищем председателя новой координационной структуры монархистов — Совета монархических съездов (СМС). В январе 1916 г. он принимал непосредственное участие в работе этого Совета⁹. В состав СМС, помимо А. А. Римского-Корсакова, также вошли и еще несколько участников руководимого им кружка: И. Г. Щегловитов, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский и др.

Несмотря на активную деятельность, СМС не смог осуществить консолидацию всего правоконсервативного движения. Из возглавляемого членом Государственной думы В. М. Пуришкевичем РНСМА в 1915 г. выделился Отечественный патриотический союз (ОПС) во главе с археологом и железнодорожным служащим В. Г. Орловым. Видную роль в новой организации также играл известный черносотенец, издатель газеты «Колокол» В. М. Скворцов. Члены ОПС разделяли умеренно-правые взгляды. Они полагали, что в их организацию допустим прием евреев, однако это предложение вызвало бурю недовольства со стороны членов других монархических организаций. СРН, РНСМА и другие правые структуры сразу отмежевались от ОПС. Мало того, по инициативе А. А. Римского-Корсакова СМС в октябре 1916 г. обнародовал особое заявление, текст которого, помимо А. А. Римского-Корсакова, также подписали А. И. Дубровин, Н. Е. Марков, С. В. Левашев¹⁰. Авторы заявления отмечали, что утверждения либеральных газет о созыве «съезда всех якобы правых организаций» под руководством В. Г. Орлова не соответствуют действительности¹¹. Подчеркивалось, что СМС не имеет ничего общего с ОПС и представители Совета участвовать в созываемом В. Г. Орловым монархическом съезде не намерены¹². СМС выразил протест против причисления ОПС к правым, так как «признание еврейского равноправия стоит в полном противоречии с основными политическими верованиями правых монархических деятелей»¹³.

О том, что инициатива СМС консолидировать правые организации не получила дальнейшего претворения в жизнь, косвенно свидетельствуют и возникшие трудности с избранием председателя Совета. Первоначально им стал И. Г. Щегловитов, входивший в кружок А. А. Римского-Корсакова, однако по причине

⁹ *Стогов Д. И.* Правые кружки Петрограда... С. 86.

¹⁰ От Совета монархических съездов. Пг., [1916]. С. 1; *Степанов А. [Д.]* Отечественный патриотический союз // *Черная сотня. Историческая энциклопедия.* М., 2008. С. 376.

¹¹ От Совета монархических съездов. С. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же.

резкого неприятия этого шага со стороны либеральной общественности, а также вследствие отсутствия единства в рядах самого СМС Щегловитов добровольно сложил с себя полномочия председателя Совета. Авторитетный деятель монархистов К. Н. Пасхалов, а также С. В. Левашев предлагали на освободившийся пост другого члена кружка А. А. Римского-Корсакова — бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова¹⁴. Однако и тот отказался, мотивируя, что «не верит в успех дела»¹⁵. При этом Левашев, как свидетельствовал Маклаков, прислал телеграмму с просьбой об этом бывшему министру, но в ответ получил категорический отказ¹⁶. В ходе допроса Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства (ЧСК) бывший министр внутренних дел сообщил, что примерно в сентябре 1916 г. посещал не только кружок А. А. Римского-Корсакова, но и собрания на квартире у С. В. Левашева на Потемкинской улице. Последний вместе с представителями «отдельных правых организаций» (лидер одесских монархистов Б. А. Пеликан, Н. Е. Марков, А. И. Дубровин, А. А. Римский-Корсаков, архимандрит Виталий (Максименко), В. Г. Орлов) обратился к Маклакову с просьбой возглавить Совет, но вновь получил от него отказ. Отказался бывший министр, если верить его словам, не только от председательствования на предполагавшемся съезде монархистов, но и вообще от участия в нем. Мало того, бывший чиновник уверял следователей, что отказался ходатайствовать перед тогдашним главой МВД А. Д. Протопоповым об открытии съезда, чем вызвал нарекания со стороны монархистов¹⁷. Так или иначе, съезд действительно не состоялся, а С. В. Левашев исполнял обязанности председателя СМС.

Буквально через несколько дней после работы Петроградского совещания монархистов, 26 ноября 1915 г., открылось Нижегородское совещание правых, в работе которого принимали участие преимущественно члены Всероссийского дубровинского союза русского народа и близких к нему организаций. Если проанализировать состав участников совещания, мы обнаружим в их числе только одного члена кружка А. А. Римского-Корсакова — Н. Е. Маркова¹⁸, призвавшего бороться не просто с Германией, а с «Иудо-Германией»¹⁹.

На Нижегородском совещании была принята резолюция о необходимости консолидации правых («О взаимном объединении правых»), которая ограничилась, однако, общими словами о целесообразности объединения всех монархистов вне зависимости от их партийной принадлежности. В резолюции

¹⁴ Пасхалов К. Н. Русский вопрос / сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова. М., 2009. С. 641; Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 199, 219.

¹⁵ Допрос Н. А. Маклакова 1 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / ред. П. Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 3. С. 91–92.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 32–33.

¹⁹ Там же. С. 32.

содержался призыв к СМС включить в него представителей всех правомонархических структур²⁰. Вероятно, слабое внимание руководителей и членов петроградских салонов и кружков к Нижегородскому совещанию объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, удаленностью Нижнего Новгорода от Петрограда, а во-вторых, в некоторой степени высокомерным отношением правоконсервативной элиты (к коей, несомненно, причисляли себя видные государственные деятели и депутаты — члены петроградских салонов и кружков) к так называемой черносотенной улице, т. е. к низовым монархическим структурам, которые явно доминировали, в отличие от Петроградского совещания, на Нижегородском совещании. Отсюда, кстати, и особое обращение, которое содержится в резолюции Нижегородского совещания, к провинциальным лидерам монархистов — Н. Н. Тихановичу-Савицкому, Н. Н. Родзевичу и Н. П. Тихменеву — с убедительной просьбой активизировать «полезную деятельность по объединению всех монархических организаций в стране»²¹. Примечательно, что в отличие от Петроградского совещания с его СМС в состав избранного Нижегородским совещанием президиума монархического движения не вошло ни одного из членов петроградских правых салонов и кружков²².

Необходимо отметить, что участники Нижегородского совещания также рекомендовали создать ежедневную общедоступную газету правоконсервативного направления²³ и усилить патриотическую деятельность разрозненных правых организаций²⁴. Однако никакого практического воплощения эти инициативы так и не получили.

Тот факт, что, кроме Н. Е. Маркова, в работе Нижегородского совещания не принимали участия члены петроградских правых салонов и кружков, еще не означает, что они не проявляли никакого интереса к его работе. О том, что этот интерес проявлялся, косвенно свидетельствует письмо К. Н. Пасхалова члену кружка А. А. Римского-Корсакова Н. А. Маклакову (посещавшему также салон Б. В. Штюрмера и кружок Н. Ф. Бурдукова) от 19 декабря 1915 г., в котором он выразил скептическое отношение к деятельности как Петроградского, так и Нижегородского совещания монархистов²⁵.

Следует сказать, что помимо попытки консолидации официальных правых организаций в 1915 г. существовала идея объединения черносотенцев и националистов в единый правоконсервативный «черный блок» в рамках правой группы Государственного совета и фракции правых Государственной думы, которую, судя по всему, пытались реализовать в том числе и члены кружка А. А. Римского-Корсакова — Н. Е. Марков и И. Г. Щегловитов. Однако

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

²¹ Там же.

²² Труды Всероссийского монархического совещания в г. Н. Новгороде... С. 35.

²³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. 44 об.

²⁴ Там же. Л. 45–45 об.

²⁵ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 222–223.

в условиях жесточайшей политической борьбы 1915 г. эта попытка оказалась провальной²⁶.

Деятельность лидеров и участников правых салонов и кружков не ограничивалась попытками организации съезда монархистов. СМС использовался кружком А. А. Римского-Корсакова как один из способов давления на императора в целях претворения в жизнь политической программы монархистов. Так, в декабре 1916 г., в ходе активизации кружка А. А. Римского-Корсакова, участники которого вырабатывали так называемые записки на имя императора с предложениями о роспуске Государственной думы, о введении военного положения, об ужесточении цензуры, об усилении правой печати и т. д.²⁷, именно СМС ходатайствовал об организации высочайшего приема лидеров монархистов в целях изложения актуальной политической позиции правых на текущий момент. Тем не менее руководство армии и правительства выступило против предполагаемой встречи правых с императором. В итоге она так и не состоялась.

Своего рода филиалом кружка А. А. Римского-Корсакова являлся салон Б. В. Штюрмера. О существовании этого салона известно еще с 1905 г., когда его участники обменивались мнениями в условиях революционного кризиса. Однако кружок вскоре прекратил свое существование и возродился только к осени 1914 г., т. е. уже после смерти организаторов крупнейших правых салонов — князя В. П. Мещерского и генерала Е. В. Богдановича. Известно, что уже зимой 1914–1915 гг. участники возрожденного салона обсуждали возможность объединения правых. Бывший директор департамента полиции МВД С. П. Белецкий в показаниях ЧСК указывал, что главной причиной, которая подвигла Б. В. Штюрмера к возрождению его кружка, было стремление правых к объединению на почве общих политических позиций, в том числе по вопросу о сохранении территориальной и политической целостности страны и традиционной формы правления²⁸. Известно также, что участники салона не просто обменивались мнениями и составляли записки для «высших сфер», но и собирали материалы для планируемого съезда монархистов (в ноябре 1916 г.)²⁹, который, как уже отмечалось, так и не состоялся. Кроме того, отсутствуют какие бы то ни было сведения о том, что предложения салона Б. В. Штюрмера получили какое-либо практическое применение, т. е., судя по всему, игнорировались императором.

Помимо кружка А. А. Римского-Корсакова и тесно связанного с ним салона Б. В. Штюрмера, другие правые салоны и кружки тем или иным образом

²⁶ Подробнее см.: *Иванов А. А.* «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал.* 2009. № 99. С. 9–17.

²⁷ *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда... С. 217–225.

²⁸ Показания С. П. Белецкого от 24 июня 1917 г. // *Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства* / ред. П. Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 4. С. 383–384.

²⁹ *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда... С. 216.

затрагивали проблему консолидации русских монархистов. Правда, их участие в этом процессе было, несомненно, гораздо более скромным.

Известно, что в 1916 г. в собраниях правого кружка тибетского врача П. А. Бадмаева участвовали и некоторые представители кружка А. А. Римского-Корсакова, в том числе А. Д. Протопопов, С. П. Белецкий, Б. В. Штюрмер, А. Н. Хвостов и др. П. А. Бадмаев, однако, в отличие от А. А. Римского-Корсакова, настаивал на сохранении Государственной думы как таковой, при необходимости усиления ее правого крыла. В показаниях ЧСК последний министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов, анализируя дискуссию на одном из собраний кружка, указывал, что «все высказывались за необходимость достигнуть выбора возможно более благонадежного (консервативного) большинства Государственной Думы»³⁰.

Лидер другого правоконсервативного кружка — граф С. Д. Шереметев — еще с 1900-х гг. стремился оказывать влияние на лидеров некоторых официальных правых политических организаций. Так, в 1909 г. основатель РНСМА В. М. Пуришкевич читал свои лекции в возглавляемом С. Д. Шереметевым Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Лекция была посвящена «историческому ходу развития революционного движения в русском университете и современным течениям в высшей школе»³¹.

В том же году лидер РНСМА переслал С. Д. Шереметеву свою речь, произнесенную им на Бессарабском дворянском собрании 11 января 1909 г.³² В речи высказывалась идея о том, что дворянство должно оставаться «непоколебимо и беззаветно преданным началам государственности России, освященным веками седой и славной старины»³³. Граф С. Д. Шереметев на словах приветствовал порыв лидера РНСМА, выступившего с позиций защитника неограниченного самодержавия и борца с крамолой³⁴. Однако из переписки С. Д. Шереметева с Ф. Д. Самариним известно, что в том же 1909 г. им вынашивалась идея создания единой правой организации из «чистых» монархистов, без СРН и РНСМА, с помощью которой члены кружка графа намеревались добиваться пересмотра основных законов Российской империи касательно формы правления в пользу восстановления самодержавия³⁵. Впрочем, все усилия кружка по созданию новой организации остались только на бумаге, новая монархическая структура без СРН и РНСМА так и не была создана.

³⁰ Материалы ЧСК (записки А. Д. Протопопова // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ). Ф. 654. Блок А. А. Оп. 5. Д. 43. Л. 42.

³¹ В. М. Пуришкевич — С. Д. Шереметеву. 30 декабря 1909 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1088. Шереметев С. Д. Оп. 2. Д. 94. Л. 3.

³² В. М. Пуришкевич — С. Д. Шереметеву. 12 января 1909 г. // Там же. Л. 1–2, 5–6.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ *Стогов Д. И.* Правые кружки Петрограда. С. 164.

³⁵ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину. 20 января 1909 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 265. Папка 208. Д. 25.

Салон А. А. Римского-Корсакова, возможно, посещал и лидер другого кружка — Н. Ф. Бурдуков. Косвенным свидетельством этого обстоятельства является тот факт, что А. А. Римский-Корсаков снимал в 1917 г. квартиру в доме, которым владел Н. Ф. Бурдуков (Петроград, Спасская ул., 27³⁶). Исходя из этого, можно предположить, что кружок Н. Ф. Бурдукова также, видимо, пытался принимать косвенное участие в процессе консолидации русских монархистов.

Заключение. Лидеры и участники правых салонов и кружков принимали активное участие в попытках консолидации правых. Сведения об их участии в этом процессе приведены в следующей таблице:

Название салона, кружка	Форма участия в процессе консолидации правых и основные результаты
Кружок А. А. Римского-Корсакова	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Участие в работе Петроградского совещания монархистов и создании СМС. ✓ Попытка организации съезда монархистов (не был созван), борьба с Отечественным патриотическим союзом (привела к дальнейшему расколу правых). ✓ Привлечение СМС в целях продвижения правой политической программы в «высших сферах» (практических результатов не последовало)
Салон Б. В. Штюрмера	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Сбор материалов для планировавшегося съезда монархистов (который не состоялся)
Кружок С. Д. Шереметева	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Выработка идеи создания организации «чистых правых» без СРН и РНСМА. Осталась нереализованной
Кружок П. А. Бадмаева	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Выработка идеи усиления Государственной думы правыми депутатами. Осталась нереализованной
Кружок Н. Ф. Бурдукова	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Возможно, солидаризировался с кружком А. А. Римского-Корсакова по выработке записок на имя императора и организации монархических съездов

Сведений об участии салона князя М. М. Андроникова, салона графини С. С. Игнатьевой, графини М. Э. Клейнмихель и других правых салонов и кружков периода Первой мировой войны в процессе консолидации разрозненных правых организаций к настоящему моменту нами не выявлено.

³⁶ Отдел IV. Алфавитный список улиц города Петрограда и его пригородов // Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. Пг., 1916. С. 371. См. также: Переписка об обысках. Списки лиц, арестованных и содержащихся под стражей, посещавших Распутина, преданных царскому правительству и полицейскому режиму // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 41 об.

Несмотря на довольно высокую активность ряда правых салонов и кружков, им не удалось завершить процесс консолидации монархистов. Мало того, на фоне демарша думской оппозиции в конце 1916 г. деятельность СМС к началу 1917 г. фактически прекратилась. Объединенный съезд монархических организаций, планировавшийся на ноябрь 1916 г., так и не состоялся, а после Февральской революции правые салоны с кружками, как и монархические партии, прекратили свое существование.

Литература

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения / отв. ред. А. М. Анфимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Гайда Ф. А. «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0
3. Друзин М. В. Е. В. Богданович: делец и общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101. DOI: 10.31857/S086956870008275-3
4. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 518 с.
5. Иванов А. А. «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 9–17.
6. Иванов А. А., Стогов Д. И. Петроградское совещание монархистов и участие в нем правых парламентских групп (1915 год) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 11. С. 17–23.
7. Котов А. Э. «Ненадежный друг»: А. С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107–114. DOI: 10.31857/S086956870008278-6
8. Леонов М. М. Российские салоны второй половины XIX – начала XX веков: патронат и протектирование: монография. Самара: Самарский муниципальный ин-т упр., 2010. 142 с.
9. Мамонов А. В. Граф М. Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101–107. DOI: 10.31857/S086956870008277-5
10. Омелянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4
11. Омелянчук И. В. Попытки консолидации монархического движения (1906–1917 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 25–30.
12. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): монография. Киев: МАУП, 2006. 744 с.
13. Размолодин М. Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни: монография / ред. Ю. Ю. Иерусалимский. 2-е изд., доп. и перераб. Ярославль: Ньюанс, 2013. 480 с.
14. Степанов А. Д. Нижегородское совещание // Святая Русь: большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 488–490.
15. Степанов А. [Д.] Отечественный патриотический союз // Черная сотня. Историческая энциклопедия / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. С. 374–376.

16. Степанов А. Д. Петроградское совещание // Святая Русь: большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 570–572.
17. Степанов С. А. Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 671 с.
18. Стогов Д. И. Нижегородское совещание монархистов (1915 г.) и проблема консолидации русских правых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-1 (9). С. 178–183.
19. Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 312 с.
20. Стогов Д. И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (1914 – февраль 1917 гг.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 253 с.
21. Шруба М. К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 23–48. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

References

1. Avrekh A. Ia. Tsarizm nakanune sverzheniia [Tsarism on the eve of overthrow] / otv. red. A. M. Anfimov; AN SSSR, In-t istorii SSSR. Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Russ.).
2. Gaida F. A. «Kabinet» kniazia N. D. Golitsyna i poiski politicheskogo kursa zimoi 1916–1917 gg. [The “Cabinet” of Prince N. D. Golitsyn and the search for a political course in the winter of 1916–1917] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0 (In Russ.).
3. Druzin M. V. E. V. Bogdanovich: delets i obshchestvennyi deiatel' poreformennogo vremeni [E. V. Bogdanovich: businessman and public figure of the post-reform period] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 91–101. DOI: 10.31857/S086956870008275-3 (In Russ.).
4. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917) [The right in the Russian Parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2013. 518 p. (In Russ.).
5. Ivanov A. A. «Chernyi blok»: neudavshaiasia popytka konsolidatsii pravyykh parlamentskikh grupp v 1915 godu [The “Black Bloc”: a failed attempt to consolidate right-wing parliamentary groups in 1915] // Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2009. № 99. P. 9–17. (In Russ.).
6. Ivanov A. A., Stogov D. I. Petrogradskoe soveshchanie monarkhistov i uchastie v nem pravyykh parlamentskikh grupp (1915 god) [Petrograd conference of monarchists and the participation of right-wing parliamentary groups in it (1915)] // Vestnik Pomorskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 11. P. 17–23. (In Russ.).
7. Kotov A. E. «Nenadezhnyi drug»: A.S. Suvorin i salon Bogdanovichei v kontse XIX v. [“Unreliable friend”: A. S. Suvorin and the Bogdanovich salon at the end of the XIX century] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 107–114. DOI: 10.31857/S086956870008278-6 (In Russ.).
8. Leonov M. M. Rossiiskie salony vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov: patronat i protezhirovanie: monografiia [Russian salons of the second half of the XIX – early XX centuries: patronage and prosthetics: monograph]. Samara: Samarskii munitsipal'nyi in-t upr., 2010. 142 p. (In Russ.).
9. Mamonov A. V. Graf M. T. Loris-Melikov i salon Bogdanovichei [Count M. T. Loris-Melikov and the Bogdanovich salon] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 101–107. DOI: 10.31857/S086956870008277-5 (In Russ.).

10. Omelyanchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuza russkogo naroda [“The house divided against itself”: split of the Union of the Russian People] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 124–139. DOI: 10.31857/S086956870013449-4 (In Russ.).
11. Omelyanchuk I. V. Popytki konsolidatsii monarkhicheskogo dvizheniia (1906–1917 gg.) [Attempts to consolidate the monarchist movement (1906–1917)] // Sovremennaia nauka: aktual’nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Gumanitarnye nauki. 2011. № 3. P. 25–30. (In Russ.).
12. Omelyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914): monografiia [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914): monograph]. Kiev: MAUP, 2006. 746 p. (In Russ.).
13. Razmolodin M. L. Russkii vopros v ideologii chernoii sotni: monografiia / red. Iu. Iu. Ierusalimskii. 2-e izd., dop. i pererab [The Russian question in the ideology of the Black Hundred: a monograph / ed. by Yu. Yu. Jerusalemky. 2nd ed., supplement and revision]. Iaroslavl’: Niuans, 2013. 480 p. (In Russ.).
14. Stepanov A. D. Nizhegorodskoe soveshchanie [Nizhny Novgorod meeting] // Sviataia Rus’: bol’shaia entsiklopediia russkogo naroda. Russkii patriotizm. Moscow: Entsiklopediia russkoi tsivilizatsii, 2003. P. 488–490. (In Russ.).
15. Stepanov A. [D.] Otechestvennyi patrioticheskii soiuz [Domestic patriotic union] // Chernaia sotnia. Istoricheskaiia entsiklopediia / sost. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov; otv. red. O. A. Platonov. M.: Kraft+, Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. P. 374–376. (In Russ.).
16. Stepanov A. D. Petrogradskoe soveshchanie [Petrograd meeting] // Sviataia Rus’: bol’shaia entsiklopediia russkogo naroda. Russkii patriotizm. Moscow: Entsiklopediia russkoi tsivilizatsii, 2003. P. 570–572. (In Russ.).
17. Stepanov S. A. Chernaia sotnia: chto oni sdelaui dlia velichiiia Rossii [The Black Hundred: what they did for the greatness of Russia]. Moscow: Iauza-press, 2013. 671 p. (In Russ.).
18. Stogov D. I. Nizhegorodskoe soveshchanie monarkhistov (1915 g.) i problema konsolidatsii russkikh pravyykh [Nizhny Novgorod meeting of monarchists (1915) and the problem of consolidation of the Russian right] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul’turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 3-1 (9). P. 178–183. (In Russ.).
19. Stogov D. I. Pravomonarkhicheskie salony Peterburga-Petrograda (konets XIX – nachalo XX veka [Right monarchical salons of St. Petersburg-Petrograd (late XIX – early XX century)]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2007. 312 p. (In Russ.).
20. Stogov D. I. Pravye kruzhki Petrograda v predrevoliutsionnoi politicheskoi bor’be (1914 – fevral’ 1917 gg.) [The right groups of Petrograd in the pre-revolutionary political struggle (1914 – February 1917)]. St. Petersburg: Izdatel’stvo SPbGETU «LETI», 2020. 253 p. (In Russ.).
21. Shrubu M. K tipologii literaturnykh ob’edinenii v dorevoliutsionnoi Rossii [On the typology of literary associations in pre-revolutionary Russia] // Rema. Rhema. 2020. № 4. P. 23–48. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48 (In Russ.).

УДК 930

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.06

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX В. В ПОСТСОВЕТСКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Постсоветский историографический ландшафт включает довольно обширные материалы по истории этнополитических движений и национальных партий начала XX в., а ее освещение прямо связано с актуальными задачами современного нациостроительства и формирования маркеров общественного сознания. Это отчетливо проявляется на примере историографии Казахстана и стран Центральной Азии. В статье анализируются особенности интерпретации истории формирования и деятельности этнополитических партий и движений начала XX в. в публикациях историков бывших республик СССР.

Ключевые слова: Россия, этнополитические движения и партии, историография, постсоветское пространство.

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Проект «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

UDC 930

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.06

Amanzholova Dina A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

The Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

**ETHNOPOLITICAL MOVEMENTS AND PARTIES
OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
IN THE POST-SOVIET HISTORIOGRAPHICAL SPACE**

Abstract. The post-Soviet historiographical landscape includes quite extensive materials on the history of ethno-political movements/national parties of the early XX century, and its coverage is directly related to the urgent tasks of modern nation-building and the formation of markers of public consciousness. This is clearly shown by the example of the historiography of Kazakhstan and the countries of Central Asia. The article analyzes the leading trends and features of the interpretation of the history of the formation, essence, activity and significance of ethno-political parties and movements of the early XX century in the publications of historians of the former republics of the USSR.

Keywords: Russia, ethno-political movements and parties, historiography, post-Soviet space.

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025). The project “Critical analysis of the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience of national politics and ethnocultural development”.

Введение. История этнополитических движений и партий России начала XX в. по-прежнему остается в фокусе внимания российской и зарубежной историографии, но пик интереса к этой проблематике пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Это было связано не только с раскрытием прежде недоступных архивных источников, но более всего — с невиданным до того всплеском общественно-политической активности в СССР, а после его распада — в бывших союзных республиках, что вызвало создание новых и реставрацию досоветских институций. Этнонационализм стал одним из мощных инструментов формирования политических систем и общественного сознания на постсоветском пространстве, и национальные историографии активно включились в этот процесс, обеспечивая идеологический фундамент новой государственности. Постепенно история этнополитических движений и партий уступила место другой тематике в историографии бывших республик СССР, причем в центр внимания попали иные проблемы, с учетом специфики прошлого той или другой страны, нацеленные на социокультурный и идейный разрыв с тем, что связывало их народы с Россией и СССР.

Литература о роли этнонационального фактора в трансформации научного и социально-культурного пространства начиная с 1990-х гг. обширна и разнопланова, достаточно отметить обобщающие труды В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана¹. Тем не менее анализ публикаций и исследований историков нового зарубежья по избранной проблеме представляется актуальным, поскольку позволяет высветить важные общие тренды эволюции и особенности историографии стран, в недавнем прошлом имевших единое научное пространство СССР и приобретших некие новые начала после 1991 г. В данном случае объектом изучения стали наработки представителей научного сообщества стран Центральной Азии, включающих Казахстан и республики Средней Азии.

Ход и результаты исследования. С конца 1980-х гг. по нарастающей шло развитие исследований истории национальных движений и партий начала XX в., активно участвовавших в революционном процессе перехода от Российской империи к Советскому Союзу. Было сделано немало полезного: опубликовано много документов и иных материалов, вышел ряд статей и монографий и прежде заключенные в советский канон «мелкобуржуазные националистические» движения и партии стали обретать конкретно-исторический облик, привязанный к этнорегиональной специфике и наполнявшийся фактами, событиями и персонажами, что существенно обогатило и разнообразило представления о драматическом и противоречивом транзите народов России от традиции к модерности.

Стало очевидно, что этнополитические движения и партии, включившиеся в революцию под мощным влиянием общероссийских политических сил, были ее важной составной частью и сыграли (прежде всего в лице их элит) не последнюю роль в том, как разворачивались события в национальных регионах, и в том, какой вид приобрела и как развивалась их государственность после 1917 г. Культурная сложность России, сложившаяся исторически, породила уникальный по своему разнообразию сплав политических практик, этносоциальных моделей властвования и способов межкультурной интеграции, включавших преемственные и новаторские подходы и приемы государственного и национального строительства. Правда, логика постсоветских руководящих структур и элит диктует этноцентричный взгляд на прошлое, что исключает признание названных обстоятельств как неотъемлемых компонентов этнополитического развития Бухарского и Хивинского ханств, Туркестанского края и Казахской степи, в комплексе обусловивших и перемены в регионе от Февраля к Октябрю 1917 г., и его советскую историю. К примеру, Б. К. Айтенова признает, что власть в Казахстане «рассматривает историческую науку как некий рычаг для решения общественных проблем, а не только как академическую науку,

¹ Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007; Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве / В. А. Шнирельман [и др.]; Ин-т им. Георга Эккерта по междунар. исслед. школьных учебников. Берлин, 2010.

призванную на поиски истины. А это, в свою очередь, определяет исторический поиск». Динамика исторической науки, ее направленность находились под контролем непосредственно президента Н. А. Назарбаева². Нынешний президент К.-Ж. К. Токаев, впрочем, тоже не выпускает из поля зрения перспективы историографии республики.

По мнению крупного историка Узбекистана Д. А. Алимовой, уже в 2009 г. в узбекской историографии произошел «отход от эмоционально-поверхностных оценок, характерных для конца 80-х и начала 90-х годов», однако «они все еще проявляются, особенно при переосмыслении истории национально-освободительного движения»³. Исследователь указывает на дискуссионные оценки басмачества как национально-освободительного движения (в этом сомнений у узбекских историков нет). Но по поводу того, как это соотносится с этнополитическими структурами, родившимися на территории республики, она возражает против утверждения К. Раджабова о джадидах как идеологах басмачества. Действительно, прямая связь между носителями модернистских взглядов, ставших родоначальниками политических движений и впоследствии сотрудничавших с большевиками, вряд ли поможет выстроить стройную объяснительную версию революционных событий. Даже если отвергать факт гражданской войны на территории Узбекистана, поскольку басмачи представляются как борцы против советской власти и Красной армии, трудно объединить местную интеллигенцию с разным этническим происхождением с лидерами басмачей, которые, впрочем, пишет Д. А. Алимова, боролись между собой за власть, что как раз было фактом гражданской войны.

Образованный слой среднеазиатских сообществ, разделенных границами ханств и Туркестанского генерал-губернаторства, был политически мотивирован на достижение автономии и сотрудничество с теми силами, которые оказались способны помочь им в этом. Объединить в пантеон национальных героев представителей разных интересов оказалось достаточно сложно. Тем не менее узбекская историография едина в оценке джадидизма: это было прогрессивное движение, способствовавшее росту национального самосознания народов региона и сыгравшее существенную роль в становлении и развитии национально-освободительной идеологии. Признается наличие разных подходов в программе джадидов: полное отделение от России; создание национально-территориальной автономии или гарантии прав на духовно-религиозную автономию в составе России. Выделяются партия младобухарцев — революционных джадидов во главе с А. Фитратом и Ф. Ходжаевым и так называемое правое крыло —

² *Айтенова Б. К.* Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 18, 21.

³ *Алимова Д. А.* О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (ИИЦ МГУ): сайт. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/d-a-alimova-o-nekotorykh-boleznyakh-rosta-v-izuchenii-istorii-uzbekistana/> (дата обращения: 30.03.2023).

«Шура-и-Ислам». Джадидизм, отмечается далее, не может быть отождествлен с пантюркизмом, панисламом и буржуазным национализмом, а идеи джадидов не имеют ничего общего с идеологией махрового национализма⁴.

Этнополитические организации Туркестана в 1917–1918 гг. особенно подробно исследовал Р. Абдуллаев. Он признает отсутствие единства в национальном движении, отмечая разношерстный этносоциальный состав и протопартийный характер туркестанской «Шура-и-Ислам», и называет ее национальной (в этническом смысле), лишь упоминая фактическую многоэтничность региона. Он считает также, что российские власти пытались изолировать Туркестан от внешнего мира, имея в виду якобы противодействие взаимосвязям тюркских и мусульманских народов⁵.

Признается и то, что исламский фактор, как пишет С. Агзамходжаев, стал индикатором политического самосознания для среднеазиатских мусульман, в 1917 г. признавших духовную и культурную общность с мусульманами России и других стран. В то же время к февралю 1917 г. конкретной политической программы даже радикальная часть джадидов не имела, выступая за демократические права и конституцию, расширение прав коренного населения в органах власти вплоть до Думы и свободу печати.

Быстро растущая политическая активность русского населения региона подталкивала джадидов к более активным действиям, в том числе в организационном плане (региональные съезды, слияние в более крупные организации и т. п.). Джадиды занимали центристские позиции, правые поддерживали Временное правительство при сохранении традиционных устоев. Среди левых были сторонники ханской власти, противники колониальных властей и религиозные реформаторы. Весь 1917 г. прошел под знаком усиления идейной пестроты в рядах этнонациональных политактивистов⁶.

Изменения в политической географии региона конца XX в. продиктовали историкам новых государств акцент на обоснование преемственных начал у родоначальников джадидизма, стремление доказать их самостоятельность и перспективный характер программных идей и политических акций. С этим же связано и отсутствие интереса к освещению многомерной и сложной палитры взаимоотношений, конкуренции и сотрудничества местных этнополитических структур и их лидеров с общероссийскими. Освещение деятельности последних в регионе практически не претерпело изменений, к нарабатанному в советский период фактологическому багажу лишь прибавлялись сюжеты об их искусственном происхождении и неукорененности на этносоциальной почве региона, неспособности стать лидерами прогресса и противостоянии

⁴ Саламов Ш. Н. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Дашнаки от Ферганы до Карабаха. Ташкент, 2015. С. 93, 103–104.

⁵ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2016. С. 259, 257.

⁶ Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006. С. 53, 56–58, 67–68; Абдуллаев Р. Указ. соч.

национальным элитам, боровшимся за освобождение своих народов. Радикализм социал-демократов, особенно большевиков, блокировавший даже малейшие шансы на умиротворение ситуации, рассматривается в качестве основного и единственного препятствия для достижения целей автономистов и сторонников неких других проектов. Историки региона практически единодушно критикуют действия представителей общероссийских политических партий, обвиняя их, и особенно большевиков, в великодержавных амбициях и игнорировании интересов мусульман. Вне поля зрения остались факты коалиций общероссийских и этнополитических структур в избирательных кампаниях, становлении новых органов власти и управления, межличностные контакты и сотрудничество представителей «европейцев» и «туземцев». Из поля зрения исключаются возможные перспективы политических альянсов в пользу гражданского мира и совместного поиска путей преодоления кризиса российской государственности, включая Туркестан, и среднеазиатских ханств.

Таджикская историография также внимательно относится к истории джадидизма, выделяя определенные нюансы, связанные с этноидентичностью его лидеров, да и вообще традиционных обществ региона. К. Абдуллаев, в частности, подчеркивает: в Средней Азии отсутствовала этносамоидентификация, а языковая принадлежность не была принципиальным национальным признаком. Главным интегрирующим фактором стал ислам⁷. Действительно, именно конфессиональная общность составляла основу взаимосвязей активистов джадидизма, в том числе с представителями других регионов Российской империи — Крыма, Поволжья, Кавказа. Этот общий вывод, правда, мало подкреплён конкретными исследовательскими работами: существо и характер взаимоотношений мусульманских элит на рубеже двух веков освещаются попутно, если это важно для собственной этнополитической истории.

Справедливым представляется вывод Н. У. Гафарова об отсутствии единства и цельности в среднеазиатском джадидизме, к тому же он верно отмечает закономерный выход на ведущую роль в движении национальной буржуазии, имевшей в сравнении с другими слоями общества финансовые и прочие ресурсы, а также организационный опыт и необходимые связи. Другим ценным наблюдением историка является дифференциация уровней организационного и идеологического развития этнополитических структур, возникавших в условиях относительно развитой общественно-политической жизни Туркестанского края и закрытыми традиционными обществами, существовавшими в Бухарском и Хивинском ханствах с их авторитарными режимами⁸. Впрочем, стоит отметить, что рекрутирование этнополитической элиты происходило из всех возможных социальных источников: это были обладавшие образованием и опытом

⁷ *Абдуллаев К. Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 79–80.

⁸ *Гафаров Н. У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2013. С. 28–30.

в разных сферах общественно-политической жизни и коммуникативными навыками представители купеческих династий; лидеры мусульманских общин и знатоки ислама; немногочисленные выходцы из различных слоев, посвятившие себя культурным практикам, прежде всего в литературе.

Такой набор был отражением социальной ситуации в обществах, где кристаллизация политических проектов лишь намечалась, когда мировая война и революция в стране вывели на пространство борьбы за власть все сколько-нибудь активные персонажи. Организационная слабость, отсутствие навыков и политического инструментария, которыми владели их конкуренты, несмотря на прочную культурно-социальную почву и традиционные механизмы регулирования противоречий и обеспечения общественной стабильности, обусловили историческое поражение этнонациональных элит. Тем не менее этот аспект не получил взвешенного анализа в историографии стран Центральной Азии.

Главные идеи в программе джадидов сосредоточивались на общекультурных критериях модернизации и перехода к модерности в ее актуальном на тот период понимании. Социальная пестрота и политическая молодость обусловили расплывчатость в определении тех вопросов, которые на деле были коренными: какой должна быть государственность народов региона; в чем пределы автономного статуса, если таковой объявлялся целью; каковы основные принципы и модели достижения благосостояния и культурного прогресса? Практически не рассматривается вопрос о политическом партнерстве с демократическими силами в регионе и вне его, а переход на сторону советской власти и вступление в партию большевиков ряда национальных лидеров оценивается как вынужденный шаг, который, несмотря на существенный вклад в государственное строительство и этносоциальную модернизацию, обернулся тяжелыми потерями. Революция, утверждают узбекские историки, установила большевистский режим, продолжавший колониальную политику царизма во всех сферах жизни. Преобладают такие оценки политики большевиков: «великодержавно-шовинистическая, имперская», «самодовлеющий, недемократический, антинародный характер» системы их власти. Басмачество рассматривается как движение народных мстителей и заступников, борцов за освобождение родины от господства Москвы⁹.

Как пишет С. Агзамходжаев, созданная в июле 1917 г. партия тюркских федералистов активно заимствовала опыт азербайджанского Мусавата и под его влиянием выступала за национально-территориальную автономию для Туркестана, Казахстана и Башкирии; культурно-национальную — для татар Поволжья, Крыма и других тюркских народов России. Программа федералистов содержала общедемократические положения, которые вполне укладывались в ведущий тренд партийно-политических процессов в стране, предполагая и некий компромисс в отношении более консервативных сил улаμισов. Отражением приоритетов конфессиональной идентичности стало положение устава

⁹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Р. М. Абдуллаев и др. Ташкент, 2000. С. 75, 163, 242–243, 166.

о праве вступать в партию для каждого мусульманина, желающего служить целям партии, независимо от пола, убеждений и классовой принадлежности. Вряд ли можно говорить о социально-классовых различиях национально-политических организаций, поскольку главным препятствием для единства действий стали противоречия идейного порядка между сторонниками культурного прогресса путем отказа от устаревших догм, и консервативными силами внутри конфессионально единого социума¹⁰. Отсутствие современных кадровых ресурсов, финансовая и материально-техническая слабость, риски военно-политического поражения — все это сказалось на судьбе Туркестанской (Кокандской) автономии. В узбекской историографии она рассматривается как пример жертвенного героизма национальной элиты и коварства большевистской политики¹¹.

Узбекские и таджикские ученые, как правило, обходят стороной достаточно важный для их стран вопрос об этнической принадлежности лидеров этнополитических организаций, возникших в традиционных обществах. Фетишизация принципа самоопределения и современная идеология государственного строительства новых стран региона ограничивает возможности для размышлений о природе и значении культурной сложности этносоциальных организмов Центральной Азии. Таджикский историк лишь посетовал: «Почему-то одни и те же лидеры борются за национальный суверенитет таджиков (мнение ученых Таджикистана) и узбеков (мнение ученых Узбекистана). Хотя нигде и ни один из лидеров джадидов Бухары и Туркестана не разделяли население этих регионов на таджиков и узбеков»¹². Обозначенный как узбекский деятель А. Фитрат, к примеру, писал на таджикском языке, да и практически вся джадидская литература использовала именно его. Как заметил российский историк Р. Бобохонов, в постсоветской ситуации «узбеки их стали называть узбеками, поскольку они проживали преимущественно в тех регионах, которые сегодня входят в состав нынешнего Узбекистана. Таджики стали их называть своими героями, поскольку большинство из них говорили и писали на таджикском языке»¹³.

Действительно, искусственные попытки «приватизировать этничность» в современной историографии бывших союзных республик региона объективно

¹⁰ *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 159–165.

¹¹ *Агзамходжаев С.* Указ. соч.; Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром: сб. ст. [Электронный ресурс] // GreyLib: библиотека Хуршида Даврона: сайт. URL: <https://greylib.align.ru/503/turkestanskaya-avtonomiya-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2023).

¹² *Гафаров Н. У.* О некоторых теоретико-методологических аспектах исследования истории среднеазиатского джадидизма // История стран Центральной Азии: совместное видение методологических проблем: материалы Международ. научно-практ. конф. (19–21 ноября 2001 г.). Бишкек, 2002. С. 117–123.

¹³ *Бобохонов Р.* Джадидизм как школа модернизации ислама в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 05. С. 13–17. URL: <chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjpcglclefindmkaj/http://www.nauteh-journal.ru/files/c43d3936-622a-4a7b-9094-830c6c3d7dfd> (дата обращения: 23.11.2023).

препятствуют отказу от примордиалистической парадигмы, а также глубокому, основательному и корректному исследованию эволюции этносоциальных общностей в их структурной и культурной сложности. Трансформация этих общностей была резко ускорена в 1920-е гг., особенно благодаря национально-территориальному размежеванию и конструированию модерных наций в их советском облике.

Авторитарный характер политических систем с ярко выраженной персонификацией власти наряду с оригинальным историческим опытом государственности и межэтнических отношений в регионе продиктовал разнообразие в приоритетных направлениях новейшей историографии, где мобилизационный ресурс истории этнонациональных движений постепенно становится менее востребованным в сравнении с другими событиями прошлого в их актуализированном прочтении, с определенными отличиями и нюансировками. Характерно в этом отношении состояние туркменской историографии: сведения о ней крайне скудны, если не отсутствуют напрочь. Единственным примером глубокого и объективного исследования являются труды работавшего в России и других странах Ш. Х. Кадырова (1954–2016). Он дал блестящий анализ этносоциального развития туркмен, в том числе на рубеже XIX–XX вв., выделив основные тренды политической истории неконсолидированной в модерную целостность «нации» племен¹⁴.

В Киргизии интерес к данной проблематике ограничен самим фактом малочисленности и слабости этнополитических организованных сил. Джадидизм, или «филиал» движения «Алаш», рассматривается лишь в нескольких публикациях¹⁵. Как правило, подчеркивается отсутствие сепаратизма в программах всех структур, но проблемы их взаимоотношений, а также взаимодействия с общероссийскими партиями и мусульманским движением пока изучены явно недостаточно.

Общее состояние «исторической политики» и основных проблем казахстанской историографии в условиях «борьбы с колониальностью» более десяти лет назад дал А. В. Ремнев¹⁶. С тех пор обозначенные им направления «деколонизации» исторической памяти и общественного сознания в целом получили дальнейшее развитие, и этнополитическая история здесь занимает центральное место. Именно в Казахстане нациестроительство и даже ценность нынешней независимости напрямую связываются с историей возникшего в начале XX в. движения «Алаш», тогда как его сторонники были яркими и самыми последовательными приверженцами проекта автономии Казахской степи в составе федеративной России, а лидеры этого движения, признав поражение в борьбе на стороне антисоветских сил, в 1919 г. начали сотрудничество с большевиками.

¹⁴ Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003.

¹⁵ Курманов З. К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа: (1917–1927 гг.). Бишкек, 1997; Байдилдеев Ж. Кыргыз-казак интеллигенциясынын байланыштары (XX к. башы). Бишкек, 2015; Кубатова А. Э. Джадидизм в Кыргызстане: историческая ценность их наследия в прошлом и современности. Бишкек, 2020.

¹⁶ Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.

В ряду профессиональной историографии следует выделить работы К. Нурпеисова¹⁷ и М. Койгельдиева¹⁸, первыми в Казахстане предпринявшими попытку анализа историографии и истории движения «Алаш». По мнению К. Нурпеисова, национально-освободительное движение, каковым считается «Алаш», было мононациональным, за исключением южных областей, где наряду с казахами в восстании участвовали уйгуры, узбеки, киргизы, дунгане и представители некоторых других народов.

М. Койгельдиев оценивает «Алаш» как общенациональное движение демократической направленности, возникшее в ходе формирования казахской буржуазии и пробуждения национального самосознания, переросшее затем в партию. Достоинством публикаций автора является привлечение первоисточников из газеты «Казах» — органа «Алаш», работ лидеров движения, изданных на казахском языке с использованием арабской графики. Это позволило ему, в частности, вскрыть изъяны в опубликованных еще в 1920-е гг. документах «Алаш» и приблизиться к пониманию действительного положения дел. Тогда же появились работы, освещающие эпизоды начального этапа истории «Алаш», газеты «Казах» и др. Койгельдиев отстаивает этноцентризм движения «Алаш», резко негативно воспринимает любые попытки объективно оценить вклад казахобольшевиков в этносоциальную модернизацию и весь советский период истории и государственности Казахстана, использовать достижения и методологические наработки российской историографии. Национальные деятели начала XX в. наиболее зримо подкрепляют своими биографиями этнополитический романтизм и актуализированные признаки досоветской идентичности. Они активно используются для становления нового самосознания и патриотизма (номадизм, регионально-жузовая стратификация этноса, ислам)¹⁹.

При этом отстаивается тезис о единстве и сплоченности, высоком социально-профессиональном уровне национальной элиты, якобы успешно противостоявшей «зловредному» центру. На деле узкий круг вовлеченных во власть во время революции националов был далеко не монолитным в силу разного образования, политического опыта, религиозности, зависимости от жузовых (клановых), персональных и иных ориентиров, а также личных амбиций²⁰.

Внедренная в последнее десятилетие система подготовки научных кадров с формальными критериями оценки значимости их труда привела к резкому падению интереса к монографическим исследованиям и их публикации. Опубликованы документы, в том числе о процессах над алашординцами и материалы

¹⁷ *Нурпейісов К.* Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1995.

¹⁸ *Койгельдиев М.* Алаш. В путях догм // *Заря*. 1990. № 8. С. 4–6; № 9. С. 6–8.

¹⁹ *Кул-Мухаммед М.* Акпаев Жакып. Алматы, 1995; *Нурпеисов К.* Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // *Мысль*. 1998. № 2. С. 84–87; *Жугенбаева Г.* Мухамеджан Тынышпаев и правительство Колчака // *Мысль*. 1998. № 9. С. 83–88; *Мажитов Р.* Жаханша Досмухамедов. Алматы, 2007 и др.

²⁰ См., например: *Шац Э.* Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // *Казахстан и Россия: общества и государства*. М., 2004. С. 114–132.

их допросов²¹. На фоне включения в так называемую Болонскую систему это является способом реализации профессиональных интересов и пополнения источниковой базы, демонстрации результатов работы ученых. Впрочем, умножение числа издаваемых документальных сборников пока не привело к качественным изменениям в концептуальном и методологическом обновлении исследовательского ландшафта.

В последние годы освещение истории «Алаш» свелось к всевозможным общественно-политическим акциям наряду с продолжающимся вниманием филологов и других гуманитариев к общекультурному наследию видных участников движения. Как правило, к памятным датам и политическим решениям, к примеру о переходе на латиницу, приурочиваются и активизируются форумы и дискуссии о роли алашевцев в этнокультурном развитии общества. Мемориализация репрессированных в 1930-е гг. лидеров движения стала важнейшим фактором формирования этноидентичности, а их вклад в развитие литературы, языка, образования получает воплощение в многочисленных публикациях, монументальной пропаганде, визуальных произведениях. Созданные в начале прошлого века структуры иной идейно-политической направленности, в том числе быстро сошедшая со сцены моноэтническая «Уш жуз», фактически исчезли из историографического пространства.

Фетишизация «Алаш» имеет ярко выраженный символический смысл, сопровождаясь все большей мифологизацией, некритическим и плохо обеспеченным в соответствии с требованиями источниковедения и археографии бумом издания всевозможных документов, избирательным подходом к цитированию и освещению фактов политической истории движения и биографий его лидеров, прежде всего А. Букейханова. Это особенно зримо воплощают многочисленные публикации филолога по образованию, журналиста С. Аккулы, монополизировавшего право на трактовку и историописание «Алаш» на примере биографии Букейханова²². Впрочем, не столько историки, сколько именно филологи и философы стали задавать тон в подобной интерпретации наследия движения. Интернациональный характер его взглядов, борьба за межэтнический мир, вклад А. Букейханова, А. Байтурсынова и других лидеров движения в развитие межкультурного и политического взаимодействия казахских и русских демократов практически упускаются.

Таким образом, ныне сосуществуют два направления в освещении истории движения: более близкое к академическому и редко пополняемое серьезными работками, а также публицистическое, активно претендующее на монополию в интерпретации смысла и значения феномена «Алаш», использующее персонификацию как главный метод пропаганды взглядов его представителей. В определенной степени это отражает противоречивый характер государственной исторической

²¹ *Букейханов Ә.* Шығармалар. Алматы, 1994; Движение Алаш: сб. документов и материалов. Алматы, 2007; Движение Алаш: сб. материалов судебных процессов над алашевцами: в 3 т. Алматы, 2011.

²² *Аккулы С.* Алихан Букейхан: в 2 т. Астана, 2016.

политики, в которой лидеры движения выступают как национальные герои и жертвы репрессий, а их автономистские идеи вряд ли могут полноценно поддержать пафос утверждения независимости.

В то же время продолжает оставаться спорным вопрос о политической сущности «Алаш». В начале 1990-х гг. его определяли как партию буржуазно-националистическую, мелкобуржуазную, либерально-буржуазную, партию полуфеодалного байства и мелкобуржуазной интеллигенции, народно-демократическую, но в настоящее время обсуждение этой темы сошло на нет. Впрочем, в казахстанской историографии, согласно логике этноцентристской политики нового государства, «Алаш» рассматривается чаще как партия, которая консолидировала усилия казахского общества в отстаивании демократии и прогресса. Часто смешиваются сами понятия «Алаш» (название движения/партии) и «Алаш-Орда» (правительство провозглашенной автономии). Однако движение «Алаш» не успело оформиться в полноценную партию, провозгласив ее создание, но не приняв ни программы, ни устава. Созданные для участия в выборах в Учредительное собрание, казахские комитеты на местах были организационной основой движения «Алаш» и протопартийными структурами, которые почти сразу реформировались в отделения провозглашенной в декабре 1917 г. автономии с правительством «Алаш-Орда», расположившимся в Заречной слободе Семипалатинска. Более того, институциональное развитие движения «Алаш» в условиях гражданской войны, когда Алаш-Орда в сентябре 1918 г. выделила в своем составе Западное отделение с целью улучшения управляемости при наличии действующих на огромной территории разнонаправленных военно-политических сил и слабой связи между регионами, спровоцировало некоторых авторов к ошибочному переименованию самого автономного правительства в Восточное отделение²³. Это не подтверждается фактами и документами, поскольку такого отделения не было, тогда как сам историографический казус искусственно лишает автономистское движение единого центра и правительства.

Между тем представленная в различных источниках, которые сегодня вполне доступны исследователям, историческая реальность включала разные, нередко ожесточенно противостоявшие друг другу персонажи и структуры. Многочисленные документы, связанные с подчас противоположными сторонами, имеющие ведомственный, партийный, конфессиональный, личный и иной характер, явственно обнажают суть позиций и политических действий участников революции, разрывы и преемственность в социальной динамике революционной эпохи, протяженный во времени и инерционный характер многих важных процессов в экономике, государственном строительстве, социально-культурной сфере.

Значительно влияние западных авторов на историографию бывших советских республик. При этом доминируют идеи представителей так называемой тоталитарной школы, которая, несмотря на низкую научную продуктивность, оказалась

²³ Восточное отделение Правительства Алашорды: сб. документов / сост. Е. Б. Сыдыков и др. Семей, 2010.

удобна для «деколониального поворота», объяснения современных принципов и проблем развития новых государств. Основной тенденцией является механическое заимствование тех или иных концепций и методов, когда имена представителей и перечисление их предложений становятся частью вводного блока публикаций, а не инструментом познания. Особо популярным в историографическом плане стал ценностный подход, когда вместо аналитического переосмысления тех или иных сюжетов или персонажей их либо отвергают, подвергая анафеме, либо выстраивают реабилитационную апологию.

Организационные основы взаимодействия историков стран бывшего СССР не получили устойчивого и конструктивного воплощения, образовательное пространство подготовки научных кадров фрагментированно, научные связи зачастую сводятся к индивидуальным творческим инициативам, в том числе в рамках конференций, и сложившимся за долгие годы личным контактам.

Весьма популярными лексическими практиками, мало поддерживаемыми комплексным и корректным анализом, стали рассуждения о советском «колониализме», изначально «злой» природе империи и безусловно имперской сущности сталинской системы и СССР вообще. При этом преобладают эмоциональные оценки, обеспечивающие формирование в обществе односторонних и ограниченных представлений о сути этнонациональной политики, ее результатах и роли этноэлит, которые были не только жертвами центра и героическими защитниками своей культуры, но и быстро встраивались в состав советской номенклатуры. Персонификация исторических событий с назойливым противопоставлением национальных фигур так называемым европейцам, русскоязычным, некоренным деятелям отражает отчетливый этноцентристский тренд на примордиалистскую интерпретацию прошлого.

Заключение. Изучение истории этнополитических организаций конца XIX – начала XX в. в Центрально-Азиатском регионе, пережив всплеск интереса со стороны общества и ученых в 1990-е гг., по-прежнему остается частью историографического ландшафта стран Центральной Азии, но в настоящее время уступило первое место более актуальной тематике. Она различается в зависимости от той злободневной повестки, которая диктуется текущими внутри- и внешнеполитическими особенностями нациестроительства в каждой стране. Как и ранее, акцентируется внимание на демократическом и освободительном характере движений/партий, биографиях лидеров как национальных героев и жертв имперского/советского режимов. Сохраняет свое значение и мобилизованный лингвизм, играющий неоднозначную роль не только в политике, но и в историографии и источниковедении.

Новая мифология прошлого активно использует устаревшие дискурсы тоталитарной школы историографии. Автономизм как главный программный тезис этнополитических акторов недавнего прошлого оказывается «неудобным» для демонстрации непрерывной истории борьбы за независимость, порождая противоречия в исторической литературе. Общероссийские партии

почти не входят в поле исследований, за исключением описания примеров их кратковременных альянсов и главным образом конфликтов с национальными. В каждой из стран региона имеются определенные различия в интерпретации истории этнополитических движений и партий. Оставаясь в рамках нарративов либерализма, марксизма, колониализма и модернизации, историография не освобождается от универсалистского европоцентризма, жесткого противопоставления Запада и Востока, «цивилизованности» и «дикости» как маркеров оценки собственной истории и позиционирования в международном научном пространстве.

Важной чертой новейшей историографии стала своеобразная географическая «приватизация», когда бывшие советские историки, разделенные новыми государственными барьерами, соответственно с ними ограничили и регион исследования. Новое поколение историков нередко игнорирует ценную часть советской научной литературы как априори негодной и имперско-колониалистской, историческая реальность СССР существенно обедняется и усечена в пределах допустимой негативной оценки.

В то же время произошло заметное изменение источниковой базы исследований: выросли масштабы привлечения документов из местных архивов, региональных изданий и периодики, прежде всего на национальных языках. Это позволило ввести в научный оборот документы, «изнутри» представлявшие ход событий, локально-региональную специфику, настроения местных активистов общественно-политического процесса и масс. Кроме того, становилось более полифоничным, объемным, разноплановым восприятие уже известных фактов и явлений, они дополнялись новыми нюансами, менялись акценты интерпретации в локальном контексте. Это обогатило конкретно-историческую картину, но ограничило политическую и ментальную географию, а также возможности компаративного подхода.

Конструктивное начало связано с появлением некоторых междисциплинарных исследований, ростом внимания к истории национальной интеллигенции как ядра политических конструкций. Актуальной темой дискуссий является проблема преемственности или разрывов российско-советской истории и вопрос о преемственности или отличиях имперского и советского периодов, о степени их «колониальности» и о «постколониальных» проблемах советского пространства²⁴.

Анализ наследия этнополитических движений и партий может быть плодотворным, если он будет совмещать публикацию разнообразных источников с их качественной аналитикой и расширением контекста, выходом за рамки этноцентристских нарративов, использованием сравнительного подхода

²⁴ Алимova Д. О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы. Ташкент, 2004. С. 73–84; *Ee же*. Современные парадигмы и некоторые «болезни роста» исторической науки // *Shygy's/Orient*. 2005. № 2. С. 3.

в географических границах бывшего СССР и за их пределами, акцентированным переходом к проблематизации с использованием собственного языка самоописания.

Литература

1. Абдуллаев К. Н. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. 571 с.
2. Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 282 с.
3. Абылгазина А. Казахские комитеты в 1917 году // Мысль. 1998. № 3. С. 84–87.
4. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.
5. Айтенова Б. К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 22 с.
6. Аккулы С. Алихан Букейхан: в 2 т. Астана: Алаш, 2016.
7. Алимова Д. Современные парадигмы и некоторые «болезни роста» исторической науки // Shygys/Orient. 2005. № 2. С. 3–10.
8. Алимова Д. А. О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы. Ташкент, 2004. С. 73–84.
9. Байдилдеев Ж. Кыргыз-казак интеллигенциясынын байланыштары (XX к. башы). Бишкек: Максспринт, 2015. 172 б. (На кирг. яз.).
10. Бөкейханов Э. Шығармалар. Алматы: Қазақстан, 1994. 384 б. (На казах. яз.).
11. Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2014. 46 с.
12. Жугенбаева Г. Мухамеджан Тынышпаев и правительство Колчака // Мысль. 1998. № 9. С. 83–88.
13. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) / отв. ред.: Д. Алимова, И. Багирова. Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.
14. Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М.: [Б. и.], 2003. 363 с.
15. Койгельдиев М. Алаш. В путях догм // Заря. 1990. № 8. С. 4–6; № 9. С. 6–8.
16. Кубатова А. Э. Джадидизм в Кыргызстане: историческая ценность их наследия в прошлом и современности. Бишкек, 2020. 24 с. (Университет Центральной Азии. Высшая школа развития. Отдел культурного наследия и гуманитарных наук. Научный доклад № 6).
17. Кул-Мухаммед М. Акпаев Жакып. Патриот. Политик. Правовед: политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы: Атамұра, 1995. 240 с.
18. Курманов З. К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа: (1917–1927 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 1997. 48 с.
19. Мажитов Р. Жаканша Досмухамедов. Алматы: Арыс, 2007. 216 с.
20. Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве / В. А. Шнирельман [и др.]; Ин-т им. Георга Эккерта по междунар. исслед. школьных учебников. Berlin: Logos, 2010. 142 с.

21. Национализм в мировой истории / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.
22. Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. Алматы: Ататек, 1995. 256 б. (На казах. яз.).
23. Нурпейсов К. Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // Мысль. 1998. № 2. С. 84–87.
24. Полвонов Н. История социальных движений и политических партий Хорезма (1900–1924). Ташкент: Akademnashr, 2011. 120 с.
25. Саламов Ш. Н. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Дашнаки от Ферганы до Карабаха. Ташкент: Янги аср авлоди, 2015. 304 с.
26. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости: [монография / Р. М. Абдуллаев и др.; науч. ред. Р. Я. Раджапова]; Акад. наук Респ. Узбекистан. Ин-т истории. Ташкент: Шарк, 2000. 672 с.
27. Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока. 1990. № 7. С. 105–120.
28. Шац Э. Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 2004. С. 114–132.
29. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 591 с.

References

1. Abdullaev K. N. Ot Sin'tsziania do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe: Irfon, 2009. 571 p. (In Russ.).
2. Abdullaev R. Natsional'nye politicheskie organizatsii Turkestana v 1917–1918 gody [National political organizations of Turkestan in 1917–1918]. Tashkent: Adabiyot uchqunlari, 2016. 282 p. (In Russ.).
3. Abylgazina A. Kazakhskie komitety v 1917 godu [Kazakh committees in 1917] // Mysl'. 1998. № 3. P. 84–87. (In Russ.).
4. Agzamkhodzhaev S. Istoriia Turkestanskoi avtonomii (Turkiston Mukhtoriati) [The history of Turkestan autonomy (Turkiston Mukhtoriyati)]. Tashkent: Toshkent islom universiteti, 2006. 268 p. (In Russ.).
5. Aitenova B. K. Sovremennaia istoriografiia Kazakhstana o problemakh rossiiskoi kolonizatsii i natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v kazakhskoi stepi [Modern historiography of Kazakhstan on the problems of Russian colonization and the national liberation movement in the Kazakh steppe]: dissertation abstract for Candidate of Historical Sciences degree. Omsk, 2007. 22 p. (In Russ.).
6. Akkuly S. Alikhan Bukeikhan [Alikhan Bukeikhan]: v 2 t. Astana: Alash, 2016. (In Russ.).
7. Alimova D. Sovremennye paradigmy i nekotorye «bolezni rosta» istoricheskoi nauki [Modern paradigms and some “growth diseases” of historical science] // Shygys/Orient. 2005. № 2. P. 3–10. (In Russ.).
8. Alimova D. A. O nekotorykh «bolezniakh rosta» v izuchenii istorii Uzbekistana // Novaia istoriia Tsentral'noi Azii. Pereotsenka istorii, sovremennye problemy i podkhody. Tashkent, 2004. P. 73–84. (In Russ.).

9. Baidildeev Zh. Kyrgyz-kazak intelligentsiiasynyn bailanyshтары (XX k. bashy) [Relations of the Kyrgyz-Kazakh intelligentsia (early XXth century)]. Bishkek: Maksprint, 2015. 172 p. (In Kyrgyz).
10. Bokeikhanov A. Shugarmalar [Essays]. Almaty: Kazakhstan, 1994. 384 p. (In Kazakh).
11. Gafarov N. U. Dzhadidizm v Srednei Azii v kontse XIX – nachale XX v.: dissertation abstract for Doctor of Historical Sciences degree. Dushanbe, 2014. 46 p. (In Russ.).
12. Zhugenbaeva G. Mukhamedzhan Tynyshpaev i pravitel'stvo Kolchaka // Mysl'. 1998. № 9. P. 83–88. (In Russ.).
13. Istoriia obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva na Kavkaze i v Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XX veka) [The history of socio-cultural reform in the Caucasus and Central Asia (XIX-early XX century)] / otv. red.: D. Alimova, I. Bagirova. Samarkand: MITsAI, 2012. 335 p. (In Russ.).
14. Kadyrov Sh. «Natsiia» plemen: etnicheskie istoki, transformatsiia, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane [A “nation” of tribes. Ethnic origins, transformation, prospects of statehood in Turkmenistan]. Moscow: [B. i.], 2003. 363 p. (In Russ.).
15. Koigel'diev M. Alash. V putakh dogm [Alash. In the fetters of dogmas] // Zaria. 1990. № 8. P. 4–6; № 9. P. 6–8. (In Russ.).
16. Kubatova A. E. Dzhadidizm v Kyrgyzstane: istoricheskaiia tsennost' ikh naslediiia v proshlom i sovremennosti [Jadidism in Kyrgyzstan: the historical value of their heritage in the past and present]. Bishkek, 2020. 24 p. (Universitet Tsentral'noi Azii. Vysshaia shkola razvitiia. Otdel kul'turnogo naslediiia i gumanitarnykh nauk. Nauchnyi doklad № 6). (In Russ.).
17. Kul-Mukhammed M. Akpaev Zhakyp. Patriot. Politik. Pravoved: politiko-pravovye vzgliady Zh. Akpaeva [Akbaev Zhakyp. Patriot. Politician. Jurist: political and legal views of J. Akbaeva]. Almaty: Atamyra, 1995. 240 p. (In Russ.).
18. Kurmanov Z. K. Bor'ba politicheskikh elit Kyrgyzstana v period vozrozhdeniia natsional'noi gosudarstvennosti kyrgyzskogo naroda: (1917–1927 gg.): dissertation abstract for Doctor of Historical Sciences degree. Bishkek, 1997. 48 p. (In Russ.).
19. Mazhitov R. Zhakhansha Dosmukhamedov [Zhakhansha Dosmukhamedov]. Almaty: Arys, 2007. 216 p. (In Russ.).
20. Mnogolikaia Klio: boi za istoriiu na postsovetском prostranstve [The many-faced Clio: the battles for history in the post-Soviet space] / V. A. Shnirel'man [i dr.]; In-t im. Georga Ekkerta po mezhdunar. issled. shkol'nykh uchebnikov. Berlin: Logos, 2010. 142 p. (In Russ.).
21. Natsionalizm v mirovoi istorii [Nationalism in world history] / Rossiiskaia akad. nauk, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia; pod red. V. A. Tishkova, V. A. Shnirel'mana. Moscow: Nauka, 2007. 601 p. (In Russ.).
22. Nurpeisov K. Alash kham Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek, 1995. 256 p. (In Kazakh).
23. Nurpeisov K. Khalel Dosmukhamedov: gosudarstvennyi deiatel', uchenyi-entsiklopedist, pedagog [Khalel Dosmukhamedov: statesman, encyclopedic scientist, teacher] // Mysl'. 1998. № 2. P. 84–87. (In Russ.).
24. Polvonov N. Istoriia sotsial'nykh dvizhenii i politicheskikh partii Khorezma (1900–1924) [History of social movements and political parties of Khorezm (1900–1924)]. Tashkent: Akademnashr, 2011. 120 p. (In Russ.).
25. Salamov Sh. N. Turkestan i Iuzhnyi Kavkaz XIX–XX vv. Dashnaki ot Fergany do Karabakha [Turkestan and the South Caucasus of the XIX–XX centuries. Dashnaks from Fergana to Karabakh]. Tashkent: Iangi asr avlodi, 2015. 304 p. (In Russ.).

26. Turkestan v nachale XX veka: k istorii istokov natsional'noi nezavisimosti [Turkestan at the beginning of the XX century: towards the history of the origins of national independence]: [monografiia / R. M. Abdullaev i dr.; nauch. red. R. Ia. Radzhapova]; Akad. nauk Resp. Uzbekistan. In-t istorii. Tashkent: Shark, 2000. 672 p. (In Russ.).

27. Khasanov M. Al'ternativa. Iz istorii Kokandskoi avtonomii [An alternative. From the history of Kokand autonomy] // Zvezda Vostoka. 1990. № 7. P. 105–120. (In Russ.).

28. Shats E. Rol' gosudarstva v ustoichivosti rodovykh svyazei v Kazakhstane [The role of the state in the stability of family ties in Kazakhstan] // Kazakhstan i Rossiia: obshchestva i gosudarstva. Moscow: Prava cheloveka, 2004. P. 114–132. (In Russ.).

29. Shnirel'man V. A. Voiny pamiaty: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga, 2003. 591 p. (In Russ.).

УДК 947.9; 63.3

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.07

Шаповал Виктор Васильевич

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
shapovalvv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-7615-4389

РЕПЕРТУАРНЫЙ КОНТРОЛЬ ПРЕДВОЕННОЙ РОМСКОЙ ЭСТРАДЫ: ОТ ЭСТЕТИЧЕСКИХ К ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ КРИТЕРИЯМ

Аннотация. Простая аббревиатура «Главрепертком» скрывает ряд переименований организации, которая подчинялась разным структурам в Наркомпросе. Главрепертком особое внимание уделял эстетическому аспекту произведений культуры в связи с политическими задачами текущего момента. Это было важно в стране с умеренным уровнем грамотности. Песня, звучавшая с эстрады, на радио или из патефона, в то время имела несравненно большую аудиторию, чем национальная книга. Сохранившиеся досье свидетельствуют о четко отлаженном механизме контроля за эстрадным и сценическим репертуаром. Этот механизм (неупорядоченный вплоть до начала 1920-х гг.) к началу первой пятилетки уже сложился. Решение Главреперткома обычно действовало один год. Главрепертком часто требовал представить ромские тексты эстрадных песен с переводом, эти ценные источники плохо сохранились. Цыганский хор тогда оставался рентабельным предприятием. Новое время требовало новых индустриальных сюжетов. Однако низкопробная ресторанный цыганщина была под запретом. Разрешение Главлита на публикацию текста рассматривалось обычно как достаточный прецедент для его публичного исполнения. Система контроля развивалась от преобладания эстетических критериев к доминированию более понятных политических и идеологических критериев. В 1939 г. даже жанр романса подвергся официальной реабилитации.

Ключевые слова: Главрепертком, эстетическая оценка, аудитория массовой песни, формат разрешения на публичное исполнение, вкусы, политическая целесообразность.

UDC 947.9; 63.3

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.07

Shapoval Viktor V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

shapovalvv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-7615-4389

**REPERTOIRE CONTROL OF PRE-WAR ROMA POP:
FROM AESTHETIC TO IDEOLOGICAL CRITERIA**

Abstract. The simple abbreviation Glavrepertkom hides a number of renamings of the organization, which was subordinate to various structures in the People's Commissariat for Education. The Glavrepertkom paid special attention to the aesthetic aspect of cultural products in connection with the political tasks of the current moment. This was important in a country with a moderate literacy rate. The song, performed from the stage, on the radio or on the gramophone, at that time had an incomparably larger audience than the book in a national language. The saved dossiers testify to a well-established mechanism for controlling the variety and stage repertoire. This mechanism (disordered until the early 1920s) had already taken shape by the beginning of the first five-year plan. The decision of the Glavrepertkom was usually valid for one year. The repertoire committee often demanded that Roma pop songs be presented with translation; these valuable sources were poorly preserved. The Roma choir then remained a profitable enterprise. New times demanded new industrial plots. However, low-class restaurant gypsyism was banned. Glavlit's permission to publish the text was usually regarded as a sufficient precedent for its public execution from the stage. The system of control evolved from the predominance of aesthetic criteria to the dominance of more understandable political and ideological criteria. In 1939, even romance as a classical music genre was officially rehabilitated.

Keywords: Glavrepertkom, aesthetic criteria, mass song audience, format of the public performance permission, tastes, political expediency.

Введение. После изучения порядка прохождения цензурного контроля изданиями на ромском языке¹ мы можем обратиться к смежному, но более сложному и деликатному объекту исследования. Основных трудностей изучения существовавшего порядка репертуарного контроля две.

Во-первых, за простой аббревиатурой «Главрепертком» (ГРК) скрывается ряд последовательно сменявших друг друга организаций сходного назначения, подчинявшихся и переподчинявшихся разным структурам в Наркомпросе. Если охарактеризовать органы надзора такого рода, не вдаваясь в детали, то в интересующий нас период 1927–1938 гг. Главлит находился в структуре Наркомпроса РСФСР, а в его составе был Главный комитет по контролю за репертуаром²,

¹ Шановал В. В. К истории цензурного контроля ромских изданий в СССР (1927–1938) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1 (45). С. 91–100.

² Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1927. С. 93.

переименованный позднее в Главный репертуарный комитет (Главрепертком)³, а потом переподчиненный Главному управлению по делам художественной литературы и искусства⁴, в свою очередь, переименованному в Совет по делам искусства и литературы⁵, а затем в Сектор искусства⁶. К 1936 г. в процессе совершенствования управленческой структуры Главлит стал Управлением по делам литературы и издательств, а Главрепертком также равным ему по уровню подчинения Управлением по контролю за зрелищами и репертуаром⁷. По причине многочисленных переименований и реструктуризаций проще говорить об этих учреждениях, используя сокращения «Главлит» и «Главрепертком». Этот объект исследования актуален не только для истории российской культуры, поскольку практика контроля в советский период распространялась и на соседние страны⁸.

По этой же причине далеко не всегда понятно, где искать инструкции и другие нормативные документы. В самом общем виде можно указать на важное различие. Главлит имел две основные задачи: препятствовать циркуляции закрытой информации; контролировать политическое и идеологическое содержание произведений искусства⁹. Главрепертком к этому добавлял эстетический аспект. При анализе практики выдачи разрешений больше приходится опираться на конкретные архивные дела. Во-вторых, живое песенное слово, звучавшее с эстрады, на радио или из патефона, в то время имело несравненно большую аудиторию, чем национальная книга. Последняя при стандартном тираже 1000 или 500 экземпляров¹⁰, да еще и напечатанном очередной новой азбукой, для многих языков была экзотичной и зачастую требовала толмача-комсомольца. Для книг на многих новых литературных языках читатель еще не вполне сформировался¹¹, а массовый зритель уже был, так что хорошая песня доходила до широкой аудитории сразу и с готовностью ею же подхватывалась. Последним обстоятельством обусловлено было исключительное внимание к политической ясности песенных и драматических текстов. Сохранившиеся папки с делами свидетельствуют о четко отлаженном механизме контроля за эстрадным и сценическим репертуаром.

³ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1928. С. 117.

⁴ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1929. С. 101.

⁵ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1930. С. 64.

⁶ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1931. С. 58.

⁷ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1936. С. 43.

⁸ *Славова П.* БТА под контрола на Главлит (1952–1956) // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет.* 2005–2006. Т. 98–99. Suppl. 1. Докторантски четения – март ’2006. София, 2011. С. 134–145; *Kamińska-Chełminiak K.* Polish censorship during the late Stalinist period // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2021. № 66 (1). P. 245–259; *Streikus A.* Political censorship in the Soviet West. A comparison of the Lithuanian and Latvian cases // *Cahiers du monde russe.* 2019. № 60 (4). P. 737–762.

⁹ *Sherry S.* Notes from Glavlit: the autobiographical writing of former Soviet censors // *The Slavonic and East European Review.* 2018. № 96 (4). P. 672.

¹⁰ *Shapoval V. V.* The books to the illiterate? Romani publishing activities in the Soviet Union, 1927–1938 // *Social Inclusion.* 2020. Т. 8. № 2. P. 354.

¹¹ *Шановал В. В.* Создание нового ромского читателя в СССР (1927–1938): противоречивые подходы // *Journal of Ethnology and Culturology.* 2020. Т. 28. С. 30–38.

Ход и результаты исследования. Если печатная литература у цыган появилась в СССР только в 1927 г., то их сценическое искусство давно и прочно заняло свое особое место в досуговом сегменте массовой культуры: пение, музыка и танцы были широко известны и популярны по крайней мере с конца XVIII в. Практика репертуарного контроля (довольно неупорядоченная вплоть до начала нэпа¹²) к этому времени уже сложилась.

Контролировался ряд аспектов: качество музыки, ее этническая аутентичность, политическое содержание текста и сценического действия, созвучие актуальным директивным тенденциям. Решение ГРК обычно действовало один год, в стандартном штампе были типографски набранные формулы «разрешается к исполнению» (кому, какому коллективу), «кроме вычеркнутого» (шли запрещенные номера из прилагаемого списка) и вписанная от руки дата окончания срока разрешения, например: «по 1 янв. 1940 г.»¹³, как указано в разрешении цыганскому ансамблю Ленгосэстрады, выданном в Москве. Эстрадные, песенные и драматические тексты на ромском языке фактически имели особый порядок контроля. Вероятно, это было прямо связано с экстерриториальностью самого цыганского языка как языка народа, так и не получившего формальной автономии. (Прерванная инициатива по созданию национального сельского совета обсуждалась в середине 1930-х гг.)

Главрепертком достаточно регулярно требовал представить ромские тексты эстрадных песен с переводом. Пусть и в неидеальной перепечатке на машинке, они могут быть ценными, хотя и редкими, труднодоступными источниками¹⁴.

Цыганский хор тогда был надежно прибыльным предприятием. Например, московский коллектив из парка имени III Интернационала (бывшего Петровского) под руководством Егора Алексеевича Полякова (1871–1931) за три дня в Нижнем Новгороде (19–21 июля 1929 г.) имел валовый сбор 2355,58 руб. (при средней зарплате в СССР в то время 75 руб.) За два-три месяца хор успевал объехать десятки городов, тратя на переезд и репетицию на новой сцене два дня и не задерживаясь на одном месте более восьми дней. При этом руководителю хора начислен гонорар в размере 70,65 руб.¹⁵

Цыганская песня находилась под пристальным контролем. Старые сюжеты о простых человеческих драмах приходилось увязывать с социалистическим

¹² Richmond S. «The conditions of the contemporary»: the censors and censoring of Soviet theater, 1923–1927 // Russian History. Spring 2000 / Printemps 2000. Vol. 27. № 1. P. 1.

¹³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4758. Л. 14.

¹⁴ Шаповал В. В. К оценке архивных материалов по цыганскому языку XX века // Лингвистические разыскания: сб. научных докладов I и II международной научно-практической конференции «Добродомовские чтения: язык – история – культура», г. Москва, 14–15 ноября 2019 г., 19 ноября 2020 г. / под общ. ред. А. В. Григорьева [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2022. С. 103–111. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50022562_28697030.pdf

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 2. Ед. хр. 491. Л. 5.

строительством. А. Д. Николаев-Шевырев (1895–1942) меняет цыганский текст: «Чем ты Гриша счастлив. — Был кочевым, стал рабочим...»¹⁶. При этом большинство зрителей помнило мелодию, но не понимало новых слов, как и старых: «Талярэнца ту сан барвало / Золотыми ты богат»¹⁷. Концерт начинался лекцией, в которой пресловутое воровство, прежде трактовавшееся как простительная реакция на гнет царизма, совсем удалено уполномоченным ГРК¹⁸.

Дополнительное внимание ромский репертуар заслуживал как по причине неофициальной популярности в народе темы человеческих чувств на фоне аскетического репертуара агитпропа, так и ввиду официальных гонений на ресторанный цыганщину, спорадически обострившихся. Таким образом, традиционный репертуар проходил через Главлит регулярно, каждый год и даже чаще.

Произведения разных народов оценивались одним уполномоченным на основе русских переводов/пересказов и отзывов политического редактора. Например, А. Т. Аверченко давал разрешение на грампластинку абхазской музыки¹⁹ и практически в то же время был политредактором пьесы для студии «Ромэн».

В конце 1930 г. оргкомитет театра «Индо-Ромэн» дал объявление в «Вечерней Москве» о том, «что 25/ХІІ начинаются приемные испытания в студию театра ИНДО-РОМЭН»²⁰. Через год студия получила статус профессионального театра после успешной премьеры пьесы «Жизнь на колесах», написанной А. В. Германо (1893–1955)²¹.

Положительный отзыв на пьесу Аверченко от 15 декабря 1930 г. содержал ряд тонких замечаний, например: «4... при трактовке кулака Вангара уменьшить элементы обреченности и лирики»²². Кроме того, политредактор следил за злободневностью упоминаемых политических тем и персон, а также соответствием «условиям современности»²³.

На практике часто работал принцип прецедентности и учитывалось положительное решение Главлита: «В Главлите известны эти названия и допущены к печати и исполнению»²⁴. Поэтический сборник Евдокии Орловой²⁵ и др. прямо упоминается в мотивировке разрешения к исполнению отдельных текстов.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4758. Л. 11.

¹⁷ Песни московских цыган XIX века: для солиста и хора с сопровожд. гитары и без сопровожд.: с предисл. / запись и сост. Н. Кручинина (Хлебникова); общ. ред. Н. Иванова. М., 1961. С. 11.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4758. Л. 2, 16.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 4034. Л. 14.

²⁰ Оргкомитет театра Индо-Ромэн (объявление) // Вечерняя Москва. 1930. 20 декабря. № 296 (2110). С. 4.

²¹ *Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani literature: the case of Alexander Germano // Romani Studies. 2020. № 30 (2). P. 20.*

²² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 754. Л. 4.

²³ *Richmond S. Op. cit. P. 1–56.*

²⁴ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 4034. Л. 3 об.

²⁵ *Орлова Е. И. Прэ фэлда мурдэна яга [На полях гаснут огни]. М.; Л., 1933.*

Однако и печатное слово не было окончательным приговором. Так, один из авторов цыганского перевода «Интернационала» М. Безлюдский (1901–1977), критикуя репертуар этнографической студии Н. Н. Кручинина (1885–1962), прямо называет кулацкой песню «Роцца»²⁶. Последнее безосновательно. Подвергся атаке М. Безлюдского за кабацкий репертуар²⁷ и В. Н. Всеволодский-Гернгросс (1882–1962), директор Этнографического театра в Ленинграде²⁸. Вероятно, эта критика на мало кому понятном языке никак не перевешивала прямую выгоду от популярного театра, цена мест в котором в 1930 г. доходила до полутора рублей. Иногда даже скандальный пропуск главного лозунга с призывом к единению пролетариев всех стран приводил лишь к мягким санкциям в виде задержки выпуска тиража в продажу²⁹.

Не был абсолютным и запрет ГРК: через год он мог и не возобновиться. Сам автор не мог представить свое произведение в Главрепертком по своей инициативе. От его лица выступало управление театров или эстрады, издательство или другой официальный орган.

Рассмотрим более подробно, как контролировался репертуар коллективов под руководством Е. И. Орловой. 10 марта 1935 г. «Цыганский Этнографический Ансамбль под руководством Орловой Е.» подает на контроль «репертуар цыганского этнографического ансамбля № 19», «сформированный ЦЭНТРОКЭБ”ом на гастроль». ЦЭНТРОКЭБ — Центральное концертно-эстрадное бюро Государственного объединения музыки, эстрады и цирка. В тот же день была наложена резолюция: «Без просмотра нотного материала и переводов с цыганского на русский язык и прослушивания хора репертуар разрешить нельзя». После концерта в Главреперткоме разрешение было получено на 26 позиций из 30 (не прошли: «19. Чирикло. Птица. Плясовая. 20. Гудицы. Гудочки. Плясовая. 28. Васильки. 29. Канареичка»)³⁰. Запрет не мотивировался. Предположительно, васильки и канареичка ассоциировались с мещанством.

Судя по списку, озаглавленному «Репертуар цыганского ансамбля под руководством Е. И. ОРЛОВОЙ. Таборные песни из пьесы “Ново-дром” (правильно: *нэво дром* ‘новый путь’. — В. Ш.), авт<ор> Е. И. Орлова», «Главное Управление по контролю за зрелищами и репертуаром при Н.К.П. Р.С.Ф.С.Р.» разрешило к исполнению «репертуар Этнографического ансамбля н/р Е. И. Орловой в пределах РСФСР, сроком по 1 сентябрь 1937 г. Твердый текст в количестве стр. 1 зарегистрирован в Главном Управлении за № 89 27/III 1937 г.»³¹ (здесь и далее курсивом выделено вписанное в штамп от руки. — В. Ш.).

²⁶ Б. Мих. Бутыр классово придыкхибэн прэ театральна фронто [Больше классовой бдительности на театральном фронте] // Нэво дром [Новый путь]. 1932. № 5. С. 11.

²⁷ Там же. С. 10–11.

²⁸ Roma portraits in history: Roma civic emancipation elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th century until World War II / E. Marushiakova, V. Popov (eds.). Paderborn, 2021. P. 459.

²⁹ Шаповал В. В. Первый советский журнал на ромском языке: к проблеме датировки выпуска // Journal of Ethnology and Culturology. 2019. Т. 26. С. 72–77.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 2. Ед. хр. 1102. Л. 1.

³¹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4759. Л. 34 об.

Помимо этого, за пять месяцев дополнительно было получено несколько разрешений в некоторых российских регионах на том же листе: «*Разрешается к постановке до 13/IV-37 г.* Тамбов. ГОРЛИТ *Подпись ... 11/IV 1937 г.*» — это только три дня, 13-е — день отдыха по тогдашней шестидневке.

«Зарегистрировано в Азово-Черноморском Краевом Управлении по контролю за зрелищами и репертуаром за № (номер отсутствует. — *В. Ш.*). *Начальник А.-Ч. Крайреперконтроля [Подпись]. 15» VI 1937 г.*».

Штамп (с разбивкой на строки): «Н.К.П. (Наркомпрос. — *В. Ш.*) | Уполномоченный Азово-Черном. Краевого | Управлении по контролю за зрелищами | и репертуаром | РАЗРЕШАЕТСЯ к *исполнению* кроме зачеркнутого (отсутствует. — *В. Ш.*) | Сроком по с 21 по 25 июня в тр (театрах? — *В. Ш.*) Литер ___ (литер не указан; мог быть А (без ограничений), Б (без разрешения на грамзапись) и т. д. — *В. Ш.*) | Уполн. КрайКЗР [Подпись] 21/VI 1937 г. Краснодар № ___ (отсутствует. — *В. Ш.*)»³². Здесь разрешение дано на пять дней, 25-е — день отдыха по шестидневке.

Исходя из приведенных выше примеров, возникает предположение: коль скоро месяцами на гастролях ансамбль не мог терять время, очевидно, что в одних регионах общероссийского штампа было достаточно, а в других требовалось его подтверждение в местных структурах той же направленности.

В середине лета 1937 г. ансамбль Орловой прибывает на гастроли в Смоленск. Управление по контролю за зрелищами и репертуаром «“15” июля 1937 г.» разрешило «к исполнению до 24/VII/ 37» все песни без исключений (31 название). Этому мог способствовать как предшествующий опыт самоцензуры, так и отзыв местного авторитетного партийца, добавленный пером в конце машинописного перечня песен (цитируется с разбивкой на строки и с сохранением авторской орфографии): «*Просмотрел репертуар на цыганском языке | цыганского ансамбля под руководством Е. И. Орловой | считаю, указанные народные цыганские песни | вполне могут использоваться. | Инструктор облисполкома | по работе среди наименьшинств (строка вписана позже. — В. Ш.) | Герасимов (цыган) | 14/VII 37 г.*»³³. Как можно видеть, разрешение выдано на девять гастрольных дней, из них 18 и 24 июля пришлись на фиксированные дни отдыха применявшейся тогда шестидневки, что позволяло давать и дневные концерты. Фамилия Герасимов хорошо известна в контексте советской работы среди цыган.

9 ноября 1934 г. Илья Яковлевич Герасимов, с 1928 г. председатель цыганского колхоза имени Конституции в с. Александровском, а теперь уже курсант Высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК «имени т. Киселева А. С.» (1879–1937) в письме М. И. Калинину поставил вопрос «в разрезе выделения спец. цыганской территории в виде района и издание газеты на цыганском языке»³⁴. Его предложение в письме Сталину горячо

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ *Marushiakova-Popova E. A., Popov V. Roma voices in history: a source book: Roma emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th century until the Second World War. Brill, Deutschland, 2021. P. 845.*

поддержал брат Трофим Герасимов³⁵, инженер и автор книги на цыганском языке по кузнечному делу³⁶. В 1936 г. И. Я. Герасимов в «Известиях»³⁷ ставил вопрос о «цыганском национальном районе»³⁸. Западное областное управление по делам искусств, или (по другому штампу там же) Управление по контролю за зрелищами и репертуаром, прислушалось к этой рекомендации.

Далее путь ансамбля лежал в Среднюю Азию: судя по штампу на узбекском языке тогдашней латиницей (*tuxsat beriladir* ‘может быть разрешено’), уже 19 июля представитель ансамбля получил разрешение в Ташкенте на концерты с 7 по 30 августа 1937 г. В Таджикистане разрешение на 5 и 6 августа было оформлено 5 августа 1937 г.³⁹ По пути на завершающую часть тура в Узбекистан ансамбль имел дополнительно еще два дня гастрольных выступлений.

По-видимому, перестраховки с контролем 1937 г. вскоре закончились. Уже на следующий год была восстановлена прежняя практика выдачи годовых разрешений. Так, 9 февраля 1938 г. Ленинградский ансамбль цыган под управлением Г. Д. Магарского (Местиева) получает разрешение «к исполнению сроком до 1-го января 1939 года», что позволяло отыграть новогодние праздники. Машинописный экземпляр репертуара, состоящего из 90 позиций и напечатанного на одном листе с двух сторон в два столбца, имеет обычную разметку красным карандашом (птички напротив допущенных номеров) и завершается резолюцией: «*Репертуар в количестве 66 вещей | (за исключением №№ 2, 4, 9, 15, 27, 28, | 30, 31, 32, 38, 53, 56, 57, 61, 64, 67, 69, 71, 73, 74, 80, 83, 88 и 89) разрешить*»⁴⁰. Примечательно, что вызвали возражение в основном песни, заподозренные в принадлежности к кабацкой цыганщине («14. Фонарики-сударики... 27. Кирки ‘табак’») и «за-раженные» социальным пессимизмом («4. Увяли цветы... 9. Я помню все... 56. Прощай, мой мальчик. 57. В непогоду... 61. Все как прежде ‘о старости гитариста’... 64. Караван ‘и вдаль идёт усталый караван’»). На фоне этих исключений не вполне понятен запрет марша ударников (шахтеров) с текстом, который можно счесть эталоном политграмоты: «О-скалы пхагирла ударно буты... Ромалэ-лэ, кэ ёй сарэ авэн...» ‘Скалы ломит ударная работа... Цыгане, к ней все идём’. Далее идет призыв трудиться по слову Ильича, бороться с пережитками за новое будущее, чтобы и цыган считали достойными людьми. Причина была в авторстве оригинала. Текст марша венгерских шахтеров написал тесть виднейшего венгерского коммуниста Белы Куна писатель Антал (Анатолий) Гидаш (1899–1980), находившийся в заключении с 1937 по 1944 г. Хотя цыганский перевод и опирался на русский перевод Александра Ильича

³⁵ *Marushiakova-Popova E. A., Popov V. Roma voices in history...* P. 846–852.

³⁶ *Герасимово Т. Фаурнытко рэндо дрэ колхозэ и совхозэ [Кузнечное дело в колхозах и совхозах].* М., 1933.

³⁷ *Герасимов И. О цыганском национальном районе // Известия ЦИК СССР. 1936. № 241 (6098).* С. 3.

³⁸ *Marushiakova-Popova E. A., Popov V. Op. cit.* P. 909–910.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4759. Л. 34 об.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 4759. Л. 8-8 об.

Ромма (1898–1943), авторство Гидаша стало препятствием и для его исполнения. Ранее эта песня получала разрешение беспрепятственно⁴¹.

В начале сентября 1939 г. один из членов Главреперткома А. И. Живцов (1907–1972) опубликовал в «Вечерней Москве» статью с призывом обратить внимание на романс и развивать его как жанр, опираясь на лучшие традиции. Цыганские писатели с готовностью подхватили этот призыв и готовы были участвовать в пополнении репертуара⁴².

Заключение. Таким образом, можно зафиксировать две тенденции: авторы песен и руководители коллективов учатся взаимодействовать с системой контроля и лучше понимают ее запросы, несмотря на дефицит мотивировок и их краткость; сама система контроля развивается от преобладания преимущественно эстетических и даже музыковедческих критериев, расплывчатых по самой сути и доступных только специалистам, к доминированию более четких политических и идеологических критериев, описываемых краткими и однозначными формулировками. При этом эстетические критерии ослабляются. Например, ранее классово подозрительный романс становится допустимым и даже желательным. Совсем кратко можно сказать, что за рассмотренный период правила игры стали жестче, но проще. Это создавало как авторам, так и исполнителям пусть не совсем комфортное, но более явно ограниченное пространство для выбора.

Литература

1. Кручинин Н. Н. Песни московских цыган XIX века. М.: Музгиз, 1961. 32 с.
2. Славова П. БТА под контрола на Главлит (1952–1956) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. Т. 98–99. 2005–2006. Suppl. 1. Докторантски четения – март 2006. София, 2011. С. 134–145. (На болг. яз.).
3. Шаповал В. В. К истории цензурного контроля ромских изданий в СССР (1927–1938) // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 1 (45). С. 91–100. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.07
4. Шаповал В. В. К оценке архивных материалов по цыганскому языку XX века // Лингвистические разыскания: сб. научных докладов I и II Международной научно-практической конференции «Добродомовские чтения: язык – история – культура», г. Москва, 14–15 ноября 2019 г., 19 ноября 2020 г. / под общ. ред. А. В. Григорьева [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2022. С. 103–111. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50022562_28697030.pdf
5. Шаповал В. В. Первый советский журнал на ромском языке: к проблеме датировки выпуска // Revista de Etnologie și Culturologie. 2019. Т. 26. С. 72–77. DOI: 10.5281/zenodo.3595147

⁴¹ Орлова Е. И. Прэ фэлды мурдѣна яга [На полях гаснут огни]. М.; Л., 1933. С. 27.

⁴² Цыганского Этнографического Ансамбля под руководством Орловой Е. Списки исполняемого репертуара. Препроводительные письма // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 2. Л. 3. Ед. хр. 1102.

6. Шаповал В. В. Создание нового ромского читателя в СССР (1927–1938): противоречивые подходы // *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2020. Т. 28. С. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.4437960

7. Kamińska-Chełminiak K. Polish Censorship during the Late Stalinist Period // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021. № 66 (1). P. 245–259. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.115

8. Marushiakova E., Popov V. Roma portraits in history: Roma civic emancipation elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th century until World War II. Paderborn: Brill Publishers, 2022. 800 p.

9. Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani literature: the case of Alexander Germano // *Romani Studies*. 2020. № 30 (2). P. 135–162. DOI: 10.3828/rs.2020.7

10. Marushiakova-Popova E. A., Popov V. Roma voices in history: A source book: Roma Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th century until the Second World War. Paderborn: Brill Publishers, 2021. 1068 p.

11. Richmond S. «The conditions of the contemporary»: the censors and Censoring of Soviet theater, 1923–1927 // *Russian History*. Spring 2000 / Printemps 2000. Vol. 27. № 1. P. 1–56.

12. Roma writings. Romani literature and press in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th century until WWII / R. B. Roman et al. / Leiden: Brill Publishers, 2021. 290 p.

13. Shapoval V. V. Obscure years of Soviet Roma literature (1939–1941) // *Romani Studies*. 2021. Vol. 31. № 1. P. 5–28. DOI: 10.3828/rs.2021.2

14. Shapoval V. V. The books to the illiterate? Romani publishing activities in the Soviet Union, 1927–1938 // *Social Inclusion*. 2020. Т. 8. № 2. P. 346–357. DOI: 10.17645/si.v8i2.2792

15. Sherry S. Notes from Glavlit: the autobiographical writing of former Soviet censors // *The Slavonic and East European Review*. 2018. № 96 (4). P. 672–703. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.96.4.0672

16. Streikus A. Political censorship in the Soviet West. A comparison of the Lithuanian and Latvian cases // *Cahiers du monde russe*. 2019. № 60 (4). P. 737–762. DOI: 10.4000/monderusse.11403

References

1. Kruchinin N. N. *Pesni moskovskikh tsygan XIX veka* [Songs of Moscow gypsies of the XIX century]. M.: Muzgiz, 1961. 32 p. (In Russ.).

2. Slavova P. BTA pod kontrola na Glavlit (1952–1956) [BTA under the control of Glavlit] // *Godishnik na Sofiiskija universitet «Sv. Kliment Ohridski»*. Istoricheski fakultet. T. 98–99. 2005–2006. Suppl. 1. Doktorantski chetenija – mart 2006. Sofija, 2011. P. 134–145. (In Bulgarian).

3. Shapoval V. V. K istorii tsenzurnogo kontrolia romskikh izdaniy v SSSR (1927–1938) [On the history of censorship of Roma publications in the USSR (1927–1938)] // *Vestnik MGPU. Seria: Istoricheskie nauki*. 2022. № 1 (45). P. 91–100. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.07 (In Russ.).

4. Shapoval V. V. K otsenke arkhivnykh materialov po tsyganskomu iazyku XX veka [On the evaluation of archival materials on the Gypsy language of the XX century] //

Lingvističeskie razyskaniia: sbornik nauchnykh dokladov I i II Mezhdunarodnoi nauchno-praktičeskoj konferentsii «Dobrodomovskie čtēniia: iazyk – istoriia – kul'tura», g. Moskva, 14–15 noiabria 2019 g., 19 noiabria 2020 g. / pod obshch. red. A. V. Grigor'eva [Elektronnoe izdanie setevogo rasprostraneniia]. Moscow: MPGU, 2022. P. 103–111. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50022562_28697030.pdf (In Russ.).

5. Shapoval V. V. Pervyi sovetskii zhurnal na romskom iazyke: k probleme datirovki vypuska [The first Soviet magazine in the Romani language: on the problem of the date of issue] // The Journal of Ethnology and Culturology. 2019. T. 26. P. 72–77. DOI: 10.5281/zenodo.3595147 (In Russ.).

6. Shapoval V. V. Sozdanie novogo romskogo chitatelia v SSSR (1927–1938): protivorechivye podkhody [Creating a new Romani reader in the USSR (1927–1938): contradictory approaches] // The Journal of Ethnology and Culturology. 2020. T. 28. P. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.4437960 (In Russ.).

7. Kamińska-Chełmiński K. Polish Censorship during the Late Stalinist Period // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2021. № 66 (1). P. 245–259. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.115

8. Marushiakova E., Popov V. Roma portraits in history: Roma civic emancipation elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th century until World War II. Paderborn: Brill Publishers, 2022. 800 p.

9. Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani literature: the case of Alexander Germano // Romani Studies. 2020. № 30 (2). P. 135–162. DOI: 10.3828/rs.2020.7

10. Marushiakova-Popova E. A., Popov V. Roma voices in history: A source book: Roma Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th century until the Second World War. Paderborn: Brill Publishers, 2021. 1068 p.

11. Richmond S. «The conditions of the contemporary»: the censors and Censoring of Soviet theater, 1923–1927 // Russian History. Spring 2000 / Printemps 2000. Vol. 27. № 1. P. 1–56.

12. Roma writings. Romani literature and press in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th century until WWII / R. B. Roman et al. / Leiden: Brill Publishers, 2021. 290 p.

13. Shapoval V. V. Obscure years of Soviet Roma literature (1939–1941) // Romani Studies. 2021. Vol. 31. № 1. P. 5–28. DOI: 10.3828/rs.2021.2

14. Shapoval V. V. The books to the illiterate? Romani publishing activities in the Soviet Union, 1927–1938 // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. № 2. P. 346–357. DOI: 10.17645/si.v8i2.2792

15. Sherry S. Notes from Glavlit: the autobiographical writing of former Soviet censors // The Slavonic and East European Review. 2018. № 96 (4). P. 672–703. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.96.4.0672

16. Streikus A. Political censorship in the Soviet West. A comparison of the Lithuanian and Latvian cases // Cahiers du monde russe. 2019. № 60 (4). P. 737–762. DOI: 10.4000/monderusse.11403

УДК 321

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.08

Бакланов Вячеслав Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Россия

vibaklanov@fa.ru; ORCID 0000-0003-4982-1523

**СТАНОВЛЕНИЕ ОЛИГАРХИЧЕСКО-
САМОДЕРЖАВНО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ В РФ:
ДЕКАБРЬ 1993 – ЛЕТО 1996 г.**

Аннотация. В статье изложена сложная эволюция становления политического режима Б. Ельцина и новой российской государственности (по Конституции 1993 г.) с декабря 1993 до лета 1996 г., а также выявлены и раскрыты их особенности. Актуальность исследования состоит в том, чтобы найти все узкие места в основе современной российской государственности (которые, по моему мнению, до сих пор не позволяют России прийти к процветанию и мировому лидерству), фундамент и «строительные леса» которой устанавливались именно в этот период: с 1993 по 1996 г.

В работе через анализ становления периферийной модели капитализма раскрываются причины и факторы установления в России олигархо-авторитарной политической системы 1990-х гг., весьма далекой от демократических стандартов. Полное торжество олигархического либерализма в соединении с авторитаризмом отнюдь не приводит страну к демократии, как это доказала практика жизни в России в 90-е гг. XX в. Более того, либеральный авторитаризм в чистом виде в интересах узкой бюрократической и крупной коммерческой новорусской знати в столице и регионах отвергает демократию, усиливает сепаратизм (провальная война в Чечне), приводит большинство населения к обнищанию и социально-экономическому неравенству, а саму страну превращает в полуколониальный придаток Запада с населением, вымирающим по одному миллиону человек в год.

Ключевые слова: Россия, политический режим, президент, либералы, олигархи, капитализм, выборы, Чеченская война.

UDC 321

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.08

Baklanov Vyacheslav I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russia

vibaklanov@fa.ru; ORCID 0000-0003- 4982-1523

**FORMATION OF THE OLIGARCH-AUTOCRATIC-
PRESIDENTIAL POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION:
DECEMBER 1993 – SUMMER 1996**

Abstract. The article outlines the complex evolution of the formation of B. Yeltsin’s political regime and the new Russian statehood (according to the 1993 Constitution) from December 1993 to the summer of 1996, identifying and disclosing their features. The relevance of this study is to find all the bottlenecks in the basis of modern Russian statehood (which, in our opinion, are responsible for the fact that Russia has not yet led to prosperity and world leadership), the foundation and “scaffolding” of which was installed precisely during this period: from 1993 to 1996.

The work, through an analysis of the formation of a peripheral model of capitalism, reveals the reasons and factors for the establishment of an oligarchic-authoritarian political system in Russia in the 90s, which was very far from democratic standards. The complete triumph of oligarchic liberalism combined with authoritarianism does not at all lead the country to democracy, as the practice of life in Russia in the 90s proved. XX century Moreover, liberal authoritarianism in its “pure form” in the interests of the narrow bureaucratic and large commercial New Russian nobility in the capital and regions rejects democracy, strengthens separatism (the failed war in Chechnya), leads the majority of the population to impoverishment and socio-economic inequality, and transforms the country itself into a semi-colonial appendage of the West with a population dying out at the rate of 1 million people a year.

Keywords: Russia, political regime, president, liberals, oligarchs, capitalism, elections, Chechen war.

Введение. Руководствуясь утопическими идеями самооценности рынка и вхождения в «цивилизованный» западный мир, российские авторитарные «демократы» путем радикальных преобразований сверху в 1990-е гг. сначала разрушили высокотехнологичное советское наследие и буквально втиснули страну в прокрустово ложе сырьевого придатка для мирового капиталистического центра, причем с обоюдного согласия своей и западной политико-финансовой олигархии. Стержневым элементом новорусского капитализма явилось неформальное слияние власти и собственности в руках обуржуазившейся бюрократии и тесно связанных с ними коммерсантов «своего круга», в результате чего российский капитализм можно охарактеризовать как кланово-бюрократический¹. Для формирования новорусского капитализма (во многом

¹ Бакланов В. И. Россия: генезис капитализма гибридного типа // Философия хозяйства. 2022. № 2. С. 60.

мародерского типа по отношению к советской цивилизации) потребовался политический режим, полностью отвечающий интересам узкого правящего класса скоробогатеев. Кровавое подавление парламентской оппозиции в октябре 1993 г. открыло дорогу созданию кланово-авторитарному режиму и государству с ярко выраженными социал-дарвинистскими и антисолидарными чертами.

Политическая ельциниада. Девяностые годы прочно вошли в сознание людей с представлением о характере и политическом поведении лидера страны, который так одновременно колоритно и страшно выразил суть «лихих 90-х». Президент Ельцин удивительным образом сочетал в себе черты властного деспота с демократическим популизмом, грубой напористости с ленивой бесшабашностью. Своими простонародными, мужицкими повадками, косноязычием наряду с удалью и ухарством он, как ни странно, одновременно привлекал к себе и плохо образованные народные массы и даже искушенных российских либеральных интеллектуалов. Последние как раз видели в нем удачный образ во всем народного президента с его «нутряной приверженностью» прогрессивным реформам. При этом тот же внешне властный (до самодурства) Ельцин оказался во всех отношениях удобным президентом, на которого могли с выгодой для себя повлиять и западные «партнеры», и российские олигархи. Удобным и выгодным для многих, но подлинной катастрофой для страны! По словам Б. Кагарлицкого*, «за тысячелетнюю историю России мало кто из ее правителей умудрился в столь короткий срок нанести стране такой ущерб, как Борис Ельцин. И все же, как бы ни протестовала оппозиция, как бы ни обострялся кризис, он постоянно выходил сухим из воды. Ельцин, иронически прозванный “гарантом нестабильности”, продолжал торжественно вести страну от поражения к поражению»².

Несмотря на безоговорочную политическую победу Б. Ельцина, закрепленную кровью раздавленной им в октябре 1993 г. оппозиции, и новую Конституцию, дающую президенту необъятную власть, ельцинский политический режим приживался тяжело. Заимствованные текстуально из разделов французской и американской конституций красиво составленные статьи нашего Основного закона 1993 г., где говорилось о народовластии, верховенстве прав человека, демократическом разделении властей и т. д., на деле оказались лишь пустой декларацией. Чего не скажешь о других статьях, где подробно прописывалась власть президента. Собственно, именно эти статьи (в виде демократической формы «самодержавия») в российской Конституции были ключевыми и единственно работающими. Но конституционное укрепление власти Президента,

* — лицо, признанное в РФ иностранным агентом.

² Кагарлицкий Б.* Реставрация в России [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: https://vk.com/doc5170410_486877325?hash=w8q7Cv5lcrat8dSAVjmD86Z1WkDDGgnyjwczSBStPe4 (дата обращения: 01.02.2023).

наряду с физическим подавлением «непримиримой оппозиции» в октябре 1993 г., еще не означало достижение политической стабильности в стране.

В первой половине 1990-х улицы многих городов буквально бурлили политическими протестами. Недовольство населения страны политическим курсом и правящим политическим классом ярко продемонстрировали общероссийские выборы в Государственную думу 1993 и 1995 гг. На них партия власти (сначала это праволиберальная партия «Демократический выбор России» в 1993 г., затем в 1995 г. номенклатурная — «Наш дом — Россия») традиционно набирала значительно меньше голосов³, чем системно-оппозиционные КПРФ и ЛДПР. Примечательно, что в 1995 г. партия Гайдара не смогла набрать 5 % голосов избирателей — минимум для прохождения в Государственную думу.

Особенно шокировал всю провластную политическую и интеллектуальную публику феноменальный успех В. Жириновского и его партии ЛДПР, набравшей в декабре 1993 г. на первых думских выборах около 24 % голосов. Неожиданная победа Жириновского расстроила намечавшийся праздник в Кремле по поводу чествования предполагаемой победы гайдаровской партии «Демократический выбор России». Конечно, победа Жириновского на парламентских выборах ярко продемонстрировала провал экономической политики тогдашнего правительства и президента. Но тогда причем здесь партия Жириновского?

По мнению некоторых исследователей, успех Жириновского был обусловлен умелой эксплуатацией массовой фрустрации среди населения (в первую очередь русского), распространившейся после распада союзного государства и провала либеральных реформ⁴. Скандальный национал-популист Жириновский с выгодой для власти на всех теледебатах «топил» ненавистных Кремлю коммунистов, но при этом никогда не забывал призывать себе в поддержку «бедных русских» и педалировать тему об утраченном великодержавном величии России. «Народность» оппозиционера Жириновского как политика выгодно отличалась от «народности» действовавшего президента Ельцина. Политика последнего обернулась для общества реальными страданиями, в то время как Жириновский демагогически обещал не только решить все проблемы страны за короткий срок, но даже сделать всех россиян счастливыми! Гротескная фигура (тщеславного шоумена-политика) Жириновского стала ярким олицетворением пестрой и беспринципной картины постсоветского политического бытия, причудливо сочетавшей в себе одновременно все цвета и жанры. Зато сразу бросались в глаза характерные свойства Жириновского-политика. По мнению писателя Э. Лимонова, поведение Жириновского, выдает в нем архетип САМОЗВАНЦА (на президентство РФ), где обман и шарлатанство — главные принципы существования такого политика⁵.

³ «Демократический выбор России» Гайдара в 1993 г. получил 15,51 % голосов; «Наш дом — Россия» в 1995 г. — 10,13 %.

⁴ Образы Российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2008. С. 150.

⁵ Лимонов Э. Лимонов против Жириновского. М., 1994. С. 176–183.

Партия Жириновского (ЛДПР) органично вошла в медийно-политический бомонд еще и потому, что она не только отбирала голоса у коммунистов, но и смогла удовлетворить запросы фрустрирующих масс обывателей и многочисленной национальной буржуазии, которая не вошла «в высший свет» правящей тогда кремлевско-космополитической буржуазии.

А между тем последующие 1994 и 1995 гг., как показали социологические опросы общественных настроений россиян, не прибавили популярности Ельцину у избирателей. Былой кредит доверия населения президенту был основательно растрочен. Социологические опросы 1995 г. показали: 73 % опрошенных россиян считают, что находящиеся у власти компрометируют демократическую форму правления⁶. Причинами этого были полукриминальная приватизация государственной собственности в интересах узкого круга лиц; провальная внешняя и внутренняя социальная политика, а также грянувшая как гром среди ясного неба в декабре 1994 г. война в Чечне. Изначально предполагалось, что быстрая и победоносная военная кампания повысит рейтинг непопулярного президента в стране. Произошло в точности наоборот. Деморализованная реформами 1990-х гг., российская армия оказалась совсем не готовой к боевым действиям. Солдаты, плохо обученные и обмундированные, не понимали, за что они воюют, плохо подчинялись приказам и поэтому в массе дезертировали. В армии царил коррупция. Военные поражения и затягивание военной кампании, большие военные потери среди юношей-срочников, гибель гражданского населения — все это вместе взятое вызвало в стране оппозиционное антивоенное движение.

Политическая драма 1996 г. Парадоксально, что в одном антивоенном протестном лагере оказались праволиберальные сторонники Е. Гайдара, часть либеральных СМИ, левые радикалы В. Анпилова и коммунисты КПРФ. Зато войну в Чечне поддержали Русское национальное единство А. Баркашова (РНЕ) и ЛДПР. Коммунистическая партия Российской Федерации во главе с Г. Зюгановым стала ведущей оппозиционной политической силой в стране. По словам исследователя, «период 1994–98 гг. можно характеризовать как черномырдинско-зюгановский. Если Виктор Черномырдин — это лицо власти, то Геннадий Зюганов — лицо оппозиции»⁷. Действительно, коммунисты КПРФ в начале 1996 г. по всем социологическим опросам лидировали в среде общественных настроений граждан. Вот как оценивали те события Е. Гайдар и А. Чубайс: «К началу избирательной кампании в январе 1996 года по выборам президента рейтинги показывали популярность Б. Ельцина на уровне 3–6 %, Г. Зюганов значительно опережал его»⁸. Казалось, победа лево-консервативной КПРФ и ее лидера Г. Зюганова уже была предрешена на предстоящих выборах президента в 1996 г.

⁶ Лимонов Э. Указ. соч. С. 33.

⁷ Кагарлицкий Б.* Указ. соч.

⁸ Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. М., 2011. С. 88–89.

Несмотря на умеренный характер КПРФ и ее весьма осторожного, «ответственного и гибкого» руководителя (Г. Зюганов выступил даже в швейцарском Давосе в феврале 1996 г.), правящий класс России, по свидетельству А. Рубби, был крайне встревожен и вынужден всерьез заговорить «об угрозе коммунистического реванша в России»⁹. Против главного противника Ельцина на выборах — лидера КПРФ Г. Зюганова — были брошены все силы правящего режима, как политико-медийные, так и финансовые. Более того, глава президентской охраны А. Коржаков предложил экстраординарный план: ввести режим чрезвычайного положения, отменить выборы в парламент, распустить Государственную думу и запретить КПРФ¹⁰.

Впрочем, такие явно антиправовые и диктаторские меры не понадобились. Агрессивно-изобретательная информационная пропаганда в пользу действовавшего президента Б. Ельцина (и журналисты, и звезды шоу-бизнеса творчески поработали на его позитивный образ) достигла своего результата. По признанию политолога В. Никонова, Ельцин победил на выборах с минимальным перевесом благодаря исключительно жесткой, за рамками правил антикоммунистической кампании, финансовым вливаниям, элитно-силовой консолидации и «чудесам» на избирательных участках¹¹. А попросту — в результате откровенной мошеннической подтасовки итогов голосования. Однако во всем умеренный Г. Зюганов, панически боявшийся любых форм насильственной борьбы кроме парламентской, даже не попытался опротестовать факты фальсификации выборов и еще до объявления результатов голосования поздравил Ельцина с победой¹². И это было неудивительно. Ушла в прошлое радикальная и непримиримая оппозиция 1992–1993 гг. КПРФ, став системно-оппозиционной парламентской партией (в отличие от прежней «Трудовой России») и вовсе была лишена боевого коммунистического потенциала, являясь по факту консервативной социал-демократической партией, с густым замесом сталинизма, великодержавного патриотизма и православия.

Российские СМИ, фактически утратившие свободу после кровавого октября 1993 г., также посчитали победу Ельцина свершившимся фактом. Знаковое поражение главного левого кандидата в президенты похоронило надежды многих левых на серьезную общественную альтернативу узкоолигархическому праволиберальному курсу, была упущена возможность социализации криминально-олигархического капитализма в РФ (о возврате к советскому социализму в случае победы Зюганова речь не шла). С. Рузанов писал: «Если октябрь 1993 г. “оказался... водоразделом народной активности”, оставив в прошлом

⁹ Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России: пер. с итал. М., 2004. С. 326.

¹⁰ Рузанов С. 1993–1999: Поражение протеста: история социального противостояния в ходе реформ в Российской Федерации от становления «послеоктябрьского» политического режима до отставки президента Ельцина. М., 2014. С. 32–33

¹¹ Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., 2016. С. 280.

¹² Рузанов С. Указ. соч. С. 36.

эпоху массовых выступлений трудящихся начала 90-х, то поражение оппозиции в ходе президентских выборов 1996 г. привело к психологическому надлому наиболее активной части протестного электората. В сознании людей, являющихся движущей силой (субъектом) широкого политического процесса 1991–1993 гг., поражение 1996 г. стало переломным. Это была точка невозврата, обусловившая уход масс из “большой политики”, в первую очередь, политики “уличной”¹³. Крах большой политики в лагере левых сил тогда неизбежно усиливал социальную апатию в массах.

Зато победа режима Ельцина означала крупную победу новороссийского капиталистического класса, вкусившего радость победителя и хозяина жизни в стране. Произошла финансово-политическая консолидация власти, при котором «свободные» СМИ отныне подчинялись влиятельным олигархам. Торжество рынка стало роковым для масс-медиа — нищее население резко сократило спрос на печатную продукцию. Даже либеральный политик Г. Явлинский отмечает, что вслед за криминальной приватизацией в 1995–1997 гг. последовала окончательная утрата независимости СМИ¹⁴. Либеральные масс-медиа послушно исполняли волю своих собственников — влиятельных олигархов. Модные журналисты, задающие политический тренд в развернувшихся в СМИ «информационных войнах», оказались на особом счету у магнатов, получая от них эксклюзивно высокие зарплаты. «Обычным делом стали “заказные материалы” и “черный PR”»¹⁵. Все это лишь подтвердило беспринципность и коррумпированность СМИ в условиях криминального капитализма. Наряду с масс-медиа, к лоббированию частных интересов олигархов подключились и депутаты Государственной думы, находившиеся на довольствии магнатов. По словам О. Крыштановской, «в 90-е годы СМИ вышли из зоны контроля Кремля, и огромное влияние получили медиамагнаты, ставшие ключевыми фигурами избирательного процесса»¹⁶.

После победы на выборах 1996 г. ельцинская политическая система относительно стабилизировалась. Вот только, казалось бы, властный и местами решительный Ельцин, стал часто «болеть», его запои доходили до шести недель! К «болезни президента» добавился еще один неприятный сюрприз: Ельцин вдруг оказался в сильной зависимости от группы ведущих в стране олигархов («семибанкирщина»). Децентрализацией власти воспользовались и региональные элиты, которым Кремль вынужден был пойти на уступки. Региональные элиты, наряду с олигархами, правительственными чиновниками и медиамагнатами, стали самостоятельным центром силы¹⁷.

¹³ Рузанов С. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁴ Явлинский Г. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. 2-е изд. М., 2016. С. 71.

¹⁵ Кагарлицкий Б.* Указ. соч.

¹⁶ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 93.

¹⁷ Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. М., 2003; URL: <https://clck.ru/34KFjk> (дата обращения: 01.02.2023).

Политическая победа (несмотря на всю ее сомнительность) на выборах Б. Ельцина вскоре была подпорчена поражениями в Чеченской войне. Террористический набег чеченского командира Ш. Басаева на мирный Буденновск (июнь 1995 г.) открыл новый фронт этой войны, уже за пределами самой Чечни. За Буденновском последовал позор для федеральных войск в станице Первомайской в январе 1996 г. И уж полной неожиданностью для российского командования стал внезапный штурм Грозного, предпринятый в августе 1996 г., казалось бы, совсем разгромленными ранее чеченскими боевиками. Они заняли большую часть города, несмотря на численное превосходство федеральных войск. Оказалось, что штурмовать город и отбивать его у боевиков, практически некому. Армия была деморализована и в бой не хотела идти. Общественное мнение в стране было целиком за мир. И мир (точнее перемирие) в дагестанском городе Хасавюрт был подписан. Российские войска покидали мятежную и воинственную Чечню, не добившись ни одной поставленной цели, по сути, проиграв кровопролитную военную операцию. Чечня во главе с президентом А. Масхадовым осталась формально в составе РФ, по факту превратившись в никем не управляемую, разбойную территорию (российский аналог Сомали). Чеченские полевые командиры, посчитав себя победителями в войне с Россией, в дальнейшем продолжали регулярно совершать грабительские набеги на сопредельные территории России. Таков итог этой позорной для верховной власти войны в Чечне, нанесшей еще одну незаживающую рану и так болезненному в 1990-е гг. российскому общественному сознанию. Впрочем, российскую власть это нисколько не беспокоило. Представители ельцинской элиты с упоением предались дележу полученной собственности с целью ее выгодной перепродажи. Делать деньги везде, где только можно, стало поистине их национальной идеей.

Заключение. Несмотря на чеченский провал, режим Б. Ельцина, сконструированный по чужеродным политическим лекалам, укрепился в силу системного проигрыша ему всех оппозиционных сил. Массы, разочаровавшись в политике, отданной на откуп политическим дельцам, «ушли в выживание». В стране развернулась невиданная ранее демографическая депопуляция (по 1 млн людей в год). Оппозиция, потеряв интерес к политической борьбе, бездействовала. По итогам политического 1996 г. в стране в совокупности сложился своеобразный олигархо-самодержавно-президентский властный тандем, действовавший исключительно в интересах узкой бюрократической и крупной коммерческой новорусской знати (как столичной, так и региональной), выбравший путь превращения страны в полуколониальный придаток Запада и ее максимального ослабления.

Литература

1. Бакланов В. И. Россия: генезис капитализма гибридного типа // *Философия хозяйства*. 2022. № 2. С. 57–67.
2. Гайдар Е., Чубайс А. *Развилки новейшей истории России*. М.: ОГИ, 2011. 168 с.

3. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 216 с.
4. Лимонов Э. Лимонов против Жириновского. М.: Конец века, 1994. 192 с.
5. Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Изд-во «Э», 2016. 672 с.
6. Образы Российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.
7. Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России: пер. с итал. М.: Международные отношения, 2004. 480 с.
8. Ружанов С. 1993–1999: Поражение протеста: история социального противостояния в ходе реформ в Российской Федерации от становления «послеоктябрьского» политического режима до отставки президента Ельцина. М.: [Б. и.], 2014. 95 с.
9. Явлинский Г. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. 2-е изд. М.: Медиум, 2016. 264 с.

References

1. Baklanov V. I. Rossiia: genezis kapitalizma gibridnogo tipa [Russia: the genesis of hybrid capitalism] // *Filosofiiia khoziaistva*. 2022. № 2. P. 57–67. (In Russ.).
2. Gaidar E., Chubais A. Razvilki noveishei istorii Rossii [Forks in the modern history of Russia]. Moscow: OGI, 2011. 168 p. (In Russ.).
3. Kryshstanovskaia O. Anatomiiia rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 216 p. (In Russ.).
4. Limonov E. Limonov protiv Zhirinovskogo [Limonov vs. Zhirinovskiy]. Moscow: Konets veka, 1994. 192 p. (In Russ.).
5. Nikonov V. A. Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiuu v mire budushchego? [Code of civilization. What awaits Russia in the world of the future?]. Moscow: Izd-vo «E», 2016. 672 p. (In Russ.).
6. Obrazy Rossiiskoi vlasti: ot El'tsina do Putina [Images of Russian power: From Yeltsin to Putin] / pod red. E. B. Shestopal. Moscow: ROSSPEN, 2008. 416 p. (In Russ.).
7. Rubbi A. El'tsiniada. Pervoe desiatiletie postsovetsoi Rossii [Yeltsiniad. The first decade of post-Soviet Russia]: per. s ital. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. 480 p. (In Russ.).
8. Ruzanov S. 1993–1999: Porazhenie protesta: istoriia sotsial'nogo protivostoianiiia v khode reform v Rossiiskoi Federatsii ot stanovleniia «posleoktiabr'skogo» politicheskogo rezhima do otstavki prezidenta El'tsina [1993–1999: The defeat of the protest: the history of social confrontation during reforms in the Russian Federation from the formation of the “post-October” political regime to the resignation of President Yeltsin]. Moscow: [B. i.], 2014. 95 p. (In Russ.).
9. Iavlinskii G. Periferiinyi avtoritarizm. Kak i kuda prishla Rossiia [Peripheral authoritarianism. How and where Russia came]. 2-e izd. Moscow: Medium, 2016. 264 p. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.09

Мамедова Севиндж Джаваншировна

Институт востоковедения им. З. М. Бунятова

Национальной академии наук Азербайджана

Азербайджан, Баку

sevinc.mammedova81@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-4562-6790

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИРАНЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В представленной статье анализируется общественно-политическая и экономическая ситуация в Иране периода правления Каджаров начала XX в. Поведение политической элиты рассматривается на фоне борьбы различных иностранных держав за влияние в этой стране, а также негативное влияние зависимости от иностранного капитала, феодальных порядков на экономику страны и социальное положение населения. В этом контексте определяются основные черты общественно-политических отношений, сформировавшихся в Южном Азербайджане в исследуемый период. В статье также анализируется влияние на политическую ситуацию в Иране Первой мировой войны и революционных движений в России. Одной из характерных черт общественно-политической ситуации в Иране в этот период было то, что шиитское духовенство играло важную роль в жизни страны. Вслед за англичанами в Иран начали проникать Германия и США, которые в то время стремительно укрепляли свои позиции на мировом экономическом и политическом пространстве. В конце XIX – начале XX в. процесс поляризации и блокады в мире проявился в деятельности иностранных государств в Иране и углубил кризис в стране.

Ключевые слова: Иран, правление Каджаров, Южный Азербайджан, иностранная зависимость, социальные отношения.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.09

Mammadova Sevinj J.

Institute of Oriental Studies named after Z. M. Bunyatov

National Academy of Sciences of Azerbaijan

Azerbaijan, Baku

sevinc.mammadova81@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-4562-6790

**SOCIAL AND POLITICAL RELATIONS IN IRAN
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Abstract. This article analyzes the socio-political and economic situation in Iran during the reign of the Qajars in the early twentieth century. The behavior of the political elite is considered against the background of the struggle of various foreign powers for influence in this country, as well as the negative impact of dependence on foreign capital, feudal orders on the country's economy and the social status of the population. In this context, the main features of the socio-political relations formed in South Azerbaijan during the period under study are determined. The article also analyzes the influence of the First World War and revolutionary movements in Russia on the political situation in Iran. One of the characteristic features of the socio-political situation in Iran during this period was that the Shiite clergy played an important role in the life of the country. Following the British, Germany and the United States also began to penetrate into Iran, which at that time were rapidly strengthening their positions in the world economic and political space. At the end of the 19th – beginning of the 20th century, the process of polarization and blockade in the world manifested itself in the activities of foreign states in Iran and deepened the crisis in the country.

Keywords: Iran, Qajar period, political situation, South Azerbaijan, foreign dependence, social relations.

Введение. В начале XX в. Иран, управляемый династией Каджаров, несмотря на свою большую территорию, был страной с очень слабым политическим и экономическим положением. Абсолютная власть шаха и наличие феодальной собственности серьезно препятствовали распространению буржуазных отношений, развивавшихся во многих странах мира. Интерес к Ирану, обладавшему богатыми природными ресурсами и имевшему стратегически выгодное географическое положение, со стороны крупных стран, боровшихся в указанный период за раздел мира, вырос, в результате чего Иран попал в зависимость от них и превратился в полуконию.

Вопросы регионального развития Ирана как одной из ведущих политических сил являются предметом пристального внимания исследователей как внутри страны, так и за ее пределами. Имеется достаточно много работ по указанному периоду. В отличие от них нами основное внимание уделено комплексному анализу процесса формирования ведущих направлений политико-социальных отношений в Иране.

Историко-демографическая характеристика страны. В указанный период в Иране проживало множество народов, племен и этнических групп, говорящих на разных языках. Персы составляли половину населения примерно в 10 миллионов человек. По этническому составу турки (азербайджанцы) заняли второе место. Кроме того, четверть населения составляли курды, луры, бахтияры, белуджи, арабы и туркменские племена. Управление государством осуществлялось посредством многочисленных чиновников разного уровня. В то время территория Ирана административно делилась на области: Азербайджан, Фарс, Керман и Хорасан — и более 30 провинций¹. Азербайджан был самой крупной и важной из этих областей и находился под непосредственным управлением наследного принца. Коррупция свирепствовала в управлении, осуществляемом назначаемыми шахом судьями, и создавала условия для резкого недовольства населения. Влиятельные муджтахиды стояли на высшем уровне шиитского религиозного института, активно вмешивавшегося в государственные дела. Одной из реформ, проведенных Насер-эд-Дин-шахом в 70–80-х гг. XIX в., было ограничение религиозной судебной власти². Однако позиция религиозной элиты оставалась прежней.

Взаимоотношения со странами Запада. Состояние зависимости Ирана началось в 60-х гг. XIX в., когда внутри страны иностранным государствам были предоставлены многочисленные привилегии. Первыми привилегии получили британские телеграфные концессии³. Вскоре англичане смогли добиться привилегий в судоходстве, железнодорожных перевозках, банковской системе, нефтяной промышленности и других областях.

Пытаясь проникнуть на Ближний и Средний Восток, Германия широко развернула деятельность германских банков и торговых компаний, предприняла попытку построить экономически и политически важную железную дорогу Берлин – Багдад.

Кроме того, немцы арендовали стратегически важные порты в Персидском заливе и с 1906 г. регулярно осуществлялись морские перевозки из Гамбурга в Персидский залив. Чтобы укрепиться в Персидском заливе, Германия также получила право построить здесь военно-морскую базу. Представившись защитницей всех мусульман, Германия стремилась привлечь на свою сторону панисламистские силы и оказать им некоторую помощь, вызвать симпатию у местных народов и завоевать влияние в мусульманском мире. Германия, агитировавшая против Англии и России, проявила себя как заметная сила в укреплении экономической и политической независимости Ирана. Объективно германская деятельность была направлена против русско-английских интересов в этом регионе, что привело к сближению России и Англии, которые были обеспокоены успехами Германии.

¹ Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 годов. М., 1957. С. 26.

² Там же. С. 51

³ Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 468.

Сначала осенью 1906 г. министры иностранных дел Великобритании и России договорились о разделе Ирана между двумя странами, а 31 августа 1907 г. было подписано соглашение о разделе Ирана, Афганистана и Тибета на сферы влияния. В результате попытка Германии проникнуть в Иран оказалась тщетной. Россия сохраняла контроль в своей части Ирана в основном благодаря оружию и военной силе, англичане же осуществляли свое управление, влияя на представителей иранского правительства.

Следует отметить, что в это время Иран переживал революционный период 1905–1911 гг. Хотя подписание англо-русского соглашения, противоречащего интересам Ирана, держалось в секрете, как только это известие дошло до Ирана, оно вызвало большое недовольство в стране. Чтобы его предотвратить, Спринг-Райс, глава британской дипломатической миссии в Тегеране, 5 сентября 1907 г. сделал специальное заявление о соглашении в Министерстве иностранных дел Ирана. В заявлении лицемерно говорилось, что ни одно из государств, подписавших соглашение, не будет вмешиваться в дела Ирана, «если только не будет причинен вред жизни и имуществу их подданных», и не посягнет на его целостность и независимость⁴. Хотя иранское руководство какое-то время не решалось одобрить соглашение под давлением общественности, все же после поражения иранской революции в 1912 г. Англии и России удалось добиться официального принятия соглашения иранским правительством.

Первые попытки США проникнуть в Иран, предпринятые в конце XIX в., не увенчались успехом. Однако правительство США воспользовалось просьбой о помощи со стороны правительства Мустоуфи-оль-Мамалека, откликнувшись на которую американцы получили возможность прямого вмешательства во внутренние дела Ирана. Задача создать условия для расширения экономической и политической экспансии США в Иране была возложена на Моргана Шустера. В мае 1911 г. приехавшие в Иран финансовые советники США во главе с Шустером получили большие права и полномочия⁵. Используя эту власть, Шустер взял под свой контроль все финансовые дела, экономическую и политическую сферы Ирана. Однако, поскольку осуществляемые им меры служили интересам США, деятельность Шустера нанесла значительный ущерб экономике Ирана.

В этот период иранская политическая элита разделилась на две части — пробританскую и пророссийскую. Сговор правящего класса с иностранными империалистами сказался и на деятельности национальной буржуазии. Распространение взяточничества, выдачи должностей за деньги, существование системы долговых обязательств привело к тому, что все важные должности оказались в руках совершенно неграмотных людей, которые не могли управлять страной⁶. С другой стороны, в конце XIX – начале XX в. в условиях

⁴ Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 годов. С. 216.

⁵ Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965. С. 241.

⁶ Иванова М. Н. Национально-освободительное движение в Иране в 1918–1922 гг. М., 1961. С. 159.

большого экономического кризиса, система государственных налогов и повинностей, покрываемых земельной рентой, ростовщический произвол изо дня в день усугубляли положение простого народа. В результате этого десятки тысяч иранских крестьян, составляющих основную часть населения, были вынуждены бросать обрабатываемую ими землю и заниматься бизнесом. Простые иранцы, не имевшие работы у себя на родине, массово иммигрировали в Россию (в основном в Туркестан и на Кавказ).

Миграционные процессы. Большинство жителей деревни, покинувших страну, были выходцами из Южного Азербайджана. Автор исследований по истории Южного Азербайджана Ш. Тагиева отмечает, что одной из причин сильного притока предпринимателей из Ирана в Азербайджан было то, что «наемный труд был менее популярен в этой провинции, чем в других частях Ирана»⁷. Подавляющее большинство предпринимателей были азербайджанцами. Трудно найти полную и точную информацию о простых иранских рабочих, которые ходят на работу. В этот период регистрация осуществлялась только в консульствах и таможнях.

Следует отметить, что влияние соседней России на общественно-политическую жизнь Ирана было сильнее, чем влияние Англии. В первую очередь это проявилось в притоке сотен тысяч иранцев на российский Южный Кавказ для работы на промышленных предприятиях и в формировании у них в России новых политических взглядов. Те иранцы, которые вернулись на родину, оказались в эпицентре политической борьбы с первого периода революции Машрутийят и сыграли важную роль в развитии политических процессов в Иране.

Внутриполитические процессы и их отражение на управление страной. По просьбе участников революционного движения Мозаффар-эд-Дин-шах принял решение о разработке конституции и созыве меджлиса в 1906 г. В октябре 1906 г. меджлис начал свою деятельность, а подготовленный им проект конституции был одобрен шахом 30 декабря.

Однако революционные силы пытались усилить давление на власть. В этот период Великобритания и Россия, обеспокоенные усилением Германии в Иране, предприняли попытки подавить революционное движение на территориях, входивших в их сферы влияния согласно договору 1907 г. Мохаммед-Али-шах, сменивший в январе 1907 г. Мозаффар-эд-Дин-шаха, 23 июня 1908 г. совершил государственный переворот в Тегеране и начал упразднение шур — местных революционно-демократических органов управления, возникших в ходе революции. Однако результата он не достиг: революционное движение в Иране только усилилось. Его центром в 1908–1909 гг. стал Южный Азербайджан. Наконец, в середине июля 1909 г. Мохаммед-Али-шах был свергнут, и к власти пришел

⁷ Тагиева Ш. XIX əsrin sonu və XX əsrin əvvəllərində İran kəndlilərinin vəziyyəti. Bakı, 1969. S. 152.

Ахмед-шах Каджар. В ноябре 1909 г. во Втором меджлисе началась борьба между умеренным большинством и демократами. Правительство Сепадара, не сумев вывести Иран из тяжелого политического и экономического кризиса, в июле 1910 г. было вынуждено уйти в отставку.

Вместо него был сформирован новый правительственный кабинет во главе с Мустоуфи-эль-Мамалеком, кандидатом от демократов. Политическая линия программы, принятой новым правительством, была продолжением политики правительства Сепадара. Для проведения внешней политики государства новое правительство предпочло пригласить иностранных советников вместо отмены зависимости Ирана от зарубежных стран. Разница заключалась в том, что правительство Сепадара склонялось к Англии и царской России, а правительство Мустоуфи-оль-Мамалека — к США и Германии. Именно в это время новое правительство, как было сказано выше, пригласило в Иран финансовых советников во главе с М. Шустером из США.

Революция закончилась изгнанием Второго меджлиса 24 декабря 1911 г. усилиями Великобритании и России, желавших удержать Иран под контролем.

Революция дала толчок идеологии буржуазного национализма и развитию антиимпериалистических и демократических идей в Иране, но она была незавершенной в рамках антифеодальных и антиимпериалистических задач. Пока крепостники-помещики оставались у власти, буржуазия не могла подняться по управленческой лестнице ни на одну ступень⁸.

После революции Машрутийят в иранской провинции Гилян с 1912 г. под руководством мирзы Кучек-хана возникло движение дженгелийцев, которые боролись за освобождение Ирана от гнета иностранного капитала и его демократизацию. Отражая их политические интересы, программа была ориентирована более социально. Следует отметить, что в начале XX в. Кучек-хан, живший в Баку и Тифлисе, стал общаться с иранскими иммигрантами-демократами. Отмечается, что Кучек-хан, активный участник движения Машруийят, был членом социал-демократической организации «Ичтимаи-е-Амиюн» и по ее указанию организовал с 1912 г. вооруженный отряд для борьбы с русскими воинскими частями⁹.

Во время Первой мировой войны все более разраставшееся движение дженгелийцев превратилось при поддержке Германии в национально-освободительное движение, направленное против англичан. Осенью 1915 г., когда Россия ввела в Энзели первый военный корпус генерала Баратова, он столкнулся с сильным сопротивлением дженгелийцев. В то время они смогли получить поддержку от османов. Движение младотурок находилось в тесном контакте с дженгелийцами. Летом 1917 г. они создали политический союз «Иттихади ислам» («Исламский союз»). В это время движение распространилось

⁸ Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М., 1970. С. 25.

⁹ Агаев С. Л., Пластун В. Н. Вопросы коммунистического и национально-освободительного движения в Иране в 20-х годах // Коминтерн и Восток. Критика критики. М., 1978. С. 266.

на западную часть Мазендарана и Талышскую провинцию¹⁰. Следует отметить, что идеи панисламизма получили широкое распространение в Иране, а также в других странах Ближнего и Среднего Востока с конца XIX в. В этой идее отразился протест против эксплуатации Ирана и других мусульманских стран иностранным капиталом¹¹.

Зависимость Ирана от иностранных государств. Во время Первой мировой войны зависимость Ирана от иностранных государств еще больше возросла. Несмотря на заявление иранского правительства о нейтралитете, территория страны стала полем боя для германо-турецких и англо-русских войск. С другой стороны, война породила в иранском народе чувство сопротивления. В то время лидеры Иранской демократической партии (ИДП), самой влиятельной партии страны, поддержали германо-турецкий блок. Это был неверный шаг, вызвавший недовольство народных масс¹². 30 октября 1914 г. Турция, начав боевые действия против России, вступила в Первую мировую войну. Иран стал одним из театров военных действий. 2 ноября 1914 г., опасаясь разорения своей страны, Ахмед-шах подписал указ, официально провозгласивший нейтралитет Ирана в Первой мировой войне¹³. Несмотря на декларацию о нейтралитете, империалистические страны не вывели свои войска с территории Ирана. Наоборот, как только началась война, Великобритания направила дополнительные силы в Персидский залив под предлогом защиты находящихся там нефтяных месторождений.

Политические движения в Иране. С начала 1917 г. ситуация в Иране стала меняться под влиянием Февральской революции в России. Известие о революции, приведшей к свержению царизма в России, было встречено в Иране с большой надеждой. Пропаганда стала вестись против англичан, находившихся в союзе с Россией.

В это время начался раскол внутри ИДП, объединявшей прогрессивные силы Ирана. Левое крыло партии боролось против империализма, а правое выражало интересы крупной буржуазии. Комитет моджахедов, созданный Эхсанулла-ханом и другими демократами в Иране, принадлежал к левому крылу. Комитет выдвинул обвинения против премьер-министра Восуг-эд-Доуле и Ахмед-шаха и несколько раз совершал против них террористические акты. Однако в июне 1917 г., после очередного покушения на Восуг-эд-Доуле, деятельность комитета была быстро прекращена, а Эхсанулла-хан бежал и присоединился к движению дженгелийцев¹⁴.

Возрождение национально-демократического движения в Южном Азербайджане было связано с условиями, созданными революцией 1917 г. Здесь

¹⁰ Иванов М. С. Новейшая история Ирана. С. 260.

¹¹ История Ирана / отв. ред. М. С. Иванов. М., 1977. С. 97.

¹² Тағйева Ҷ. Ө. 1920-сй ил Тәбриз үсыанй. Баки, 1990. С. 29.

¹³ Нәсәнов Н. İранın yeni tarixi (1870–1917-ci illər). Dərs vəsaiti. Bakı, 1973. С. 112.

¹⁴ Иванова М. Н. Указ. соч. С. 301.

под руководством шейха Моххамеда Хиабани был организован Азербайджанский провинциальный комитет ИДП. Хиабани был избран во Второй меджлис от Южного Азербайджана в 1909–1911 гг. и вступил в ряды ИДП¹⁵, сблизившись с левыми силами. В комитет вошли средняя и мелкая буржуазия, средние помещики, интеллигенция, мещанское духовенство, рабочие и крестьяне. Комитет потребовал изгнания иностранных захватчиков и предоставления Южному Азербайджану автономии. 24 августа 1917 г. на конференции Тебризского губернского комитета Комитет был объявлен самостоятельным и получил название Азербайджанской демократической партии¹⁶.

Отношения между Ираном и Россией. После Февральской революции отношения между Ираном и Россией в определенной степени охладелись. Причиной этого было то, что иранское государство не предприняло необходимых шагов для признания русской революции. В докладе посла Мофхам-ад-Довла говорилось, что «хотя поздравительная телеграмма была направлена в российскую Думу за подписью 80 бывших членов Национального совета, информированного МИД Ирана Сеидом Зияэдином Табатабаи, не имеющим официального положения в России, это дело было неофициальным, была просто инициатива»¹⁷.

Временное правительство России не изменило свою внешнюю политику в отношении Ирана по сравнению с царским правительством. Министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков в своей телеграмме главе русской делегации в Тегеране В. Минорскому писал: «Считаем... полезным довести до сведения шахского правительства, что Россия по-прежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах и... политика России не претерпит никакого изменения»¹⁸.

Изменения в политике России по отношению к Ирану последовали только после большевистской революции в октябре 1917 г. Новое революционное правительство заявило, что полностью откажется от оккупационной политики в Иране и вместо этого окажет ему всестороннюю помощь. Выдвинутый большевиками лозунг о праве наций на самоопределение и заявление об отказе от договора 1907 г., разделившего Иран на две части, создали у иранцев положительное отношение к Советской России. Под давлением масс в декабре 1917 г. шах официально признал советское правительство¹⁹. Правда, первоначально, не без участия англичан, отношение Ирана к Советской России было достаточно прохладным.

¹⁵ Таğiyeва Ş. Ə. 1920-ci il Təbriz üsyanı. S. 31.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ ناج ابرذا يروهمج و ناريا اواقطنم تابسانم هب اهانگن). راقفق زارف رب نافوت. بتاى ب هواك يس امل پيد خيرات و دانسا زكرت . (1917–1921) لالاققتسا تسخن هرود رد ناتس جرگ و ناتس نمرا 1388-نارهت ص - 23.

¹⁸ Цит. по: Ашев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 88.

¹⁹ Иванов М. С. Новейшая история Ирана. С. 28.

С целью налаживания отношений большевики направили в Иран в качестве официального представителя РСФСР Н. З. Бравина, прибывшего в Иран 18 января 1918 г. Переговоры с Бравиным вызвали у демократически настроенных иранских политиков желание наладить отношения с большевистским правительством. Тем более что последнее Брест-Литовским договором 1918 г. официально признало независимость Ирана²⁰ (правда, большевики не спешили объявлять о денонсации договоров, заключенных с Ираном во времена царской России). Опасаясь сближения Ирана с Россией, Великобритания пообещала признать независимость Ирана, отменить соглашение 1907 г. и оказать финансовую помощь, чтобы предотвратить приход большевиков в Иран. Но, с другой стороны, для противодействия Советской России и Турции англичане в марте 1918 г. перебросили свои войска под руководством генерал-майора Л. Денстервиля на северо-восток Ирана. Полный вывод русских войск из Ирана весной 1918 г. позволил англичанам занять весь Иран, в том числе и его северную часть, ранее подконтрольную России. Целью своего продвижения на север Англия называла защиту правящей династии от мятежей²¹.

Воспользовавшись историческими обстоятельствами, иранские власти попытались избавиться от влияния иностранных сил. 27 июля 1918 г. премьер-министр Самсам-ос-Салтане объявил о недействительности договоров Ирана с Россией и другими странами²². Это встревожило англичан, стремившихся сохранить свое положение в Иране. Представитель Великобритании в Тегеране Марлинг, которому сразу же удалось встретиться с шахом, расценил это действие как объявление войны Англии²³. В результате британское правительство добилось отставки Самсам-ос-Салтане и заменило его на посту премьер-министра пробританским политиком Восуг-эд-Доуле.

Заключение. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в Иране сложилась сложная общественно-политическая ситуация, которая отражала интересы империалистических государств. Полуколониальное положение привело к консервации в стране феодальных отношений. Несмотря на то что Иран считался суверенным государством, он фактически попал в финансовую и политическую зависимость от иностранных государств, прежде всего Англии и России, что послужило причиной роста недовольства населения и появления революционного движения в стране. Хотя Иран и заявил о своем нейтралитете в Первой мировой войне, однако его территория стала полем битвы Антанты и Четверного союза. В конце войны, после революций 1917 г. в России, русские покинули Иран, но англичане, воспользовавшись ситуацией, напротив, укрепили здесь свои позиции, что вызвало массовые протесты против политики Каджаров.

²⁰ *Yılmaz Karadeniz. İran tarihi (1700–1925). İstanbul, 2012. С. 495.*

²¹ *Алиев С. М. Указ. соч. С. 94.*

²² *Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон, 1985. С. 41–42.*

²³ Там же.

Зависимость Ирана от империалистических государств ускорила процесс пробуждения национального самосознания. Это, в свою очередь, стало проявляться в становлении персидского национализма и требованиях защиты государственных интересов во внешней политике. Все эти факторы оказали серьезное влияние на внешнюю политику иранского правительства, что проявилось в дальнейшем именно в отношении Азербайджана.

Литература

1. Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М.: Наука, 1970. 210 с.
2. Агаев С. Л., Пластун В. Н. Вопросы коммунистического и национального-освободительного движения в Иране в 20-х годах // Коминтерн и Восток: критика критики: против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении / [отв. ред. проф. Р. А. Ульяновский]. М.: Наука, Глав. ред. вост. л-ры, 1978. С. 245–295.
3. Алиев С. М. История Ирана. XX век. М.: Крафт+, 2004. 648 с.
4. Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон: Overseas Publications Interchange LTD, 1985. 242 с.
5. Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: МГИМО, 1957. 560 с.
6. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М.: Мысль. 1965. 255 с.
7. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 468 с.
8. Иванова М. Н. Национально-освободительное движение в Иране в 1918–1922 гг. М.: Наука, 1961. 181 с.
9. История Ирана / отв. ред. М. С. Иванов. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 488 с.
10. Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока / [отв. ред. М. С. Иванов]; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. 230 с.
11. Nəşənov N. İranın yeni tarixi (1870–1917-ci illər). Dərs vəsaiti. Bakı: ADU-nun nəşri, 1973. 215 s. (На азерб. яз.).
12. Tağıyeva, Ş. XIX əsrin sonu və XX əsrin əvvəllərində İran kəndlilərinin vəziyyəti. Bakı: Elm, 1969. 199 s. (На азерб. яз.).
13. Tağıyeva Ş. Ə. 1920-ci il Təbriz üsyanı. Bakı: Elm, 1990. 148 s. (На азерб. яз.).
14. Yılmaz Karadeniz. İran tarihi (1700–1925). İstanbul: Selenge Yayınları, 2012. 590 s. (На азерб. яз.).
15. یرههجم و نارای ایهقطنم تابسانم هب یهآگن . (راقفق زارف رب نافوت . بتایب هواک خیرات و دانسا زکرت . لالقتسا تسخن هرود رد ناتسجرگ و ناتسنمرا ناجابرذا 1917–1921) [Баят Каве. Буря над Кавказом. Взгляд на региональные отношения между Ираном и Азербайджанской Республикой, Арменией и Грузией в первый период независимости, 1917–1921 гг. Тегеран: Изд. Министерства иностранных дел, 1388 (2009). 458 с. (На перс. яз.).

References

1. Agaev S. L. Iran v period politicheskogo krizisa 1920–1925 gg. (Voprosy vneshnei politiki) [Iran during the political crisis of 1920–1925. (Issues of foreign policy)]. Moscow: Nauka, 1970. 210 p. (In Russ.).
2. Agaev S. L., Plastun V. N. Voprosy kommunisticheskogo i natsional'nogo-osvoboditel'nogo dvizheniia v Irane v 20-kh godakh [Questions of the communist and national liberation movement in Iran in the 20s] // Komintern i Vostok: kritika kritiki: protiv fal'sifikatsii leninskoii strategii i taktiki v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii / [otv. red. prof. R. A. Ul'ianovskii]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978. P. 245–295. (In Russ.).
3. Aliev S. M. Istoriiia Irana. XX vek [History of Iran. XX century]. Moscow: Kraft+, 2004. 648 p. (In Russ.).
4. Volodarskii M. I. Sovety i ikh iuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933) [Soviets and their southern neighbors Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1985. 242 p. (In Russ.).
5. Ivanov M. S. Iranskaia revoliutsiia 1905–1911 godov [Iranian Revolution 1905–1911]. Moscow: MGIMO, 1957. 560 p. (In Russ.).
6. Ivanov M. S. Noveishaia istoriia Irana [Modern history of Iran]. Moscow: Mysl'. 1965. 255 p. (In Russ.).
7. Ivanov M. S. Ocherk istorii Irana [Essay on the History of Iran]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952. 468 p. (In Russ.).
8. Ivanova M. N. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Irane v 1918–1922 gg. [National liberation movement in Iran in 1918–1922]. Moscow: Nauka, 1961. 181 p. (In Russ.).
9. Istoriiia Irana [History of Iran] / otv. red. M. S. Ivanov. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1977. 488 p. (In Russ.).
10. Natsional'nye protsessy v stranakh Blizhnego i Srednego Vostoka [National processes in the countries of the Near and Middle East] / [otv. red. M. S. Ivanov]; AN SSSR. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia. Moscow: Nauka, 1970. 230 p. (In Russ.).
11. Həsənov N. İranın yeni tarixi (1870–1917-ci illər). Dərs vəsaiti [A new history of Iran (1870–1917). Teaching aids]. Bakı: ADU-nun nəşri, 1973. 215 s. (In Azerbaijani).
12. Tağıyeva Ş. XIX əsrin sonu və XX əsrin əvvəllərində İran kəndlilərinin vəziyyəti [The situation of Iranian peasants in the late XIX and early XX centuries]. Bakı: Elm, 1969. 199 s. (In Azerbaijani).
13. Tağıyeva Ş. Ə. 1920-ci il Təbriz üsyanı [Tabriz uprising of 1920]. Bakı: Elm, 1990. 148 s. (In Azerbaijani).
14. Yılmaz Karadeniz. İran tarihi (1700–1925) [History of Iran (1700–1925)]. İstanbul: Selenge Yayınları, 2012. 590 s. (In Azerbaijani).
15. Bayāt Kāveh. Storm in the Caucasus. A Glance at the Iranian Regional Relations with the Republics of Azerbaijan, Armenia and Georgia in the first period of Independence 1917–1921. Tehran: Ministry of Foreign Affairs publication, 1388 (2009). 458 p. (In Persian).

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.10

Скрипкин Иван Николаевич

кандидат педагогических наук

Липецкий казачий институт технологий
и управления (филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)

Липецк, Россия

ivan-skripkin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4276-2081

РУСЬ, ВАРЯГИ, УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Аннотация. Почему так живуч норманизм? Это вопрос не столько академический, относящийся исключительно к сфере исторической науки, ее методологическим основам, сколько учебно-воспитательный, и связан он с тем, что в учебниках истории из поколения в поколение рассказывают ребятам о том, как норманны основали Русское государство.

Является ли это проблемой? Да. Ибо у подрастающего поколения не формируется чувство национальной самодостаточности. Наоборот, прославление норманизма в учебниках истории ведет к формированию преклонения перед всем иностранным, прежде всего западным. Это приводит к тому, что многие россияне считают необходимым слепо копировать все те процессы, которые происходят в Европе. Формируется и обратная реакция: у европейцев возникает желание поучать русских, менторским тоном объяснять что такое хорошо, а что такое плохо.

Пока не удастся сломить сложившуюся тенденцию отражения в учебниках истории вопроса образования Руси, говорить о полноценном процессе воспитания патриотизма среди подрастающего поколения невозможно.

Необходимо при этом не голословно рассуждать о вышеуказанной проблеме, а на примере конкретных фактов показывать, как в учебниках истории закладываются представления о неспособности восточных славян создать собственное государство. Это является основной целью настоящего небольшого исследования.

Как только мы начнем пролистывать учебники истории разных лет, мы увидим, как подспудно, не напрямую, но прослеживается мысль о том, что без помощи варягов-

норманнов восточные славяне и финно-угорские народы, ставшие неотъемлемой составляющей русского этноса, не могли создать своего государства.

Это утверждение, с нашей точки зрения, необходимо менять. Во всяком случае, обозначать разные подходы в исторической науке о процессе политогенеза на просторах Русской равнины, а не заканчивать рассуждения только пересказом норманнской теории.

Ключевые слова: национальное самосознание, государственность, история, учебники истории, норманизм, антинорманизм, воспитание.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.10

Skripkin Ivan N.

Candidate of Pedagogical Sciences

Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch)

of K. G. Razumovsky Moscow State University

of Technologies and Management (the First Cossack University)

Lipetsk, Russia

ivan-skripkin@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4276-2081

RUS, VARANGIANS, HISTORY TEXTBOOKS AND NATIONAL IDENTITY

Abstract. Why is Normanism so tenacious? This is not so much an academic question, which relates exclusively to the field of historical science, its methodological foundations, as an educational one, and it is connected with the fact that in history textbooks from generation to generation they tell children about how the Normans founded the Russian state.

Is this a problem? Yes. For the younger generation does not form a sense of national self-sufficiency. Conversely. The glorification of Normanism in history textbooks leads to the formation of worship for everything foreign, especially Western. This leads to the fact that in the eyes of many Russians, they should blindly copy all the processes that are taking place in Europe. A reverse reaction is also formed: Europeans have a desire to teach Russians, to explain in a mentoring tone what is good and what is bad.

Until it is possible to break the established trend of reflecting the issue of education of Russia in history textbooks, it is impossible to talk about a full-fledged process of forming patriotism among the younger generation.

At the same time, it is necessary not to talk unfounded about the above problem, but to show by the example of concrete facts how the ideas about the inability of the Eastern Slavs to create their own state are laid down in history textbooks. This is the main purpose of this small study.

As soon as we start scrolling through history textbooks of different years, we will see there how, implicitly, not directly, but the idea is traced that without the help of the Norman Vikings, the Eastern Slavs and Finno-Ugric peoples, who became an integral part of the Russian ethnoses, could not create their own state.

This statement, from our point of view, needs to be changed. In any case, it is necessary to designate different approaches in historical science about the process of politogenesis

in the expanses of the Russian plain, and not to end the reasoning only with a retelling of the Norman theory.

Keywords: national identity, statehood, history, history textbooks, Normanism, anti-Normanism, education.

Введение. В нашей стране очень любят порассуждать о патриотизме, о том, что его необходимо воспитывать в школе. Поэтому создаются программы, проводятся мероприятия, делаются отчеты. Определенных целей в системе образования по формированию патриотизма как базовой ценности в национальном самосознании удается достичь. Между тем все равно остается какая-то неудовлетворенность полученными результатами. Действительно, в российском самосознании есть определенное самоуничижение, некое чувство неполноценности и даже какой-то ущербности. Особенно по отношению к Западу. И уж, конечно, для нас все западное — синоним качества, а все российское — синоним «держится и слава Богу!».

Откуда подобное отношение к собственному Отечеству? Когда задается такой вопрос, все взоры обращаются на учителя истории, на плечи которого возложена основная миссия по воспитанию будущих патриотов Отечества. Но учитель очень часто является заложником учебно-методической литературы, которая используется в школе или подбирается им лично. И здесь есть свои проблемы. Прежде всего, они связаны с политикой, проводимой государством в сфере образования. Так, например, в Советском Союзе история и как наука, и как школьная дисциплина превратилась в «служанку идеологии». Соответственно, издавались учебники, иная литература, которая прославляла идеи коммунизма, борьбы рабочего класса за освобождение от эксплуатации правящего класса буржуазии и т. д. В период перестройки это стало вызывать раздражение, особенно у интеллигенции, призывавшей не стесняться рассказывать молодежи «историческую правду», не разбавляя и не смягчая факты. Как нами уже было отмечено, «в 90-е годы на волне демократизации общественной жизни и борьбы с тоталитарным прошлым история как школьный предмет перестала выполнять свою традиционную роль воспитателя патриотизма у подрастающего поколения. В организационно-методическом плане это привело к появлению многих учебников, авторы которых излагали историю так, как они сами ее понимали, придерживаясь той или иной научной концепции, или выполняя заказ. Что касается последнего: при поддержке Фонда Д. Сороса было выпущено огромное количество литературы, которая постепенно, но настойчиво внушала молодому поколению идею о том, что Россия была деспотическим государством и только с приходом к власти Б. Н. Ельцина у страны появилась возможность построить демократию и сблизиться с ведущими странами мира, так сказать “влииться в семью цивилизованных наций”»¹. Как итог изменения

¹ Skripkin I. N. The concept of a new educational-methodical complex on national history: a new look or a return to tradition // European Journal of Natural History. 2016. № 4. P. 122. Цитата приведена в переводе автора.

государственной политики в сфере образования в 1990-е гг. появилось огромное количество учебников истории, многие из которых вызывали, мягко говоря, удивление у практикующих педагогов. Неслучайно в нулевые активно стали говорить о едином учебнике истории.

Единого учебника пока нет, но определенная унификация позиций преподавания материала была сделана. Речь идет об историко-культурных установках, которые в условиях отсутствия содержательного компонента в новых образовательных стандартах для общего образования² были призваны ориентировать учителей, методистов, авторов учебников по процессу преподавания истории в школе. В концепции было указано, что «патриотическая основа исторического изложения имеет цель воспитать у молодого поколения чувство гордости за свою страну, за ее роль в мировой истории, с одновременным пониманием, что в историческом прошлом России были и огромные достижения, и успехи, но также и ошибки, и просчеты»³. Безусловно, это правильная позиция. Можно и нужно обсуждать самые сложные вопросы родной истории. Но при этом нужно помнить, что, когда мы говорим о чувстве гордости, то оно формируется благодаря воспеванию подвигов предков, даже если это и небольшие деяния. И совсем по-другому формируется отношение к своей родной стране, если само ее возникновение является побочным продуктом деятельности другого народа. А ведь именно так трактует начало Руси норманизм. Таким образом, представляется актуальным заострить внимание научного сообщества и общественности в целом на этой, с нашей точки зрения, немаловажной проблеме.

К тому же, несмотря на огромный пласт научных работ, вызванных острой и жаркой дискуссией между норманистами и антинорманистами, посвященных ранней истории Руси, работ, которые бы затрагивали методологические подходы к преподаванию темы начальной истории Руси, как в исторической, так и педагогической науке, явно недостаточно. Например, можно указать на статью А. П. Шевырева⁴, но она написана с позиции общих размышлений

² В том числе и обновленных в соответствии с приказом от 31 мая 2021 года № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями на 8 ноября 2022 года)», в котором в разделе «Требования» крайне общо сказано, что выпускник должен знать следующую информацию: «Образование Руси: Исторические условия образования государства Русь. Формирование территории. Внутренняя и внешняя политика первых князей. Принятие христианства и его значение. Византийское наследие на Руси» (Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607175848> (дата обращения: 23.11.2023)).

³ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (утверждена решением коллегии Министерства просвещения Российской Федерации 23 октября 2020 г. № ПК-1вн). URL: https://instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf (дата обращения: 23.11.2023).

⁴ Шевырев А. П. Тенденции развития учебной литературы по истории в России // Преподавание истории в школе. 2000. № 7. С. 59–74.

о методологии написания учебников по истории. С аналогичных позиций написаны работы Л. А. Кацвы⁵.

Следовательно, представляется нелишним еще раз пробежаться по некоторым учебникам истории разного периода времени, чтобы выявить тенденцию преподнесения вопроса начала Руси школьникам. Учебники истории, таким образом, составляют источниковую базу и объект исследования в настоящей работе.

Ход и результаты исследования. Идея о принадлежности варягов к скандинавским народам, когда-то выдуманная шведом П. Петреем и подхваченная затем уже на русской почве немцами Г. Байером и Г. Миллером, господствует в нашей науке уже почти 300 лет и настойчиво убеждает русских, что их предки не смогли создать своего государства без помощи норманнов.

Впрочем, как нами уже было указано, норманизм может быть разным⁶. В отдельные периоды его существования славянам все же позволялось добраться до предгосударственной стадии развития и лишь немного не дотянуть до того момента, когда возникнет оно — государство, остававшееся то ли подарком, то ли побочным продуктом деятельности норманнов на Восточно-Европейской равнине. И эта мысль настойчиво внушается подрастающим поколениям в учебниках истории. Остановимся на самых популярных из них.

К таковым относится линия учебников под редакцией А. А. Данилова. Эта линия выдержала в последнее время несколько переизданий (последняя линейка под общей редакцией А. В. Торкунова⁷). Так, в учебнике «История России. С древнейших времен до конца XVI в. 6 класс», изданном в 2009 г., начальная история Руси представлена как процесс контактов норманнов с аборигенами — славянскими и финно-угорскими племенами. Первые активно торговали, используя путь «из варяг в греки», заводили на землях восточных славян свои торговые места, оседали здесь, обкладывали местное население данью. Русы — это та часть норманнов, которая осела в землях восточных славян. Проживая рядом со славянами, русы постепенно смешивались с местным населением, перенимая их язык и обычаи. Некоторые восточнославянские города стали приглашать к себе за небольшую плату вооруженные отряды русов во главе с военачальниками — князьями. Наемных скандинавских воинов восточные славяне называли варягами⁸.

⁵ Кацва Л. А. Преподавание истории в современной Российской средней школе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 148–163. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-istorii-v-sovremennoy-rossiyskoy-sredney-shkole-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 25.12.2023); *Его же*. Древняя Русь в современных школьных учебниках // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 50–81.

⁶ См.: Скрипкин И. Н., Шкурат П. А. «Варяжский вопрос» как предмет спора ученых-историков: подходы, дискуссии, результаты // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 4. С. 13–18.

⁷ См., например: История России. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. / [Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, П. С. Стефанович, А. Я. Токарев]; под ред. А. В. Торкунова. Ч. 1. М., 2016.

⁸ Данилов А. А. История России. С древнейших времен до конца XVI в. 6 класс: учеб. для общеобразовательных учреждений. М., 2009. С. 15–17.

Вот так просто внушается школьникам, что русская государственность появилась в результате милости норманнов, которые передавали славянам премудрости военного искусства (даже в военных качествах славянам в данном случае отказано). На просторах Восточно-Европейской равнины, согласно тексту учебника, из конца в конец ее, практически не замечая славян, торговали скандинавы. Потом стали селиться. Иногда и рядом со славянами. И почему-то стали возглавлять их отряды, создавать так называемую верхушку.

Проанализировав эти строчки, остается удивляться тому, насколько регрессировал воспитательный потенциал учебников русской истории в наше время, примером чего является отражение концепции начала Руси в ультралиберальном духе, духе А. Шлецера, представлявшего славян до призвания Рюрика полудикими народами, которые без «германского духа» не смогли подняться до стадии возникновения государства⁹.

Регрессивность воспитательного потенциала учебников по родной истории нарастала на протяжении всего XX в. Этот факт можно легко констатировать, проанализировав учебники предшествующих эпох.

Так, в советское время, когда в исторической науке царил так называемый советский антилиберализм¹⁰, т. е. либерализм, прикрытый марксистской фразеологией, в учебниках для младших и средних классов также прямо говорилось о том, что варяги — это скандинавы. Например, в учебнике для четвертого класса под редакцией А. В. Шестакова (издан в 1955 г.) сказано, «что в IX в. на земли славян, живших вокруг Новгорода и по Днепру, совершали набеги разбойничьи шайки варягов — жителей Скандинавии»¹¹. Далее указывается, что «славяне вместе с соседними племенами часто восставали против варягов-грабителей и прогоняли их за море. Но отдельным варяжским дружинам удавалось возвращаться на славянские земли и подчинять себе местных славянских князей, облагать население данью»¹². Тональность текста данного учебника сводит процесс образования государства у восточных славян к мелким стычкам со скандинавами. Тем не менее в заключение авторы все же указывают, что «варяжские князья и дружинники не обладали более высокой культурой, чем славяне. Они скоро смешались со славянами и усвоили их язык, веру, имена, обычаи»¹³.

⁹ См.: Шлецер А. Л. Нестор: руския летописи на древле-славенском языке / сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлэцером; перевел с немецкаго Дмитрий Языков. Ч. 1: [Руский времянник на древле-славенском языке. Переведенный и объясненный. Вступление в рускую историю, до пришествия Рурика в 862 году]. СПб., 1809.

¹⁰ Советская историография 1940–1980 гг., провозгласив либерализм антинаучной теорией, по существу оставалась на его позициях, так как признавала норманнское происхождение Рюрика и правящей династии в целом. В связи с вышеназванными обстоятельствами мы вправе сделать вывод о том, что под знаменем антилиберализма в советский период укреплял свои позиции либерализм, который органично вписался в марксистское понимание исторического процесса и занял в нем скромное место, не утратив основных своих постулатов о либеральности варягов и норманнском происхождении княжеской династии.

¹¹ История СССР. Краткий курс: учеб. для 4-го класса / под ред. А. В. Шестакова. М., 1955. С. 15.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Удивительно, но более объективным и патриотичными оказываются учебники истории начала XX в., когда в науке безраздельно господствовал норманизм. Например, в учебнике А. О. Турцевича (издан в 1913 г.) ни слова не говорится об этносе варягов. Автор, не вдаваясь в разъяснения неясных мест летописи с норманистских позиций, старается максимально корректно отразить процесс образования государства: «Русское государство, по рассказу нашей летописи, возникло следующим образом. Варяги, пришельцы из-за моря, наложили дань на ильменских славян, кривичей и соседних с ними финнов. Славяне скоро изгнали варягов и стали управлять сами собою...». Затем состоялось посольство и приход варяжских князей¹⁴. Подобным же образом написан учебник Ф. И. Титова (издан в 1914 г.), где также ничего не сказано об этносе варягов. Автор лишь отмечает, что новгородцы призвали варяжских князей для обустройства. Варяги, явившиеся для устройства Русского государства, были народ чрезвычайно предприимчивый и отважный¹⁵. Автор больше внимания уделяет мотивам призвания варягов, а не определению их этноса. Например, советам новгородского старейшины Гостомысла. Более пространно, но также без определения этноса варягов, говорил в дореволюционное время о начале Руси М. Острогорский¹⁶.

Встречаются в дореволюционных учебниках и ультранорманистские позиции. Например, этим отличается учебник Н. А. Рожкова, адресованный ученикам средних учебных заведений. Автор сразу же акцентирует внимание юных читателей на деяниях скандинавов на просторах Русской равнины¹⁷.

Как мы видим, по-разному, но в едином концептуальном русле школьникам рассказывали, как пришлые норманны основали Русское государство и возглавили его, основав могущественнейшую династию Европы. Вот так втолковывается подрастающему поколению идея о том, что восточные славяне, неспособные внутри своего сообщества решить возникающие проблемы, обращаются за помощью к иностранцам. И дело здесь даже не в том, патриотично это или нет, а в том, что вопреки элементарной корректности (так как вопрос еще не до конца выяснен и по этническому происхождению варягов до сего дня идут споры в науке) авторы учебников без знаков вопроса, с полной уверенностью внушали школьникам тот факт, что призванные варяги были родом не откуда-нибудь (в науке, кстати, таких мест изначальной локализации варягов очень много), а именно из Скандинавии.

Из всего многообразия учебной литературы для школьников, в которых родиной варягов названа Скандинавия, нам встретился учебник С. Ф. Платонова,

¹⁴ Краткий учебник русской истории с портретами, рисунками и картами / составил А. О. Турцевич. 7-е изд. Вильно, 1913. С. 2.

¹⁵ *Титов Ф. И.* Отечественная история церковная и гражданская. СПб., 1914. С. 29–30.

¹⁶ Учебник Русской истории с рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения. Элементарный курс для средних учебных заведений и городских училищ / составитель М. Острогорский. 28-е изд. Пг., 1916. С. 25.

¹⁷ *Рожков Н. А.* Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. 7-е изд. Пг., 1922. С. 14–15.

который несколько по-ученому и не в классической форме излагал события начальной истории России. Пересказав сведения летописи, автор акцентировал внимание на том, что русь — варяжское племя, но при этом предостерегая делать поспешные выводы, так как в летописи не все ясно и достоверно. Во-первых, по рассказу летописи, Рюрик с варяжским племенем русью пришел в Новгород в 862 г. Между тем известно, что сильное племя русь воевало с греками на Черном море на двадцать лет раньше. Следовательно, хронология неверна. Во-вторых, по летописи выходит так, что русь была одним из варяжских, т. е. скандинавских, племен. Хотя также известно, что греки не смешивали знакомое им племя русь с варягами; также и арабы, торговавшие на Каспийском побережье, знали племя русь и отличали его от варягов, которых они звали «варангами»¹⁸. Стало быть, резюмировал автор, летопись, признав русь за одно из варяжских племен, сделало какую-то ошибку или неточность¹⁹. Проявляя объективность, Платонов в примечаниях говорит о норманнской и славянской школах, формулирует их основные постулаты²⁰. В заключение ученый подводит, согласно своим воззрениям, итог дискуссиям о происхождении как слова «русь», так и Русского государства: «“Русью” в древности наши предки называли не отдельное варяжское племя, ибо такового и не было, а варяжские дружины вообще ... у славян название “русь” означало прежде всего тех заморских варягов-шведов, которых финны звали *ruotsi*»²¹. Таким образом, мы видим, что, оставаясь норманистом, ученый стремится проявить научную объективность в своем учебнике и приводит разные концепции начала Руси.

В таком же русле написаны знаменитые учебники Д. И. Иловайского. В историографии ученого обычно причисляют к антинорманистам, отстаивающим славянскую этимологию термина «русь». В своих учебниках он занимает более умеренную и выверенную позицию. Во-первых, он обозначает разные точки зрения на процесс происхождения Русского государства и на этническую принадлежность варягов и руси. Варяжское сказание представлено у него как легенда, которую он пересказывает и критикует, указывая на то, что «варяги только в X веке появляются на Руси как наемное войско, и только в следующем XI веке они в качестве наемников встречаются и в службе византийских императоров под именем варангов»²². Говоря о том, что русь является не только автохтонным, но и славянским племенем, автор справедливо замечает, что русы поклонялись славянским божествам и говорили на славянском языке, о чем свидетельствуют договоры с греками²³.

¹⁸ Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы: курс систематический: в 2 ч., с приложением 8-ми карт. 9-е изд., доп. Пг., 1917. Ч. 1. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же. С. 21.

²² Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/ilowajskij_d_i/text_1860_kratkie_ocherki_russkoy_istorii.shtml (дата обращения: 23.11.2023).

²³ Там же.

Особым явлением в учебной литературе по истории является учебник А. А. Преображенского и Б. А. Рыбакова²⁴, в котором акцент делается на истории Южной Руси и излагается версия происхождения слова «русь» от реки Рось, впадающей в Днепр, недалеко от Киева.

Из современных учебников для школьников, где бы вопрос происхождения Русского государства освещался с антинорманистских позиций, нам встретился только один — учебник А. Н. Сахарова и В. И. Буганова для 10-го класса (издан в 2000 г.). В нем говорится, что имя «русь» было известно задолго до призвания варягов. «Летопись точно указывает “адрес” этих русов-варягов — южные берега Балтики»²⁵. В редакции учебника 2012 г. А. Н. Сахаров более пространно обозначает процесс складывания Русского государства как объединение двух суперсоюзов племен: они сформировались в Среднем Поднепровье во главе с Киевом и в северо-западном районе во главе с городами Ладогой и Новгородом. Следуя тексту летописи, ученый акцентирует внимание учащихся на том, что «варяги... сидят к востоку от западных народов, по южному берегу Варяжского (Балтийского) моря. *А славяньский и русский одно есть*, — подчёркивает летописец. Это значит, что князья, приглашённые ильменскими словенами и кривичами, были им родственны»²⁶. По опыту можем смело утверждать: подобные оценки вызывают недоумение у обучающихся, так как они привыкли к тому, что варяги — это скандинавы. Иные версии вызывают вопросы. А потом, после всех разъяснений, обращения к источникам, искреннее недоумение: почему так? Пока ответить на этот вопрос невозможно.

В современных учебниках для среднего профессионального образования авторы также пытаются охарактеризовать основные версии происхождения Русского государства. Определенной тенденцией является уход от характеристики авторской позиции по этому вопросу и даже определения этноса варягов и русов²⁷.

Рассмотрим теперь, как трактуется вопрос о начале Руси в пособиях для абитуриентов и учебниках для студентов.

В учебнике под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева (издан в 1947 г.) сказано, что «в IX в. во всей Европе и в частности на территории восточных славян действовали норманны, или варяги (варанги), как звали их византийцы и славяне»²⁸. Получается, что до призвания норманны

²⁴ См.: Преображенский А. А., Рыбаков Б. А. История Отечества с древнейших времён до конца XVIII в. 6–7 классы: учебник. 2-е изд. М., 1997.

²⁵ Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. 6-е изд. М., 2000. С. 35.

²⁶ Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII века. Ч. 1: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 10-е изд. М., 2012. С. 32.

²⁷ См.: Артемов В. В., Лубченков Ю. Н. История Отечества: С древнейших времен до наших дней: учебник для студ. сред. проф. учеб. заведений. 6-е изд., доп. М., 2004. С. 6–7.

²⁸ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. М., 1947. С. 72.

играли большую роль, а вот после они большого влияния на дальнейшую историю восточных славян не оказали, даже несмотря на то, что в Новгороде, а затем и в Киеве утвердилась варяжская династия Рюрика. Почему так? Авторы объясняют это тем, что в культурном отношении варяги не стояли выше славян и, попав в славянскую среду, очень быстро «ославянились»²⁹. Несмотря на утверждение о принадлежности варягов к скандинавскому миру, авторы убеждены в том, что «тенденциозная “норманская теория” происхождения Русского государства сейчас потеряла научное значение»³⁰.

Авторы пособия для абитуриентов Н. С. Борисов, А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов (издано в 1995 г.) обходят вопрос об этническом происхождении варягов, указывая лишь на приглашение Рюрика и объединение Олегом Новгорода и Киева³¹.

В пособии для поступающих в вузы под редакцией И. Я. Фроянова (издано в 1997 г.) в разделе, посвященном образованию государства у восточных славян, авторы жалеют бедных славян, ибо они были окружены врагами и самыми страшными были норманны. Далее авторы объясняют абитуриентам: «чудь, славяне, кривичи и весь обратились к жителям Скандинавского полуострова — варягам, как их называли на Руси: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”»³² (напомним, что у летописца нигде не сказано, что посольство отправилось в Скандинавию, но во всех учебниках авторы априори утверждают, что славяне иной дороги, кроме как в Скандинавию, не знали).

А. П. Деревянко и Н. А. Шабельникова, изложив суть разных теорий начала Руси, тут же замечают: «Проблема варягов (норманнов) — это проблема общеевропейская. Варяжские “волны” из Скандинавии шли в двух направлениях: одна — по Днепру, другая — по западной окраине Европы — и встречались в Константинополе. Походы викингов на Запад носили важный характер. Никто на Западе не приглашал норманнов, они приходили сами, и тем более, будучи отсталым народом, варяги, естественно, не принесли государственности ни одному народу Запада. Завоевав ряд государственных образований в Западной Европе, норманны постепенно растворились среди местного населения. Такой же процесс происходил и на славянской территории»³³. Как мы видим, акценты в данном пособии расставлены несколько по-иному. С одной стороны, варяги и норманны идентифицируются, сравниваются их набеги на Европу и славянские земли (хотя, кроме строчек Варяжского сказания, летопись ни о каких набегах викингов

²⁹ Там же. С. 73.

³⁰ Там же. С. 74.

³¹ См.: Борисов Н. С., Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Ключ к истории Отечества: пособие для абитуриентов. 2-е изд., доп. М., 1995. С. 3–4.

³² История России от древнейших времен до начала XX в. / под ред. И. Я. Фроянова. М., 1997. С. 35.

³³ Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 44.

на земли восточных славян не знает), а с другой стороны, их роль в создании Русского государства вообще непонятна: если не они повлияли на политогенез в среде восточных славян, то тогда зачем их вообще упоминать, ведь в других событиях ранней русской истории роль варягов ничтожна.

В новом пособии В. Я. Хуторского для подготовки к ЕГЭ, указывается, что «платили они дань варягам (норманнам, скандинавам), но в один прекрасный день поднялись и прогнали их “за море”. Свобода не принесла счастья: “встал род на род”. Тогда победители пошли “к варягам, к руси”». Из этого, разумеется, следует, что отправили свое посольство в Скандинавию³⁴.

Апофеозом норманизма в современной учебной литературе смело можно признать учебное пособие для абитуриентов гуманитарных вузов и учащихся старших классов, предназначенное для углубленного изучения отечественной истории и отразившее «новейшие открытия мировой исторической науки», автором которого является Р. Г. Скрынников. Он считает, что неправомерно говорить о быстрой ассимиляции норманнов в славянской среде, ссылаясь при этом на договоры Олега с греками, где представлены имена княжеских дружинников, которые можно трактовать, как он уверяет, исключительно как норманнские. А потому говорить о Руси славянской можно только начиная с Владимира. А до него Древней Руси в привычном нам понимании не существовало, а вместо нее было особое государство, первооткрывателем которого можно назвать самого Скрынникова, так как до него ни один источник такого государства не знает, а именно Восточно-Европейская Нормандия³⁵.

Заключение. И что же у нас получается? Получается, что подрастающему поколению априори навязывают единственную трактовку процесса образования Руси — норманистскую, вопреки даже принципам научности при написании учебника, согласно которым учебник должен отражать достижения науки на момент написания и издания. В науке нет однозначной оценки процесса образования Руси. Многие авторы на это указывают. Но при этом акцентируют внимание лишь на одной из них.

Правда позитивные сдвиги в исправлении грубейшей методологической ошибки есть. Это проявляется как в том, что все большее количество учебников знакомят читателей с разными концепциями образования Руси, так и в том, что были допущены к выходу учебники, в которых отражена антинорманистская концепция начала Руси. Кроме того, следует подчеркнуть, этот процесс отражен и в уже упоминавшемся историко-культурном стандарте. Достаточно сравнить две его редакции — за 2009 и 2020 гг.

³⁴ Хуторской В. Я. История России IX–XX века: пособие для подготовки к ЕГЭ: причины и следствия: анализ событий с учетом новейших научных данных: со справочником «Кто, что, где, когда, как, почему» (краткие сведения о важнейших явлениях российской истории). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 11.

³⁵ Скрынников Р. Г. Русь IX–XVII века. М., 1999. С. 20–41.

В 2009 г. мы читаем: «В течение IX–X столетий все восточные славяне, а также ряд финноязычных народов, обитавших на Восточноевропейской равнине, были объединены под единой княжеской властью, *под главенством одной династии, варяжской (скандинавской) по происхождению (династия Рюриковичей)*³⁶. Сложилось государство, получившее название Русь или “Русская земля”, со столицей в Киеве»³⁷.

Текст 2020 г.: «В течение IX–X столетий все восточные славяне, а также ряд финноязычных и балтских народов, обитавших на Восточноевропейской равнине, были объединены *под единой княжеской властью, под главенством одной династии (Рюриковичей)*. Сложилось государство, получившее название Русь или “Русская земля”, со столицей в Киеве»³⁸. Таким образом, мы видим, что на государственном уровне произошли сдвиги и исчезла привязка варягов исключительно к скандинавскому миру. Считаю это положительной тенденцией, которую надо поддержать — сделать все, чтобы «новый ветер норманизма не затушил свечу научной объективности».

Вернемся к тому вопросу, с которого начали наше рассуждение. Так почему живуч норманизм? После всего сказанного остается удивляться тому, почему появляются историки, которые готовы, несмотря на тотальное господство норманизма в общественном и научном сознании, копаясь в источниках, выискивать новые и новые данные об ошибочности положений норманизма. Несомненно, потому, что правду не скрыть.

Литература

1. Артемов В. В., Лубченков Ю. Н. История Отечества с древнейших времен до наших дней: учеб. для студентов образоват. учреждений сред. проф. образования. 6-е изд., доп. М.: Академия, 2004. 360 с.
2. Борисов Н. С., Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Ключ к истории Отечества: пособие для абитуриентов. 2-е изд., доп. М.: Московский университет, 1995. 192 с.
3. Данилов А. А. История России. С древнейших времен до конца XVI в. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2009. 290 с.
4. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. С древнейших времен до конца XVI в. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. 5-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 2015. 288 с.

³⁶ Здесь и далее выделено мною. — *И. С.*

³⁷ Историко-культурный стандарт: проект [Электронный ресурс] / Рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Предвуниверсарий ГУУ: сайт. URL: <chrome-extension://efaidnbmnmbpcajpcglclefindmkaj/https://school.guu.ru/zadania-letostoria/standart.pdf> (дата обращения: 23.11.2023).

³⁸ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории: проект / Рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Институт российской истории РАН: сайт. URL: chrome-extension://efaidnbmnmbpcajpcglclefindmkaj/https://iran.ru/sites/default/files/Koncept_2013_10_30.pdf (дата обращения: 23.11.2023).

5. Деревянко А. П., Шабельникова Н. А. История России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 560 с.
6. История России с древнейших времен до начала XX века: пособие для абитуриентов / А. Ю. Дворниченко и др.; под ред. проф. И. Я. Фроянова. 2-е изд., испр. СПб.: Макет, 1998. 300 с.
7. История России. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1. / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 128 с.
8. История СССР. Краткий курс: учебник для 4-го класса / под ред. А. В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1955. 288 с.
9. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. М.: Госполитиздат, 1947. 744 с.
10. Кацва Л. А. Древняя Русь в современных школьных учебниках // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 50–81.
11. Преображенский А. А., Рыбаков Б. А. История Отечества с древнейших времен до конца XVIII в. 6–7 классы: учебник. 2-е изд. М.: Просвещение, 1997. 303 с.
12. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII века. Ч. 1: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 18-е изд. М.: Просвещение, 2012. 336 с.
13. Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. 6-е изд. М.: Просвещение, 2000. 304 с.
14. Скрипкин И. Н., Шкурат П. А. «Варяжский вопрос» как предмет спора ученых-историков: подходы, дискуссии, результаты // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 4. С. 13–18.
15. Скрынников Р. Г. Русь IX–XVII века. М.: Питер, 1999. 352 с.
16. Хуторской В. Я. История России (IX–XX века): пособие для подготовки к ЕГЭ: причины и следствия: анализ событий с учетом новейших научных данных: со справочником «Кто, что, где, когда, как, почему» (краткие сведения о важнейших явлениях российской истории). 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2020. 504 с.
17. Шевырев А. П. Тенденции развития учебной литературы по истории в России // Преподавание истории в школе. 2000. № 7. С. 59–74.

References

1. Artemov V. V., Lubchenkov Iu. N. Istoriia Otechestva s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Fatherland: From ancient times to the present day]: ucheb. dlia studentov obrazovat. uchrezhdenii sred. prof. obrazovaniia. 6-e izd., dop. Moscow: Akademiia, 2004. 360 p. (In Russ.).
2. Borisov N. S., Levandovskii A. A., Shchetinov Iu. A. Kliuch k istorii Otechestva: posobie dlia abiturientov [The key to the history of the Fatherland]: 2-e izd., dop. Moscow: Moskovskii universitet, 1995. 192 p. (In Russ.).
3. Danilov A. A. Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XVI v. [The history of Russia. From ancient times to the end of the XVI century]. 6 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. Moscow: Prosveshchenie, 2009. 290 p. (In Russ.).
4. Danilov A. A., Kosulina L. G. Istoriia Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XVI v. [The history of Russia. From ancient times to the end of the XVI century]. 6 klass:

ucheb. dlia obshcheobrazovat. organizatsii. 5-e izd., ispr. i dop. Moscow: Prosveshchenie, 2015. 288 p. (In Russ.).

5. Derevianko A. P., Shabel'nikova N. A. Istoriiia Rossii [History of Russia]: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2006. 560 p. (In Russ.).

6. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen do nachala XX veka [The history of Russia from ancient times to the beginning of the XX century]: posobie dlia abiturientov / A. Iu. Dvornichenko i dr.; pod red. prof. I. Ia. Froianova. 2-e izd., ispr. St. Petersburg: Maket, 1998. 300 p. (In Russ.).

7. Istoriiia Rossii [History of Russia]. 6 klass: ucheb. dlia obshcheobrazovat. organizatsii: v 2 ch. Ch. 1. / pod red. A. V. Torkunova. Moscow: Prosveshchenie, 2016. 128 p. (In Russ.).

8. Istoriiia SSSR. Kratkii kurs [History of the USSR. A short course]: ucheb. dlia 4-go klassa / pod red. A. V. Shestakova. Moscow: Uchpedgiz, 1955. 288 p. (In Russ.).

9. Istoriiia SSSR. T. 1. S drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [History of the USSR. Vol. 1. From ancient times to the end of the XVIII century] / pod red. B. D. Grekova, S. V. Bakhrushina, V. I. Lebedeva. Moscow: Gospolitizdat, 1947. 744 p. (In Russ.).

10. Katsva L. A. Drevniaia Rus' v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh // [Ancient Russia in modern school textbooks] // Istoricheskaia ekspertiza. 2016. № 1. P. 50–81. (In Russ.).

11. Preobrazhenskii A. A., Rybakov B. A. Istoriiia Otechestva s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the Fatherland from ancient times to the end of the XVIII century]. 6–7 klassy: ucheb. 2-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 1997. 303 p. (In Russ.).

12. Sakharov A. N. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century]. Ch. 1: ucheb. dlia 10 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii. 18-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 2012. 336 p. (In Russ.).

13. Sakharov A. N., Buganov V. I. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century]: ucheb. dlia 10 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii / pod red. A. N. Sakharova. 6-e izd. Moscow: Prosveshchenie, 2000. 304 p. (In Russ.).

14. Skripkin I. N., Shkurat P. A. «Variazhskii vopros» kak predmet spora uchenykh-istorikov: podkhody, diskussii, rezul'taty [The “Varangian question” as a subject of dispute between historians: approaches, debates, results] // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia. 2019. № 4. P. 13–18. (In Russ.).

15. Skrynnikov R. G. Rus' IX–XVII veka [Russia of the IX–XVII centuries]. Moscow: Piter, 1999. 352 p. (In Russ.).

16. Khutorskoi V. Ia. Istoriiia Rossii (IX–XX veka) [History of Russia (IX–XX centuries)]: posobie dlia podgotovki k EGE: prichiny i sledstviia: analiz sobytii s uchetom noveishikh nauchnykh dannykh: so spravochnikom «Kto, chto, gde, kogda, kak, pochemu» (kratkie svedeniia o vazhneishikh iavleniakh rossiiskoi istorii). 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: URSS, 2020. 504 p. (In Russ.).

17. Shevyrev A. P. Tendentsii razvitiia uchebnoi literatury po istorii v Rossii [Trends in the development of educational literature on history in Russia] // Prepodavanie istorii v shkole. 2000. № 7. P. 59–74. (In Russ.).

УДК 930.23

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.11

Киприянова Наталия Владимировна

доктор исторических наук, доцент

Владимирский государственный университет

им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Владимир, Россия

natvlad50@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1265-1831

РЕЦЕНЗИЯ НА:

**Черкасова М. С. Купец Г. М. Фетиев: исследование и архив:
монография / Государственный архив Вологодской области,
Северное отделение Археографической комиссии РАН.
Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с.**

UDC 930.23

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.11

Kipriyanova Nataliya V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Vladimir State University

Vladimir, Russia

natvlad50@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1265-1831

MONOGRAPH REVIEW:

**Cherkasova M. S. Kupets G. M. Fetiev: research and archive /
State Archive of the Vologda Region, Northern Branch
of the Archaeological Commission of the Russian Academy
of Sciences. Vologda: Antiquities of the North, 2020. 256 p.**

В 2020 г. членом Северного отделения Археографической комиссии РАН Мариной Сергеевной Черкасовой было опубликовано фундаментальное исследование о вологодском госте Г. М. Фетиеве. Гаврилка (Ганка) Мартынов Фетиев был представителем верхушки вологодских купцов, свидетельством чего является упоминание его имени на первом месте в группе вологжан в Новоторговом уставе 1667 г. (с. 35). Эта личность привлекала внимание историков уже в конце 20-х гг. XX в., но до настоящего времени, несмотря на научный интерес, обобщающих работ о знаменитом купце не было.

Рассматриваемый труд стал закономерным продолжением и углублением более ранних изысканий автора, проведенных в 2001–2019 гг., вследствие

чего некоторые предварительно сделанные выводы пришлось подкорректировать.

По свидетельству М. С. Черкасовой, «к этой книге автор шел почти 20 лет», и сама работа стала своеобразным ответом на краткое замечание в Вологодском «Краеведческом словаре» о том, что «подробности биографии [Фетиева] неизвестны» (с. 19).

Изучение предпринимательства, и в частности «торговой проблематики», стало одним из устоявшихся направлений отечественной исторической науки. За последние 15–20 лет, особенно после фундаментальных трудов Н. Б. Голиковой, эти исследования перешли на качественно новый уровень, используя более точечный, антропологически ориентированный подход.

Рассмотрение жизненного пути Г. М. Фетиева проведено автором на основе междисциплинарных методов, что позволило существенно расширить представления о провинциальных торговых людях в середине – второй половине XVII в. и сформулировать новые концептуальные положения. При анализе источников и литературы профессионально использован современный исследовательский инструментарий, применены методы экономической истории, новой социальной истории, истории повседневности, социальной психологии и исторической памяти.

Сама М. С. Черкасова определяет свой труд как комплексное архивоведческое, историко-биографическое и историко-генеалогическое исследование, восстанавливающее жизненный путь вологодского гостя (с. 15). В соответствии с данной методологической установкой в работе выделено две части, позволяющие выполнить поставленные задачи: часть I «Исследование» разделена на ряд мелких параграфов (с. 12–82), часть II «Архив: документальный состав и тексты» включает в себя публикацию 108 документов и пространный комментарий к ним (с. 82–235).

Во введении к монографии автором показана научная актуальность анализа жизненного пути, «личных качеств и стратегий» одного из богатейших русских предпринимателей XVII в. Помимо возможности привлечения нового источникового материала, накопившегося почти за столетие, важность темы определена еще и назревшей необходимостью более активного использования документов региональных архивохранилищ, «резервы которых для решения ряда кардинальных проблем истории Московской Руси далеко не исчерпаны» (с. 18).

Подобного рода исследования не являются принципиальным новшеством в отечественной историографии. Вместе с тем монография М. С. Черкасовой имеет важную отличительную черту. Для реконструкции биографии Г. М. Фетиева проведена не просто «без преувеличения подвижническая работа» нескольких поколений местных архивистов, но и скрупулезная работа самого автора по выявлению, классификации, палеографическому описанию и источниковедческому анализу архивных и частично опубликованных материалов, имеющих отношение к вологодскому гостю. Несомненным достоинством является использование М. С. Черкасовой сфрагистических и эпиграфических

источников — печатей Вологодской таможни, печати самого гостя Г. М. Фетиева, а также надписей на утвари и колоколах, изготовленных по заказам купца в качестве поминальных вкладов во Владимирскую церковь г. Вологды (с. 22).

В историографическом обзоре приведена оценка и краеведческих работ, освещающих различные стороны биографии Г. М. Фетиева, и в целом практики изучения привилегированных купеческих корпораций и торговых людей России. Анализ исследований предшественников дал возможность выявить некоторые пробелы в изучении темы. Особенно плодотворным, по мнению М. С. Черкасовой, стало обращение историков в 1980–2000-е гг. к личным материалам горожан в целом и купцов в частности. Автором отмечены специальные исследования видового состава купеческих архивов, а также масштабные публикации огромного комплекса документов московских гостей Панкратьевых и новгородского гостя Семена Гаврилова. Данные публикации делают правомерным, по мнению автора, представление о купеческом архиве как едином делопроизводственном комплексе, требующем углубленного источниковедческого анализа (с. 13–14).

Объектом внимания М. С. Черкасовой оказался не просто один из крупнейших вологодских гостей XVII в. — купец Г. М. Фетиев. Был проведен анализ основных направлений его торгово-кредитной деятельности, отношений с местным посадским миром, его индивидуального и общественного сознания, его места в профессиональной корпорации, обществе, системе родственных и социальных связей. Таким образом, рассмотрен весь комплекс вопросов, позволяющих, с одной стороны, представить жизнь посадского мира во всем его многообразии, с другой — придающих работе лично окрашенный характер, несомненную социокультурную направленность (с. 16, 22).

Отправной точкой подробной реконструкции биографии Г. М. Фетиева стало выявление круга его ближайших родственников и параллельное антропонимическое исследование — выяснение постепенной трансформации написания фамилии Фадеев – Фотеев – Фетиев. Даже такой крохотный вопрос вызвал необходимость филигранного сопоставления данных писцовых, переписных, таможенных и приходо-расходных книг, купчих, челобитных и пр. (с. 23–28).

Исследование предпринимательской деятельности вологодского купца потребовало уточнения практики употребления самого понятия «предпринимательство», поскольку оно «не принадлежало дискурсу Московской Руси». Автор в целом согласен с применением в современных исторических исследованиях определения предпринимательства: «индивидуальное или коллективное занятие каким-либо видом экономической деятельности, связанной с рыночной сферой и имеющей своей целью получение прибыли». Начальный этап этого процесса отнесен к XVI в., хотя целостной картины для данного периода, указывает М. С. Черкасова, еще не создано (с. 29).

Деятельность Г. М. Фетиева в полном объеме иллюстрирует все особенности российского предпринимательства раннего этапа развития, когда

вследствие неустойчивости формирующегося национального рынка предприимчивые горожане стремились максимально расширить сферу своей торгово-промышленной деятельности. Первый официально отраженный в отписке новгородского митрополита Никона (будущего российского патриарха) предпринимательский шаг Гаврилы Фетиева относится к 1652 г.: «вологжане, посацкие люди», в числе которых был и Гаврилко Мартынов, доставили на Двину барки с государевым хлебом. Далее последовали казенные подряды на поставку вина на государев кружечный двор, производство и поставки поташа, солеварение, торговля солью, сдача в аренду соляных варниц, смолокурный промысел, поставки рыбы, продажа сукон в Галицкую четь для передачи их мастерицам Царицыной палаты, а также ростовщические операции, в том числе с иноземными купцами, кожевенные мастерские и пр. (с. 30, 32, 37, 38, 42).

Исследование предпринимательских талантов Г. М. Фетиева автор проводит на фоне происходящего масштабного процесса — сословного оформления посадских жителей. Данный вопрос недостаточно подробно освещается в нашей научной литературе, и реконструкция фетиевской биографии помогает восполнить некоторые лакуны. В частности, в апреле 1660 г. Г. М. Фетиев получил от вологодского воеводы Н. К. Стрешнева «данную дворовую» запись на порозжее место в городе. Право владения оговаривалось условием «великого государя службу служить и подати платить» вместе с посадскими людьми. По мнению автора, данный факт свидетельствует о соединении служилых и тяглых характеристик людей и «сирот» государевых, возрастании их общественной значимости, что очерчивает становление сословных характеристик. Разумеется, это обстоятельство не вписывается в круг поместной военно-служилой системы. Однако, поскольку подобные факты в отношении посадских людей — предоставление воеводских данных на земельные участки при условии «службу служить» — зафиксированы в научной литературе (с. 31), наверное, автору следовало бы более подробно остановиться на этом. Чин гостя, дававший право вотчинного владения, Г. Фетиев получил позже, в середине 70-х гг. XVII в., и к концу жизни стал собственником ряда сел и деревень с пашней, «с крестьяны и с крестьянскими женами» (с. 38, 73). В нашей историографии немного исследований о гостевом землевладении, и его особенности еще нуждаются в уточнении.

Значительное внимание в монографии уделено изучению повседневной жизни горожан через призму разнообразных деловых, родственных и социальных связей Г. М. Фетиева.

Выявленные М. С. Черкасовой факты наглядно показывают, что вологодский гость Г. М. Фетиев воплотил в себе характерные черты, присущие предпринимательскому слою России периода первоначального накопления капитала. Это, безусловно, властный и предприимчивый человек, хорошо представляющий, какие сферы деятельности приносят наибольшую выгоду. Его деловая хватка позволила ему стать таможенным головой, заключать

подряды с казной, торговать с иноземцами, получить чин гостя. Будучи неграмотным, Г. М. Фетиев тем не менее постоянно отслеживал колебания рынка, занимаясь примитивной спекуляцией по классической формуле: «дешево купить, чтобы дорого продать». Помимо торговых, неоднократно проводил ростовщические операции, забирая за долги посадские двory. К концу 1670-х гг. у Г. М. Фетиева было зафиксировано 28 дворов вологодских посадских людей и бобылей (с. 50). М. С. Черкасова также отмечает особую статью обогащения вологодского купца — банальный криминал. Документы пестрят сообщениями о вымогательстве (требовал от посадского человека на кружечном дворе «бесцету» отдать свое вино), незаконных поборах (брал с помещичьих торговых «людишек и крестьянишек» пошлины «не против великого государя указу»), примитивном грабеже («пограбил животов и платья») и даже о хождении по городу «скопом и заговором» в сопровождении верных 50 человек с дубинами, ножами и кистенями (с. 27, 33, 36, 37). Особенность купеческой ментальности проявилась и в совершенно курьезном случае: Г. М. Фетиев похитил собственную сестру у ее мужа и принудительно удерживал ее в своем доме в течение пяти лет. Причиной столь странного поступка стал не выплаченный вовремя зятем долг. Свою сестру купец фактически забрал в залог. Только после смерти Г. М. Фетиева его зять посмел обратиться за помощью к вологодскому владыке с просьбой о возвращении своей жены (с. 54, 55). Подобные факты тем не менее не оказывали существенного влияния на репутацию Г. Фетиева: он оставался почетным и уважаемым человеком, занимавшим ведущее место в верхушке торгово-посадского мира Вологды. Возможно, определенную роль в этом сыграли особые контакты купца с приходской Владимирской церковью, Спасо-Прилуцким монастырем и архиерейским домом.

М. С. Черкасовой проанализированы документы, характеризующие тесную связь Г. М. Фетиева с Владимирской церковью, куда им неоднократно делались вклады — колокола и драгоценная утварь. Кроме того, часть своей недвижимости Г. М. Фетиев сдавал в кортому (аренду) для выплаты руги церковно- и священнослужителям. Церковь по смерти Гаврилы Мартыновича получила и внушительную недвижимость — двory, огороды, лавки, кожевенные избы (с. 22, 76, 93). Сохранились сведения и о доверительных отношениях Г. М. Фетиева с церковными властями Вологды. Имея постоянные деловые контакты со Спасо-Прилуцким монастырем, состоятельный купец также мог позволить старцам отсрочить уплату долга или даже вовсе его простить. В письме архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря по отношению к Г. М. Фетиеву явно прослеживаются униженно-благодарственные интонации: «всякие чести достойный богомолец», «желаем душевного твоего спасения». На этом фоне показательны интонации купца в обращении к монастырским властям: напоминая о необходимости вернуть долг, Г. М. Фетиев деловым, почти приказным тоном предлагает расплатиться монастырской солью по явно заниженной цене и в то же время добавляет: «При сем благословения прося, челом бью» (с. 32, 44, 46).

Отношения купечества с Богом и религией — совершенно особая тема, часто рассматриваемая в отечественной литературе. На пороге жизни иной люди часто вспоминали о необходимости добрых дел в надежде на получение наград на том свете. «Резоимство» и «лихва» с точки зрения православия не относились к числу достоинств торговых людей, что, однако, не отменяло ростовщичества. М. С. Черкасовой очень убедительно показано, что у Г. М. Фетиева тесно переплетались поминально-благочестивые и хозяйственно-денежные мотивы, а сама купеческая религиозность имела явно коммерческую окраску (с. 47).

Автором приведены сведения и о жизненном укладе вологодского гостя. Его предметно-бытовое окружение явно не вписывалось в традиционный городской быт посадского человека. Зеркала и серебряные подсвечники, попугаи и «конарейки», многочисленная дворня и «карлы» в доме, яблоневый сад и удобные экипажи сближали городскую усадьбу Ганки Фетиева со столичным дворянским укладом, причем не XVII, а XVIII в. При этом до конца своей жизни купец оставался неграмотным, человеком устной культуры. Это, однако, не помешало ему в своей духовной, продиктованной за месяц до смерти, перечислить по именам или именам-отчествам-фамилиям не только около 170 человек, но и клички и масти лошадей, вспомнить обо всех земельных участках, некоторые из которых были столь незначительны, что были названы просто «лоскутки» (с. 68, 70).

Безусловной ценностью работы М. С. Черкасовой являются иллюстрации, придающие наглядность излагаемому материалу: портрет Г. М. Фетиева, фото фрагмента его духовной, фото его личной печати и пр.

В целом же автору удалось раскрыть особенности городских социальных процессов XVII в., выявить качественные трансформации, которые прослеживались и в сознании горожан, и в практике формирования купеческих документальных комплексов, и в переплетении мотивов частной и публично-правовой сферы, и в церковном регулировании правоотношений, связанных с распределением наследства.

Монография М. С. Черкасовой «Купец Г. М. Фетиев: исследование и архив» значительно расширяет имеющиеся в науке представления об истории русского города, его хозяйственной, общественной и бытовой жизни и является прекрасной иллюстрацией того, как в микроистории отражаются макроисторические процессы.

УДК 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.12

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения
Комитета науки Министерства образования
и науки Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
anatkosichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9112-8426

ИСТОРИОСОФИЯ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНОЕ И ДУХОВНОЕ ГОСПОДСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. История и ее интерпретации в интересах различных геополитических, социальных или религиозных групп становятся действенным фактором борьбы за идейное и духовное господство в современном мире. Следовательно, к интерпретациям прошлого, настоящего и даже возможного будущего сегодня прибегают весьма активно. Тем большее значение приобретает задача объективации истории, полагающей предел историческим спекуляциям в интересах деструктивных сил. Одним из возможных направлений адекватного постижения истории, на наш взгляд, выступает историософский подход к раскрытию сущности исследуемых историей процессов. Историософия дает возможность обоснованно объединять события в группы, близкие по их содержанию и существу, не только близко положенные во времени, но и ретроспективно. Настаивая на возможно полной объективности историософского подхода, необходимо дать место и творческой интуиции, без которой нельзя «прорваться» к концепту, основанию, идейной и мировоззренческой основе историософии. Как всякий обобщенный взгляд, историософия и утрачивает нечто из конкретного многообразия исторических явлений, так что историософский подход не лишен недостатков, к которым, в частности, относится известная субъективность в выборе идейной основы, концепта историософского подхода. Однако эти недостатки историософского подхода с лихвой компенсируются тем обстоятельством, что историософия позволяет создать целостную систему исторического знания, а целостность —

незаменимое качество в борьбе за обретение права страны иметь свою систему ценностей, идей и духовных основ общества, на которых базируются национальные интересы государства; и истории здесь принадлежит лидирующая роль.

Ключевые слова: исторический процесс, историософия, интерпретация, идейное и духовное господство, концепт, сущность, культура, цивилизация.

Благодарности: статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (грант № AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

UDC 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.12

Kosichenko Anatoly G.

Doctor of Philosophy, Professor

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies

of the Science Committee of the Ministry of Education

and Science of the Republic of Kazakhstan

Almaty, Republic of Kazakhstan

anatkosichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9112-8426

HISTORIOSOPHY IN THE STRUGGLE FOR IDEOLOGICAL AND SPIRITUAL DOMINATION IN THE MODERN WORLD

Abstract. History and its interpretations in the interests of various geopolitical, social or religious groups are becoming an effective factor in the struggle for ideological and spiritual domination in the modern world. Therefore, interpretations of the past, present and even possible future are being resorted to very actively today. All the more important is the task of “objectification” of history, which puts a limit to historical speculation in the interests of destructive forces. One of the possible directions of adequate comprehension of history, in our opinion, is the historiosophical approach to revealing the essence of the processes studied by history. Historiosophy makes it possible to reasonably combine events into groups that are close in their content and essence, not only close in time, but also retrospectively. Insisting on the fullest possible objectivity of the historiosophical approach, it is necessary to give place to creative intuition, without which it is impossible to “break through” to the concept, foundation, ideological and ideological foundations of historiosophy. Like any generalized view, historiosophy also loses something from the concrete variety of historical phenomena; so the historiosophical approach is not without drawbacks, which, in particular, include a certain subjectivity in choosing the ideological basis, the concept of the historiosophical approach. However, these shortcomings of the historiosophical approach are more than compensated by the fact that historiosophy makes it possible to create an integral system of historical knowledge, and integrity is an indispensable quality in the struggle for the right of a country to have its own system of values, ideas and spiritual foundations of society on which the national interests of the state are based; and history plays a leading role here.

Keywords: historical process, historiosophy, interpretation, ideological and spiritual domination, concept, essence, culture, civilization.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the funding of the KN of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan (Grant № AR09260036 “Secular and religious values in modern Kazakhstan: interaction and influence on the policy of the Republic of Kazakhstan in the field of religion”).

Введение. В самое последнее время предельно обострился и стал очевиден глобальный кризис современного мироустройства. Геополитические притязания и национальные интересы крупнейших стран вступили в полосу открытого противостояния, ставящего мир на грань существования. В основе глобального кризиса лежат мировоззренческие, ценностные, нравственные и духовные противоречия. Казалось бы, мир стал настолько прагматичным и утилитарно настроенным, а всеобщая ориентация на все возрастающее материальное потребление так захватила людей на различных континентах, что какие бы то ни было нравственно-духовные стороны человеческого существования вообще уже не имеют никакого значения и не играют никакой роли. Однако сегодняшний кризис настолько всеобщ и глобален, что не оставляет в стороне ни одну из форм государственной, общественной и личной жизни. Не только финансово-экономические, социально-политические и силовые составляющие прорвавшихся противоречий оказались на острие противостояния, в него вовлечены культурные и моральные предпочтения, традиционные для общества ценности и установки; противостояние обрело тем самым комплексный характер. Борьба идет не только за политическое, экономическое, ресурсное превосходство, она идет и в идейной, культурной и нравственно-духовной сфере.

Среди других мировоззренческих, идейных, интеллектуальных, научно-познавательных составляющих отмеченного противостояния история занимает особое место. Сегодня стало практически очевидным, что история связывает воедино прошлое, настоящее и будущее. Прошлое непосредственно формирует настоящее, но оно же задает формы, способы и условия, создающие будущность человечества. История и ее интерпретации становятся действенным фактором борьбы за идейное и духовное господство в современном мире. Интерпретация истории в интересах различных геополитических, социальных или религиозных групп — явление не новое, но получившее в современных реалиях особенное значение. Эта интерпретация позволяет тем или иным активным субъектам, творящим парадигмы развития современности, усилить свои позиции. Таким образом, к интерпретациям прошлого, настоящего и даже возможного будущего сегодня прибегают весьма активно. Тем большее значение приобретает задача объективации истории, полагающей предел историческим спекуляциям в интересах деструктивных сил. Одним из возможных направлений адекватного постижения истории, на наш взгляд, выступает историсофский подход к раскрытию сущности исследуемых историей процессов.

Ход и результаты исследования. История сочленяет в себе как строго объективные аспекты изучения прошлого, так и в заметной мере субъективные

прочтения исторических периодов фактов, событий. То, что прошлое прошло, не защищает его от разночтений, прямо противоположного видения и фальсификаций. Казалось бы, всех этих несовпадений, ошибок и сознательных искажений можно было бы избежать, усилив требования к научности, рациональности и точности изложения исторических фактов. Но нет, ни повышение качества методологии исторических исследований и их методов, ни призывы к научной порядочности исследователя не избавляют от многообразия интерпретаций прошлого. Что наводит на мысль о неслучайности такого положения исторической науки.

И в самом деле, неоднозначность прочтения истории, даже и в относительно короткой исторической ретроспективе, не говоря уже о более отдаленных от нас временах, когда с подобной неоднозначностью сталкиваешься, что называется, на каждом шагу, приводит к умозаключению о том, что многообразие интерпретаций истории неизбежно, так как в этих интерпретациях проявляется желание самых разных групп и слоев общества (социальных, этнических, религиозных и др.) «возводить» историю к себе, к своей правде, к своему видению смысла истории, к своим идейным, мировоззренческим, духовным предпочтениям и ценностям. И все это многократно возрастает, когда мы обращаемся к международному уровню интерпретации исторических процессов, и при попытках «опрокинуть» историю на будущее. В этом мы видим проявление борьбы за идейное и духовное господство в современном мире, ставшей сегодня предельно очевидной.

События и процессы, которые изучает история, действительно, неоднозначны. Будучи поставленными в разные контексты, эти события и не могут восприниматься одномерно. Если же возникает еще и переплетение событий и процессов (а так чаще всего и бывает), то однозначности просто невозможно ожидать.

Многообразие форм интерпретации истории имеет причины самые разные. Нередко это происходит из искреннего желания восстановить истину, к чему стремятся добропорядочные и честные историки. И многочисленные прочтения одних и тех же периодов истории при этом естественны. Но даже и в этом случае должно настораживать само это многообразие прочтений, ведь ученые знают или подозревают, что научная истина все же одна; и хотя имеется общий принцип познания, при котором познание осуществляется движением от относительной истины к абсолютной (при невозможности достижения этой самой абсолютной истины, разве только в отдаленной перспективе), но все же многообразие истин, связанное с многообразием прочтений процессов истории, должно порождать некое чувство неудовлетворения. Так происходит в случае научной порядочности историка. А сколько искажений возникает при ангажированности, при партикулярных интересах, при предвзятости подхода к историческому материалу, при материальной заинтересованности, при давлении со стороны разнообразных сил. Если к этому добавить предзаданность результатов исторических «изысканий» в интересах различных социальных и политических групп, искажений истории в связи с легитимизацией притязаний на древность стран, на их права

на территории и влияние, то история ставится на грань соответствия научным критериям. Таким образом, не удивительно современное состояние истории, основной характеристикой которого выступает так называемая толерантность, доведенная до абсурда и прострации. Толерантность уместна во многих сферах современности, но когда она требует относительности истины при исследовании исторических процессов, она теряет свою легитимность, и не должна быть методологическим принципом исторического познания, даже если наша эпоха и настаивает на этом. История как наука в значительной мере зависит от господствующих идей и установок, на что обращал внимание А. Тойнби: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места»¹. Но история, изучающая «поток жизни», не может сводиться к доминирующим в ту или иную эпоху взглядам; это делает ее бессильной в понимании сущности своего предмета.

История и историк всегда помещены в противоречие между преданностью фактам и необходимостью их обобщения до уровня сущности совокупности этих фактов. Можно было бы устранить это противоречие разделением исторического исследования на два периода, следующих друг за другом: изучение фактов и раскрытие их сущности. Но периоды эти длительны, и их не всегда удается совместить в сознании индивида вследствие скоротечности его жизни. Следовательно, приходится или оставаться в горизонте фактологии, или оперировать системами идей, неизбежно абстрактными. Ни один, ни другой метод нехороши для историка, преданного истине. «Современная историческая литература — особенно ее “серьезная”, академическая часть — поражает непредвзятого читателя странным сочетанием фактологической полноты, тщательности и кропотливости с удивительной концептуальной беспомощностью и своеобразным “мировоззренческим инфантилизмом”, неумело скрываемым за обилием специальной научной терминологии. Впрочем, было бы несправедливо обвинять в таких грехах исключительно современных историков. Эта болезнь русской историографии имеет давний и затяжной характер»².

Однако ситуация не безнадежна. Можно изменить последовательность изучения: исходить не из фактов, а из общих идей, построенных на фактах предшествующего периода изучения. Так возникает историософский подход к истории. В этом подходе мы интерпретируем факты в соответствии с их местом, значением и содержанием в предварительно выработанной концептуальной идеологии. Историософия дает возможность обоснованно объединять события в группы, близкие по их содержанию и существу, не только близко положенные во времени, но и ретроспективно. Что, в свою очередь, предоставляет возможность выявлять тренды и более крупно — тенденции. Тем самым

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 14.

² Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2004. С. 393.

мы получаем возможность в известной мере предсказывать события, о чем явно или неявно мечтала историческая наука.

Историософское прочтение истории и состоит в понимании исторических процессов как имеющих общее идейное и мировоззренческое основание. Говоря другими словами, имеется глобальная концепция, в контексте которой весь исторический массив обретает единство. Историософия придает этому массиву идейное основание; идейное в данном случае следует понимать предельно широко: не как некоторую идею, под которую подводят исторические факты и прочее, но как конкретизацию отношений «мир – человек» с позиций «мудрой» истории (так буквально переводится термин «историософия»). К примеру, всю историю человечества при историософском подходе понимают, толкуют и объясняют в контексте христианства; при этом история человечества начинается с акта грехопадения и завершается апокалипсисом. А движущей силой истории выступают отношения Бога и человека. История при таком понимании имеет смысл, заключающийся в обретении утраченного в грехопадении единства человека и Бога, и все исторические перипетии получают свое объяснение в этом едином для человечества смысле, сохраняющемся в течение всей истории человечества. Можно возмутиться и возразить: такое понимание истории ограничивает ее, втискивает в прокрустово ложе религии, обедняет и обесмысливает историческое познание как таковое. Да, отчасти это так. Выбрав эту историософскую позицию, историк оставляет в стороне все иные интерпретации исторического процесса. Но разве лучше блуждать среди разрозненных фактов, не находя им удовлетворительного объяснения? Или же лучше воссоздавать историю под пристальным взглядом заказчика? В любом случае чем-то приходится жертвовать, так почему бы не мнимой свободой научного познания, которая на поверку оказывается едва ли не большим ограничением в познании предмета истории, ибо зависит от времени и места, доминирующих в то или иное время методов познания, субъективных качеств ученого-историка и господствующей идеологии. Христианство в качестве одного из историософских подходов к истории оказалось не чуждо и такому весьма прагматичному историку, как А. Тойнби, который при всей достаточно оправданной критике в его адрес в неакадемичности, построил одну из самых грандиозных историософских концепций: «Историк должен вдохновиться стремлением не просто узнавать факты, но постигать их смысл. Высшим смыслом творческого поиска является поиск Бога, действующего в истории, а первым слепым шагом на этом паломническом пути является стремление понять, каким образом факты Истории соединены между собой»³.

Историософский подход к изучению истории изначально открыто обозначает свою идейную, мировоззренческую направленность и приоритеты — и тем выигрывает, не растрачивая усилий на сокрытие истинных целей той или иной интерпретации истории, не умножая нелепостей и наслоений, которые

³ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 634.

в любом случае видны грамотному исследователю. Историософия стоит или пытается стать над непосредственными историческими процессами, фактами и событиями, стремится выявить предельно общие их закономерности и сущность. Постигать историю средствами историософии труднее, чем просто излагать исторические события. Но зато возникает основа для целостного понимания исторического процесса в его единстве. Историософия исходит из наличия смысла истории, претендуя тем самым на постижение истории в ее сущности. Наличие смысла или его обретение в процессе исторического исследования, в свою очередь, предполагает или придание смысла историческому процессу в ходе его развития, или телеологию. На этих двух основаниях и базируется историософия. Историософия постигает смысл истории и исходит из наличия этого смысла. Восхождение к смыслу не очевидная задача истории. Но надо признать, что любая попытка не только ориентации на нахождение смысла, но и просто научное обобщение фактов и событий и выстраивание их в систему уже имеет дело со смыслом этой группы явлений (иначе как их осмыслить?). В известной мере историософия является метаисторией, стоит над историческим постижением истории, при этом не покидающей предмета исторического познания.

Имеется несколько исторически следующих друг за другом концепций истории, которые можно отнести к историософским. Это регрессивное понимание истории человечества, выраженное Гесиодом и индийской теорией повторяющихся четырех все более деградирующих периодов существования человечества. Это религиозно-мировоззренческий подход и уже — христианское видение смысла и сущности истории, далеко не сводящееся к осевому времени. Это концепция И. Г. Гердера, которую он сам называл философией истории, но в методологическом отношении его подход был именно историософией. Это понимание истории как прогрессивного развития человечества, ясно сформулированное в Новое время. Это материалистическое понимание истории, развитое К. Марксом. Это цивилизационный подход к истории (Н. Данилевский и вообще славянофилы, О. Шпенглер, А. Тойнби). В конце XX в. митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) написал и издал «Очерки русской историософии», в которых осуществил духовное прочтение русской истории (начиная с Рюриковичей и до нашего времени). Вот, пожалуй, и все. Хотя при желании можно найти и иные, менее значащие историософские веяния в исторической науке.

Нельзя обойти вниманием и следующий вопрос, связанный с историософским подходом к истории. Историософия существенно упорядочивает и сокращает количество интерпретаций событий и фактов истории. И борьба идей и установок, не прекращающаяся в исторической науке, выражается в столкновении различных историософских подходов. Историософия не является непрерывным и непротиворечивым, последовательно преемственным объяснительным принципом в исторической науке. Можно видеть, что одни историософские концепции нередко несовместимы и даже противоречат другим: достаточно

сопоставить марксистское и христианское понимание истории в качестве историософских подходов к историческому процессу. Но это не подрывает историософский подход изнутри, не превращает его в недееспособный, в ложный.

Так, И. Г. Гердер еще в конце XVIII в. подметил, что общих концепций истории может быть много, и философия истории может быть построена на разных основаниях, в том числе и таких, какие самим Гердером отрицаются. Вот что он писал по этому поводу: «Вся история людей — это чистая естественная история человеческих энергий, действий, влечений, история, во всем сообразная с временем и местом. Сколь бы ни прост был этот принцип, он проясняет многое и бывает полезен при рассмотрении истории разных народов. Любой историк согласится со мною в том, что удивленно пялить глаза и без толку запоминать имена народов не значит заниматься историей, а если так, то, наблюдая любое историческое явление, размышляющий разум должен проявить всю свою остроту, как и при наблюдении явлений природы. Поэтому, рассказывая о ходе истории, разум будет искать в ней величайшую истину, постигая и оценивая события, будет стремиться найти в них полнейшую взаимосвязь, но не будет существующее и происходящее объяснять чем-то другим, чего вообще нет. Стоит ввести этот строгий принцип, и тотчас же исчезают всякие домыслы, всякие признаки волшебной страны; мы повсюду пытаемся тогда увидеть то, что есть, во всей его чистоте, а когда увидим, то тогда, по большей части, заметим и причину, почему существующее не могло быть иным. Когда ум наш усвоит такую привычку в своем подходе к истории, то он найдет путь к более здоровой философии, которую вряд ли можно найти где-либо помимо естественной истории и математики. И именно следуя этой философии, мы в первую очередь и прежде всего остережемся присочинять к реальным явлениям истории скрытое от нас особое намерение — некий неведомый замысел, — и тем более причислять магическое воздействие незримых демонов, духов, которых мы не решились бы и припомнить, если бы речь шла о явлениях природы. Судьба открывает свои намерения в том, что и как происходит; поэтому созерцатель истории выводит ее намерения лишь из того, что реально существует и до конца проявляет себя. Почему существовали на земле просвещенные греки? Потому что греки существовали, а существуя, и могли при таких-то обстоятельствах быть лишь просвещенными греками». И далее: «История — это наука о том, что реально существует, а не о том, что могло бы быть согласно тайным намерениям судьбы»⁴.

Историософское прочтение истории прибегает в качестве конкретизации своего подхода к таким крупным образованиям, как культура и цивилизация. Они, эти образования, органично обобщают многочисленные исторические факты и события, процессы и явления, что важно для историософии. «Вся доступная нашему обозрению история человечества является историей становления, расцвета, гибели и взаимодействия народов, культур и цивилизаций.

⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 386, 387.

Именно они являются субъектами исторического процесса, главными действующими лицами грандиозной драмы, развертывающей свое течение на пространстве веков и тысячелетий»⁵. Н. Я. Данилевский, создавший теорию культурно-исторических типов, подчеркивал, что естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов как главной основы ее деления, а сама «цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает»⁶.

Конечно, культурологический или цивилизационный подходы к пониманию сущности истории не должны и не могут подменять собой историософию, но она может прибегать к ним, когда это уместно. Как историософия, так и культурологический и цивилизационный подходы проделывают для истории важнейшую работу по обобщению различных исторических фрагментов. Вот, что пишет П. Сорокин: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которой пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, главную, ценность»⁷.

Заключение. Историософия позволяет взглянуть на историю в целом и на ее отдельные периоды с позиции панорамного, объемного видения. Историософия обобщает исторические события и факты, процессы и явления и приближает историка к видению их сущности. Но, как всякий обобщенный взгляд, историософия и утрачивает нечто из конкретного многообразия исторических явлений; так что историософский подход не лишен недостатков, к которым, в частности, относится известная субъективность в выборе идейной основы, концепта историософского подхода. Для снижения уровня потерь при историософском подходе необходимо найти такое мировоззренческое и нравственно-духовное основания тому или иному историософскому концепту, которое отвечало бы критерию соответствия обобщаемым материалам и позволяло бы раскрыть их сущность. Следовательно, стремясь к возможно полной объективности историософского подхода, необходимо дать место и творческой интуиции, без которой нельзя «прорваться» к этому самому концепту, основанию, идейной и мировоззренческой основы историософии.

Такое сочетание, казалось бы, противоречащих друг другу требований необходимо еще и потому, что историософские концепции не единообразны, их довольно много, и они нередко вступают в противоречия между собой, и противоречия эти дорастают до столкновения различных историософских

⁵ Митрополит Иоанн. Указ. соч. С. 399.

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2019. С. 174.

⁷ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 429.

подходов (в зависимости от идейной концепции, положенной в основу историософской интерпретации). Следует упомянуть и о неприятии историософии как таковой, когда ее упрекают в поверхностности и абстрактности.

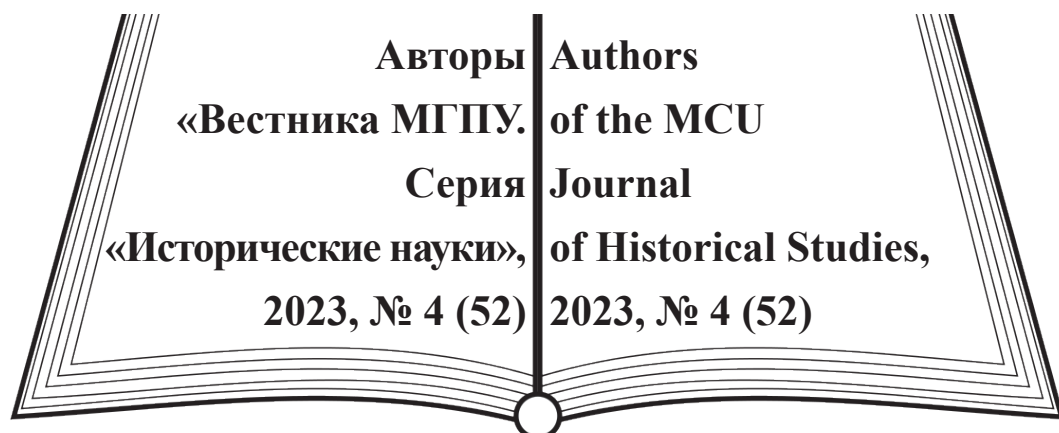
Но все эти недостатки историософского подхода с лихвой компенсируются тем обстоятельством, что историософия позволяет создать целостную систему исторического знания, а целостность — незаменимое качество в борьбе за обретение права страны иметь свою систему ценностей, идей и духовных основ общества, на которых базируются национальные интересы государства; и истории здесь принадлежит лидирующая роль.

Литература

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова; [АН СССР]. М.: Наука, 1977. 705 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2019. 704 с.
3. Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2004. 494 с.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

References

1. Herder J. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of human history] / per. i primech. A. V. Mikhailova; [AN SSSR]. Moscow: Nauka, 1977. 705 p. (In Russ.).
2. Danilevskii N. Ia. Rossiia i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: AST, 2019. 704 p. (In Russ.).
3. Mitropolit Ioann. Russkaia simfoniia. Ocherki russkoi istoriosofii. [Russian symphony. Essays on Russian historiography]. St. Petersburg: Tsarskoe delo, 2004. 494 p. (In Russ.).
4. Sorokin P. Chelovek. Tsvivilizatsiia. Obshchestvo [Man. Civilization. Society] / [obshch. red., sost. i predisl. A. Iu. Sogomonova]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russ.).
5. Toynbee A. J. Postizhenie istorii [A study of history]: sbornik: perevod s angliiskogo iazyka. Moscow: Progress, 1991. 736 p. (In Russ.).

Алексеев Константин Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Тверской государственной сельскохозяйственной академии.

Alekseev Konstantin A. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Tver State Agricultural Academy.

E-mail: alekseev.k@mail.ru

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Amanzholova Dina A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Бакланов Вячеслав Иванович — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Baklanov Vyacheslav I. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: vibaklanov@fa.ru

Гребенкин Алексей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Grebenkin Alexey N. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation.

E-mail: angrebyonkin@mail.ru

Киприянова Наталия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Kipriyanova Nataliya V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Archeology and Local History of Vladimir State University.

E-mail: natvlad50@mail.ru

Косиченко Анатолий Григорьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Kosichenko Anatoly G. — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

E-mail: anatkosichenko@mail.ru

Курбатов Олег Александрович — кандидат исторических наук, заведующий архивохранилищем микрофотокопий документов Российского государственного архива древних актов.

Kurbatov Oleg A. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Archival Storage of Microphotocopies of Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts.

E-mail: olegkurbatov@yandex.ru

Мамедова Севиндж Джаваншировна — научный сотрудник Института востоковедения им. З. М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана.

Mammadova Sevinj J. — Researcher at Institute of Oriental Studies named after Z. M. Buniyatov of the National Academy of Sciences of Azerbaijan.

E-mail: sevinc.mammedova81@gmail.com

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Penskoy Vitaly V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theology, Belgorod State National Research University.

E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Скрипкин Иван Николаевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры естественных и технических наук Липецкого казачьего института технологий и управления (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Skripkin Ivan N. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Natural and Technical Sciences of Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University).

E-mail: ivan-skripkin@yandex.ru

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Stogov Dmitry I. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Culture, State and Law, Saint Petersburg Electrotechnical University.

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, эксперт Центра публичной истории Московского городского педагогического университета.

Shapoval Viktor V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Expert at the Center for Public History of the Moscow City University.

E-mail: shapovalvv@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль шрифта — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисовочные подписи выполняются кеглем шрифта 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль шрифта — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2023, № 4 (52)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музаилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 09.02.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 9,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.